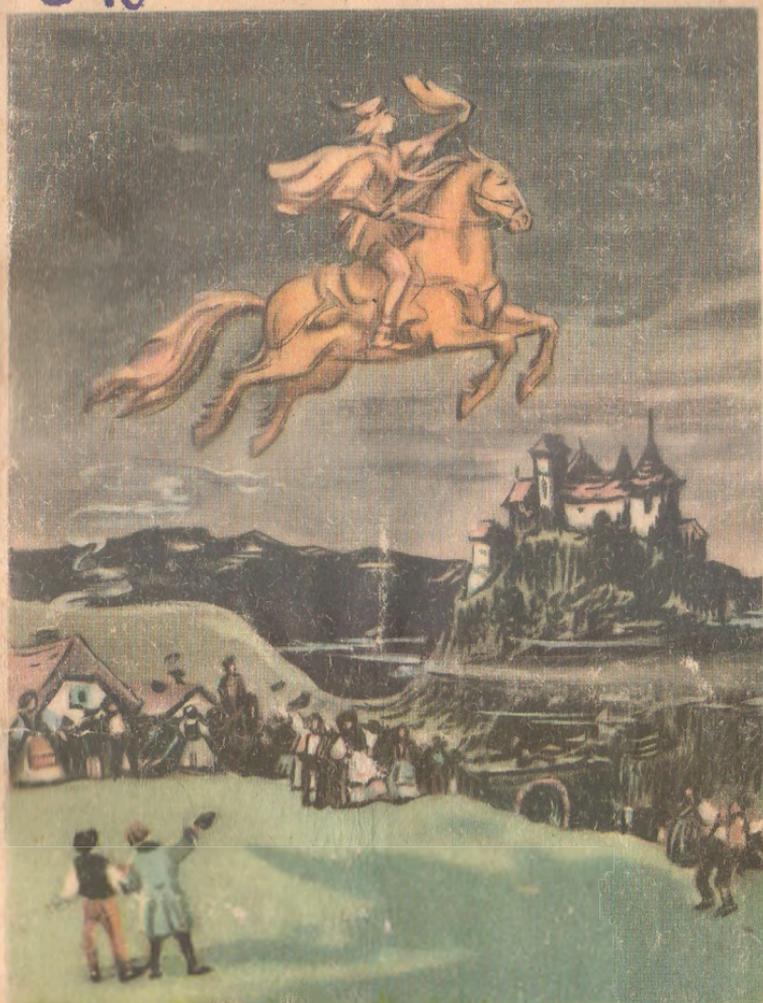

Пер
с 48

СЛОВАЦКИЕ СКАЗКИ

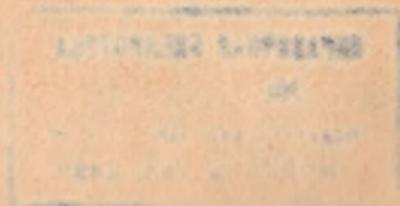
СЛОВАЦКИЕ
СКАЗКИ

Перевод со словацкого
Д. ГОРБОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1955

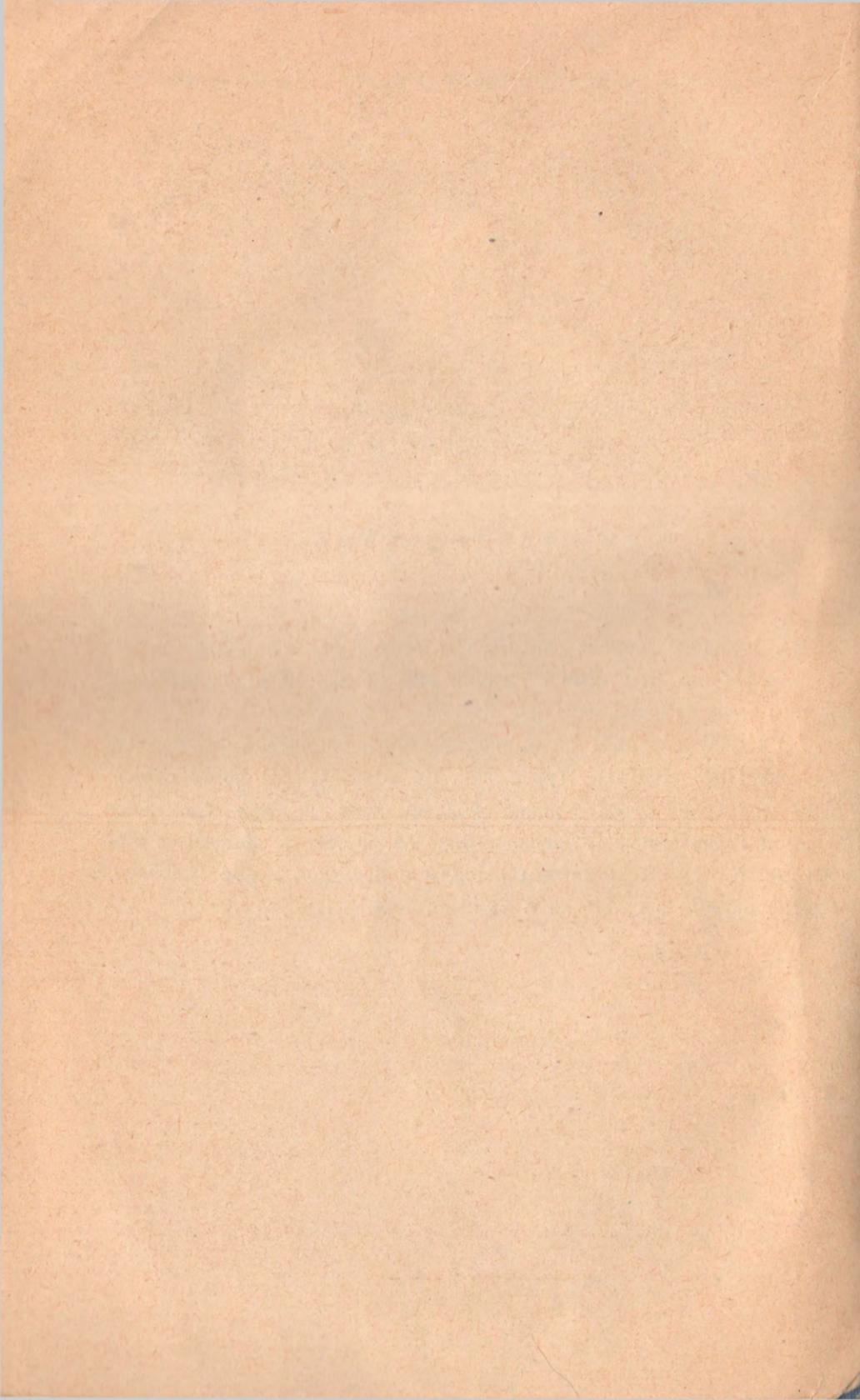
Составитель
П. БОГАТЫРЕВ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий сборник является переизданием сборника «Словацкие сказки», выпущенного Гослитиздатом в 1949 году и вторично в 1950 году. Перевод еще раз просмотрен и уточнен.

В основу сборника положено пятитомное «Собрание словацких сказок» (1923—1931 гг., Турчанский Св. Мартин). Из этого огромного собрания взяты лучшие образцы всех жанров словацкой сказки: героической, волшебной, бытовой, шуточной, сказки о животных. К ним присоединены легенды о народном герое Яношике, взятые из того же издания и из некоторых других.

ПАСТУХ ЯНКО И ПРЕКРАСНАЯ ЗМЕЙКА

В одной деревне жил бедняк с женой — в домике, стоявшем поодаль от остальных. Жил и помер. И осталась вдова с пятнадцатилетним сыном. Стали они совсем нищими, так что и есть им было нечего. Пошел сын работы искать, чтоб матери на пропитанье заработать. Бродил он целый месяц по лесам и повстречался в лесу со старым овечьим пастухом.

— Куда путь держишь, сынок? — спросил его старый пастух.

— Я, отец, человек бедный, иду работы искать.

— Хорошо, что пришел, сынок, ты мне как раз нужен. Будешь честно служить мне?

— Буду, отец.

— А на какой срок хочешь наняться, сынок? До каких пор у меня останешься?

— На три года.

— Ну, так три года тебе за три дня покажутся.

И остался парень у того пастуха служить. В первый день пошел хозяин показать ему, где в лесу овец пасти. А на третий молодой пастух один со стадом в лес пошел и до вечера весело там свистел и распевал... Вот как-то раз под вечер, когда пора уж было домой возвращаться, овцы вдруг чего-то испугались и в мгновение ока скрылись — ни одной возле него больше нет. Залился парень слезами. Как же ему теперь домой воротиться? Стал он бродить туда-сюда по лесу, вдруг слышит человеческий голос. Посмотрел по сторонам: кто это зовет его? И увидел под деревом страшную змею.

— О чем ты плачешь, пастух? — спросила она.

— Да как же не плакать, милая змейка? Ведь мне пора домой, а у меня все овцы разбежались. Что мне делать, как быть, сам не знаю.

— Не беда, — ответила змея. — Коли ты исполнишь мою просьбу, у тебя вдвое больше овец будет.

— Я на все согласен.

— Так возьми меня замуж.

— Возьму.

Змея засвистела — и вокруг него оказалось овец вдвое больше прежнего.

— Что же мне с новыми овцами делать? — удивился молодой пастух.

— Как тебя звать? — спросила змея.

— Меня зовут Янко.

— Продай их, Янко. Только смотри, не забудь про свое обещание: на третий день приходи сюда ко мне.

И змея исчезла. Погнал молодой пастух овец домой, а хозяин уж навстречу идет.

— Эге, паренек! Да ты, видно, хороший пастух. Вон сколько у тебя овец. Откуда это?

— Я не украл их, хозяин. Они мои. Завтра утром ступайте в ближайший город и продайте их там. Половина выручки ваша, половина моя.

Старик так и сделал: овец продал, половину выручки себе оставил, другую молодому пастуху отдал.

Прошло два дня, наступил третий. Пора было Янку в лес идти, со змеей встретиться. Страшно ему стало: что она с ним сделать хочет? Но он старался о том не думать, пошел в лес и весь день веселый был. Только под самый вечер, когда стал он со своими овцами домой собираться, вспомнил про обещание, которое змее дал, да

подумал: «Ведь змеи-то нет». Но не успел он это подумать, как все овцы у него разбежались, — только одна осталась, которую схватить удалось. Опять заплакал папень. И сразу змея появилась.

— О чем ты плачешь, Янко? — спрашивает.

— Ах, милая змейка, целый день я радовался, а теперь у меня горе: пропали мои овечки!

— Ничего, Янко, не горюй, — ответила змея. — Дай мне еще раз обещание, которое ты мне дал.

— Даю, даю.

— Нет, Янко, стань на колени, подыми руки к небу и поклянись, что возьмешь меня замуж.

Стал молодой пастух на колени и дал клятву, что женится на ней. Тогда змея засвистела — и появилось овец втрое больше прежнего.

— Продай лишних овец, как и в первый раз, — сказала змея. — Но на третий день жди меня тут. А не придешь — плохо тебе будет.

Погнал молодой пастух овец домой. Хозяин встретил его ласковыми словами:

— Ах, Янко! Какой ты хороший пастух! Откуда у тебя столько овец?

— Я не украл их, хозяин, — ответил Янко. — Они мои.

— Что же мы будем с ними делать?

— Да то же, что и с первыми. Половина выручки моя, половина ваша.

На другой день хозяин продал овец и половину выручки себе взял, а половину молодому пастуху отдал.

Прошло еще два дня, наступил третий. Пора Янку к змее идти. Целый день провел он с овцами в лесу, печальный. Все о змее думал: что она с ним сделает? А когда начало темнеть, пошел из лесу другой дорогой: решил нарушить клятву, которую змее дал. «Что поделаешь, думает, не помирать же». Но только он это подумал, овцы в испуге разбежались от него, словно их ветром развеяло. «Что теперь со мной станется? Пойду-ка я прямо к матери. Только ладно ли так будет? Ведь я рассержу и хозяина и змею, которой великую клятву дал. Ах ты, боже мой! Что же мне теперь делать?»

Вдруг рядом послышался голос змеи:

— Янко, Янко, пойди сюда!

— Нет, — ответил Янко, — я тебя боюсь.

— Два раза не боялся, а на третий боишься? Не бойся, не уходи, подойди поближе.

Собрался с духом Янко, подошел к змее.

— О чем ты горюешь? — спросила его змея.

— Как же не горевать? — ответил Янко. — У меня опять овцы пропали.

— А что ты мне два раза обещал?

— Знаю, знаю, милая змейка. Я дважды обещал, что возьму тебя замуж, да боюсь: ты такая большая, того и гляди со света меня сживешь.

— Не бойся, Янко. Я маленькой сделаюсь, как улитка. Ты завернешь меня в платок, положишь к себе за пазуху и будешь носить, сколько я захочу. Только заранее говорю тебе: береги меня как зеницу ока. И еще просьба: когда будешь меня за пазухой носить, никогда не ложись со мной на перину, а стели себе какое-нибудь тряпье.

Сказала так и спрашивает:

— Понял, что я тебе говорю?

— Понял, — ответил Янко.

— Тогда стань на колени и поклянись, что исполнишь все, что обещал.

Стал Янко на колени и дал змее твердую клятву все исполнить, о чем они договорились. И сделалась змея маленькой, как улитка. Взял молодой пастух ту улитку, положил ее себе за пазуху и пошел на дорогу к дому. А на дороге его уже овцы ждут. Смотрит Янко — их вчетверо больше против прежнего. Обрадовался Янко и, весело на-свистывая, погнал их домой. Тем временем уже совсем стемнело, и хозяин забеспокоился, не случилось ли чего с молодым пастухом. Пошел ему навстречу, стал кричать:

— Янко, Янко, где ты?

— Я здесь, я здесь, — ответил Янко. — Ах, хозяин, больно хорошо овечки у меня паслись. Потому я и домой долго не возвращался.

— Вижу, милый, вижу, что ты хороший пастух. Много у тебя овец.

— Вот эти — мои, — сказал Янко.

— Что мы будем с ними делать? — спрашивает хозяин.

— Продайте их и половину выручки себе, половину мне отдайте.

Так и сделали. На другой день рано утром пошел хозяин в соседний город, продал овец, половину выручки себе

взял, половину молодому пастуху отдал. И попросил молодой пастух у него расчет. За всех своих овец да за три года службы получил наш Янко много денег. Хозяин уговаривал его остаться, но он не захотел, — сказал, что ему пора домой, к бедной матери. Простился с хозяином и пошел.

Через несколько дней к вечеру счастливо домой добрался. Постучал к матери в окно:

— Откройте мне, мама!

Та обрадовалась, поскорей дверь открыла, обняла сына и спрашивает:

— Ах, сыночек милый, где же это ты столько времени пропадал?

— Я на хорошем месте служил, мама. А вы как это время жили?

— Плохо, сыночек. И поужинать-то тебе не соберу.

— Не печальтесь, матушка. Вот я вам денег принес.

Пошла мать скорее в город, принесла всякой снеди. Поужинали они, постлала она сыну постель.

— Ляг, — говорит. — Ты ведь устал, отдохни.

Но сын вспомнил про обещание, данное змее, — не ложиться на перину.

— Я лучше на печи лягу, матушка. Постелите мне там тряпье какое-нибудь.

Забрался Янко на печь и заснул крепким сном.

Мать от радости очей сомкнуть не могла, все думала, как с деньгами поступить. Вдруг пробило одиннадцать, и вся горница светом наполнилась. Змейка превратилась в прекрасную девушку. Красавица села за стол и запела. Потом подошла к Янку и стала горько плакать, приговаривая:

— Ах, Янко, Янко, проснись хоть на два слова. А не проснешься, мне плохо будет.

Все это с самого начала мать видела, лежа в постели, да побоялась сына окликнуть. Рано утром встала она и говорит сыну:

— Как спал, сынок?

— Очень хорошо.

— Ты ничего не заметил ночью?

— Ничего.

— А я что видела, сынок! Писаную красавицу. Она так хорошо пела, а потом подошла к тебе и заплакала, — просила тебя встать на два слова, говорила, что коли ты не проснешься, ей плохо будет.

— Ладно, матушка, — ответил сын. — Хорошо, что вы рассказали мне об этом. В следующую ночь я спать не стану, а буду ждать эту красавицу.

Как сказал он, так и сделал: целый день спал, а ночью только притворился спящим. Вот пробило одиннадцать, и почувствовал он, будто змейка у него за пазухой зашевелилась. Горница озарилась светом, и появилась красавица. Стал он следить, что она делать будет. Она запела. Потом подошла к нему, поцеловала его и говорит:

— Ах, Янко, Янко! Вспомни о своем обещании. Если ты не проснешься, меня ждет несчастье.

Услышав это, Янко поднялся, обнял красавицу и спросил ее:

— Кто ты и откуда?

— Я дочь одного мудрого змея, — ответила девица. — Если ты меня полюбишь, человеком стану.

Он и говорит:

— Выходи за меня замуж.

Она тотчас согласилась. Стала на колени и поклялась, что никогда его не покинет, а через два-три года отведет его на родину, к отцу.

Поблизости от того местечка, где поселился Янко с молодой красавицей, был город, в котором жил король. Он был еще холост и по всей стране жену себе искал, да по нраву найти никак не мог. Вот раз Янкова невеста в костел пошла. Пришел туда и король. Увидел он красавицу и влюбился в нее. Подошел к ней, спросил ее, откуда она. Но девушка ничего не ответила и, только служба кончилась, сейчас же домой ушла. Вернулся король к себе во дворец, не знает, что и подумать: ведь красавица даже руки подать ему не захотела. Очень он этому дивился. В следующее воскресенье опять пошел в костел, надеясь снова там ее встретить. И в самом деле видит: сидит она на стуле. Сел он рядом и руку ей протянул. Но она платком свои руки прикрыла. Снял он перстень с пальца, ей подал; она не взяла. Еще служба не кончилась, ушла из костела красавица, решив, что лучше уж, не дожидаясь конца, домой уйти, чтоб король влюбленными глазами на нее не смотрел.

Вернулся король домой из костела печальный. Позвал придворного мудреца. Рассказал ему про свою беду и попросил совета: «Так и так, мол, был я два раза в костеле, видел там красавицу, заговорил с ней, а она не отвечает».

— Ну, не иначе как она где-нибудь поблизости живет, государь, коли в этот костел ходит, — ответил мудрец.

— Нет, такой девушки я нигде здесь не видал, — ответил король.

— У тебя много солдат, государь. Ты можешь проверить.

— Как же это?

— Пошли по всему городу и всем окрестным деревням в каждый дом гусара. Но прежде вели нарисовать ее портреты, точь-в-точь как ты ее видел, и им раздай да обещаей хорошую награду тому, кто ее найдет.

Король так и сделал: послал в каждый дом в городе и окрестных деревнях солдата. Прошел месяц, а красавицу все никак найти не могут.

Раз проходил один гусар мимо бедного дома, который в стороне от деревни стоял. Туда никто еще не заглядывал. Заглянул гусар в окно, увидел красавицу. Посмотрел на портрет, который король ему дал, — видит: точь-в-точь такая. А девица страшно испугалась, сразу догадавшись, что король нашел ее. И говорит она Янку:

— Ах, милый Янко, знаешь, что случилось?

— Не знаю, моя дорогая, но коли скажешь мне, буду знать.

— Король в меня влюбился на мое горе. Что мне теперь делать?

— Поступай, как знаешь, коли хочешь нарушить клятву и изменить мне, — сказал Янко.

— Нет, — ответила девица. — Лучше мне умереть, чем сделать это.

И оба замолчали, страшно испуганные.

Гусар отошел от окна. Радостно поспешил он к королю и доложил, что нашел, кого надо.

— В большом она дворце живет? — спрашивает король.

— Да вроде хлева, — ответил гусар.

Король обрадовался: он подумал, что она охотно перейдет жить во дворец. Отправился он со своим проводником в дом бедняка. Вошел в дом, увидел ту самую красавицу, в которую влюбился. Подал он ей руку, но она ему своей не протянула.

— Милостивая панна, скажи мне, почему ты меня избегаешь? Ведь я могу тебе счастье дать: жениюсь на тебе,

возьму тебя во дворец, — будешь в золоте, в серебре ходить, а не то что жить в скверной лачуге.

— Светлейший король, — ответила красавица дрожащим голосом, — прости меня: я выйти за тебя не могу, потому что двух мужей мне не надо, а один уже есть. Я с ним помолвлена и до смерти ему верна буду.

— Что ж, — рассердился король, — не пойдешь по доброй воле, можно и насильно.

И с этими словами ушел. Вернулся домой, позвал к себе мудреца, чтобы тот совет дал, что делать, как красавицу добыть, потому что нельзя же было эту девушку без всякой причины у жениха отнять. И придумал мудрец, чтобы король такую задачу Янку задал, которой тому нипочем не выполнить; тогда можно будет к этому придаться и отнять у него невесту.

А девица видит, дело плохо оборачивается, — и в ту же ночь жениха своего Янка мудрости научила, чтобы он на вопросы короля отвечать мог.

Мудрец такую задачу придумал:

— Есть в двух часах езды от королевского замка большой пруд, Тубой называется. Так надо его в один день землей засыпать и виноградной лозой засадить, да чтобы в тот же день гроздья созрели, а на другой день рано утром королю две виноградные кисти да два стакана вина доставить.

— Хорошо придумал, слуга мой, — обрадовался король. — Глупец ничего этого сделать не сумеет.

Он велел сейчас же позвать Янка. Тот послушался королевского приказа, — явился.

— Знаешь, Янко, зачем я тебя вызвал? — спросил король.

— Не знаю.

— А за тем я тебя вызвал, чтобы сказать тебе, что твоя невеста тогда женой твоей станет, когда ты исполнишь то, что я тебе прикажу.

Отвел он Янко к пруду Тубе, показал и говорит:

— Видишь этот большой пруд?

— Вижу, — отвечает Янко.

— Так этот вот пруд надо к завтрашнему дню землей засыпать и виноградной лозой засадить, а утром мне две кисти винограда да два стакана вина доставить.

Сказал это король и ушел, оставив Янка одного. Янко печально домой побрел.

Пришел домой — стала невеста спрашивать его, какой он приказ от короля получил. Он ответил, что она тогда его женой станет, когда он в одну ночь пруд Тубу землей засыплет, виноградной лозой засадит и на следующее утро оттуда две зрелые кисти винограда да два стакана вина королю принесет.

— Все так и будет, — ответила девушка.

Пошла она в лес и стала просить отца своего, старого змея, чтобы он помог. Тот ответил:

— Будь спокойна. Все так и будет.

Утром отправилась она к пруду Тубе, видит: ровное место виноградной лозой засажено и зрелые гроздья висят. Сорвала она две кисти, спрятала в корзинку, а другие две выжала в стакан и с великой радостью домой пошла.

— Ступай, — говорит, — к королю, мой Янко, отнеси ему, что он требовал. Теперь он оставит тебя в покое.

Янко тотчас же пошел и отнес все королю. Но тот даже не поблагодарил за подношение.

— Правда ли, что виноград и вино — из того самого виноградника? — спросил он.

— Правда, — ответил Янко.

Пошел король со своим мудрецом и Янком виноградник осматривать. Оказалось, действительно правда.

Решили король с мудрецом, что Янко сам большой мудрец. И спросил король своего мудреца:

— Не придумаешь ли еще чего-нибудь такого, чего он не мог бы исполнить, чтобы можно было у него невесту отнять?

— Да, государь, могу задать такое, что он нипочем не исполнит.

— Расскажи мне, мудрец мой, в коротких словах.

— Видишь, государь, вон ту высокую скалу, в полчаса езды от замка? Пусть он ее сроет. Высокие деревья, что на ней растут, пусть срубит и бревен из них наделает, а место сровняет, чтобы была гладкая равнина. Потом пусть на том месте хлеб посеет, соберет его, обмолотит, на мельницу свезет, из муки пирогов напечет и утром те пироги к твоему столу доставит. И чтоб все было готово в одни сутки. Уж этого он не сделает.

Но Янко с помощью невесты и этот приказ выполнил.

И в третий раз вызвал его король.

— Вот зачем я позвал тебя, Янко. Не хочу я тебе эту девушку отдавать. Но если ты третью задачу разре-

шишь, — будь по-твоему. Хочу я большой пир устроить, позову на него всех знатных панов. Ты должен прийти со своей невестой и отца ее, старого змея, о котором мне мудрец мой рассказал, с собой привести.

А это мудрец его надоумил: отца девушки на пир звать и схватить, — тогда она сама за короля выйти согласится.

Рассказал Янко невесте о том, какое приказанье от короля получил. Заплакала она и говорит:

— До сих пор все легко было исполнить. А как же могу я старого змея, отца моего, на пир королевский звать? Ни за что он к людям прийти не захочет.

Пошла она в лес, стала на колени, — просит отца, чтобы он на королевский пир явился.

— Встань, — сказал старый змей. — Я исполню твою просьбу, приду на пир. Скажи королю, чтобы он ждал меня.

И еще велел он ей взять две виноградины, да два зернышка хлебных, да сказать королю, чтобы тот велел из двух хлебных зерен муки намолоть и на пятнадцать человек хлеба напечь, а из двух виноградин вина для них наготовить.

— Пусть, — говорит, — утром в день пира твой жених эти зерна и виноградины королю отнесет.

Вот наступил этот день. Отнес Янко королю зерна и виноградины. Король с любопытством спросил его:

— Ты подумал о том, как исполнить мой приказ?

— Да, государь, — ответил Янко. — Я приду со своей невестой и ее отцом.

— Хорошо, — сказал король, — буду вас ждать.

А Янко прибавил:

— У меня к вам просьба, государь. Тут у меня два хлебных зернышка. Нельзя ли из них на пятнадцать человек хлеба напечь, чтобы они сыты были, а из этих двух виноградин вина на пятнадцать человек приготовить, чтобы всех напоить?

Король насмешливо улыбнулся, взял хлебные зерна, положил их себе в рот, разжевал и выплюнул обратно:

— Что ты, Янко! От двух зерен и жернов на мельнице не запылится. А у меня полны склады муки.

Потом взял виноградины и раздавил их в руке. Несколько капель сока на руки ему брызнули.

— Видишь, Янко! Как же может хватить этого на

пятнадцать человек, когда мои руки все выпили? Приходите только, я прикажу подать столетнего.

И Янко пошел к себе.

На пир съехалось во дворец множество знатных панов. Все уже были в сборе, только один стол пустой стоит, — для Янка с невестой и ее отца приготовлен. Пробыло десять. И появились долгожданные гости. Их приняли ласково: стол скатертью покрыли, пирогами устали, перед каждым в золотую чару вина налили. Все гости вновь пришедшим дивятся, — от любопытства никто ни к питью, ни к еде не притрагивается. Вдруг старый змей встал с места и позвал короля:

— Коли ты король и землевладелец, так наверно сделал то, о чем я тебя просил? Скажи, этот хлеб и это вино — из тех зерен и винограда, что я тебе послал?

— Нет, — ответил король.

— Почему же нет? Вот видишь: ты — король, землевладелец — приказал этому бедняку за одни сутки Тубу землей засыпать, виноградной лозой засадить, да чтобы за ночь виноград созрел и утром чтоб из того виноградника две кисти винограда и два стакана вина к твоему столу доставить. И он это исполнил. Тогда ты показал ему скалу, лесом покрытую, и велел деревья порубить и бревен из них наделать, а скалу с землей сровнять и на том месте рожь посеять. И чтобы за одни сутки она созрела, и обмолотить ее и зерно на мельнице перемолоть, а утром из той муки пироги тебе принести. Разве он все это не сделал, хоть ты ему семян не давал?

— Сделал, — ответил король.

— Как же так, лукавый ты человек? Он, не имея ничего, все это сделал. А я тебе ведь и хлебных зерен и винограда послал. За то, что ты моего приказа не исполнил, провались в тартарары!

Тотчас земля расступилась, король провалился, и она сомкнулась над ним. Тогда старый змей указал собравшимся рукой на Янка:

— Вот ваш король!

Сказав это, он исчез. А испуганные паны короновали пастуха.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Было у матери две дочки: одна родная, другая падчерица. Родную она очень любила, а падчерицу терпеть не могла, и все из-за того, что Марушка красивей Олены была. Но Марушка не знала о своей красоте; у нее и мысли такой быть не могло: мачеха, как только на нее взглянет, так и нахмурится. И она думала, что, наверно, чем-нибудь мачехе не угодила.

Пока Олена то наряжалась да прихорашивалась, то по горнице расхаживала или на дворе прохлаждалась, то на улице разгуливала, Марушка в доме чистила, прибирала, варила, стирала, шила, пряла, ткала, траву для скота косила, коров доила, — всю работу делала. А мачеха знай бранит ее да ругается целый день. И не смягчало ее то, что та все терпеливо сносила, как настоящая мученица; напротив, от этого она обращалась с бедной девушкой все хуже и хуже. А все из-за того, что Марушка с каждым днем становилась все красивей, а Олена все безобразней.

И подумала мачеха: «Какая мне радость держать красивую падчерицу в доме? Будут приходиться парни в гости, станут влюбляться в Марушку и не захотят любить Олену».

Потолковала она с Оленой, и надумали они такое, что никому другому и в голову бы не пришло.

Однажды — было это вскоре после Нового года, в трескучий мороз — захотелось Олене фиалок понюхать. Она и говорит:

— Ступай, Марушка, в лес, набери мне букет фиалок. Хочу его к поясу приколоть: очень мне хочется фиалочек понюхать.

— Боже мой! Милая сестрица, что это тебе в голову пришло? Слыханное ли дело, чтобы под снегом фиалки росли? — ответила бедная Марушка.

— Ах ты, гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? — закричала на нее Олена. — Ступай сейчас же вон! И коли не принесешь мне фиалок, я тебя убью!

А мачеха выгнала Марушку из дому, дверь за ней захлопнула да на ключ заперла.

41995
Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. Снегу там — целые сугробы, и нигде ни следа ноги человеческой. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Наконец заплакала она еще горше и стала просить господ-бога, чтобы он лучше ее к себе на тот свет взял... Вдруг видит вдали огонек. Пошла она на тот огонек и пришла на вершину горы. Там горел большой костер, а вокруг костра лежало двенадцать камней, и на тех камнях сидели двенадцать человек: трое из них с белыми, седыми бородами, трое помоложе, трое еще моложе и трое совсем молодых. Сидят тихо, молча, неподвижно глядя на огонь. Это были двенадцать месяцев. Январь сидел на самом высоком камне. Волосы и борода у него были белые, как снег, а в руке он держал палку.

Испугалась Марушка, совсем от страха помертвела. Но потом набралась храбрости, подошла поближе и попросила:

— Люди добрые, позвольте мне погреться; я дрожу от холода.

Январь кивнул головой и спрашивает ее:

— Зачем пришла, девица? Чего здесь ищешь?

— Я пришла за фиалками, — ответила Марушка.

— Не время теперь фиалки рвать. Кругом снег... — возразил Январь.

— Знаю, — сказала Марушка, — да сестра моя Олена с мачехой велели принести им из лесу фиалок. А коли не принесу, они меня убьют. Прошу вас покорно, дяденьки, скажите, где бы мне фиалок нарвать?

Тут сошел со своего места Январь, подошел к самому младшему месяцу, дал ему в руку палку и сказал:

— Братец Март, садись теперь ты наверх, на мое место.

Месяц Март взобрался наверх, на самый высокий камень и взмахнул палкой над огнем. Огонь взвился вверх столбом, снег начал таять, деревья покрылись почками, под молодыми буками зазеленела трава, и в траве закачались бутоны цветов. Наступила весна. Среди кустарников, укрывшись под листьями, зацвели фиалки. И увидела Марушка, что вся земля словно голубым платком покрыта.

— Рви скорей, Марушка, рви скорей! — стал торопить ее молодой Март.

Марушка обрадовалась, стала рвать фиалки и скоро нарвала большой букет. Потом сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда увидели, что она спешит домой с фиалками. Отворили они ей дверь, и весь дом наполнился запахом фиалок.

— Где же это ты их нарвала? — сердито спросила Олена.

— Они растут высоко на горе, под кустами. Их там видимо-невидимо, — спокойно ответила Марушка.

Олена вырвала букет у нее из рук, прицепила его себе к поясу, стала нюхать сама и матери давала нюхать, но сестре не сказала: понюхай.

На другой день сидела дома Олена у печки, и захотелось ей ягод.

— Ступай, Марушка, принеси мне ягод из лесу.

— Боже мой! Милая сестрица, что это пришло тебе в голову? Слыханное ли дело, чтобы под снегом ягоды росли?

— Ах ты, гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? Ступай сейчас же, и, коли ты мне ягод не принесешь, я тебя убью, — пригрозила Олена.

Мачеха выгнала Марушку вон, дверь за ней захлопнула и на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. А там сугробы снега стеной стоят, и нигде ни следа человеческого. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Стала она просить господ-а-бога, чтобы он лучше ее к себе на тот свет взял.

Вдруг видит вдали тот же огонек. И опять она, идя на огонек, пришла к костру. Вокруг него опять сидели двенадцать месяцев, и выше всех — Январь, белый и бородатый, с палкой в руке.

— Люди добрые, позвольте мне погреться; я совсем замерзла, — попросила Марушка.

Январь кивнул головой и спрашивает ее:

— Зачем опять пришла, девица? Чего здесь ищешь?

— Пришла по ягоды, — ответила девушка.

— Ведь теперь зима, на снегу ягоды не растут, — промолвил Январь.

— Знаю, — печально ответила Марушка. — Да сестра Олена с мачехой велели ягод им набрать. А коли не наберу, они меня убьют. Прошу вас покорно, дяденьки, скажите, где бы набрать ягод?

Тут сошел со своего места Январь, подошел к тому месяцу, который сидел напротив него, и сказал:

— Братец Июнь, садись ты теперь на мое место.

Июнь взобрался на самый высокий камень и взмахнул палкой над огнем. Огонь взвился в три раза выше, снег в несколько мгновений растаял, деревья покрылись листьями, кругом защебетали птицы, всюду зацвели цветы. Наступило лето. Под кустами стало белым-бело, словно там насыпали белых звездочек, и белые звездочки эти на глазах начали превращаться в ягоды, которые зрели и становились красными. И не успела Марушка опомниться, как стало их так много, что казалось, будто земля кровью покрыта.

— Собирай скорей, Марушка, собирай скорей! — стал торопить ее ласковый Июнь.

Марушка обрадовалась и быстро набрала ягод полный передник. Потом сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда увидели, что она спешит домой и ягод у нее полный передник. Отворили ей дверь, и весь дом наполнился запахом ягод.

— Где же это ты их набрала? — сердито спросила Олена.

— Они растут высоко на горе. Их там видимо-невидимо, — спокойно ответила Марушка.

Олена взяла у нее ягоды и наелась досыта; наелась и мачеха. Но Марушке они не сказали: возьми себе ягодку.

Полакомилась Олена, а на третий день захотелось ей уж яблока отведать.

— Ступай, Марушка, в лес, принеси мне яблочек румяных, — приказала она.

— Боже мой! Милая сестрица, что это пришло тебе в голову? Слышанное ли дело, чтобы зимой яблоки зрели?

— Ах ты, гадкая грязнуха! Как ты смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? Ступай сейчас же в лес, и коли мне румяных яблочек не принесешь — убью, — пригрозила Олена.

Мачеха выгнала Марушку из дому, захлопнула за ней дверь и на ключ заперла.

Заливаясь слезами, пошла девушка в лес. Сугробы снега там стеной стоят, и нигде ни следа ноги человеческой. Долго бродила Марушка по лесу. Голод ее мучил, мороз до костей пробирал. Стала она просить господь-бога, чтоб он лучше ее к себе на тот свет взял. Вдруг видит — вдали опять тот же огонек; пошла Марушка на него и пришла к костру. Двенадцать человек — двенадцать месяцев — сидели вокруг, словно прикованные, и выше всех — Январь, белый и бородатый, с палкой в руке.

— Люди добрые, позвольте мне погреться. Мороз меня совсем донял, — попросила Марушка.

Январь кивнул головой и спросил:

— Зачем опять пришла, девица?

— Пришла за яблоками румяными, — ответила девушка.

— Теперь зима. Разве зимой зреют румяные яблоки? — говорит Январь.

— Знаю, — печально ответила Марушка. — Но Олена и мачеха пригрозили, что коли я не принесу им румяных яблочек из лесу, они меня убьют. Очень прошу вас, дяденьки, помогите мне еще раз.

Сошел со своего места Январь, подошел к одному из старших месяцев, дал ему палку в руку и сказал:

— Братец Сентябрь, садись на мое место.

Сентябрь взобрался на самый высокий камень и помахнул палкой. Огонь взметнулся вверх, снег растаял. Но листья на деревьях не распустились, а пожелтелые, понемногу стали падать на землю. Наступила осень. Не увидела Марушка ярких цветов, да и не искала их. Она смотрела теперь только на деревья. И вдруг увидела яблоню, а на ней высоко-высоко на концах ветвей висят румяные яблоки.

— Тряси, Марушка, тряси скорей! — сказал Сентябрь.

Марушка тряхнула яблоню, и с нее упало яблоко, тряхнула другой раз — упало другое.

— Бери, Марушка, бери скорей и беги домой! — крикнул Сентябрь.

Схватила она два яблока, сказала месяцам спасибо и поспешила домой.

Удивилась Олена, удивилась и мачеха, когда Марушка вернулась. Отворили они ей, и она подала им два яблока.

— Где же это ты их сорвала? — спросила Олена.

— Они растут высоко на горе. Там еще много, — ответила Марушка.

Только она сказала, что их много, как Олена накинулась на нее:

— Ах ты, гадкая грязнуха! Почему же ты больше не принесла? Верно, сама по дороге съела?

— Милая сестрица, не ела я ни кусочка. Когда я первый раз дерево тряхнула, одно яблоко упало. Второй раз тряхнула — упало второе. А больше трясти мне не дали. Крикнули, чтоб я домой шла, — сказала Марушка.

— А, чтоб тебя нелегкая взяла! — забранилась Олена и кинулась бить ее. Мачеха не захотела отставать и схватила дубинку. Но Марушка не далась им в руки, убежала на кухню и спряталась за печью. Лакомка Олена перестала браниться и набросилась на яблоко. Другое матери дала. Таких сладких яблок они ни разу в жизни не едали. В первый раз отведали.

— Мама, дай мне сумку, я сама в лес пойду. Эта дрянь непременно опять все съест по дороге. А я найду то место и все яблоки стрясу, хоть сам черт на меня напустишь!

Так кричала Олена, и мать напрасно ее отговаривала. Повесила Олена сумку на плечо, набросила платок на

голову, закуталась хорошенько и пошла в лес. Мать только руки ломала в отчаянии от того, что ее дочка задумала.

Пришла Олена в лес. Сугробы снега там стеной стоят, и нигде ни следа ноги человеческой. Бродила Олена, бродила, потому что охота яблочков поесть гнала ее все дальше и дальше, — ну просто мученье! Вдруг увидала она вдали огонек, пошла на него и пришла к костру, вокруг которого сидели двенадцать человек — двенадцать месяцев. Но она не поклонилась им, не попросила пустить ее к костру, а просто протянула руки и стала греться, будто огонь для нее и разведен.

— Зачем пришла? Чего тебе надо? — сердито спросил Январь.

— Что ты меня спрашиваешь, старый дурак? Не твое дело, куда хожу, зачем хожу! — отрезала Олена и пошла на гору, словно яблоки там только ее и ждали.

Январь нахмурился и взмахнул палкой у себя над головой. В одно мгновение небо покрылось тучами, костер погас, повалил снег, подул холодный ветер. Олена ничего не видела на шаг перед собой и все больше и больше тонула в глубоких сугробах.

Ругала она Марушку, господа-бога. Руки и ноги у нее замерзли, колени подломились, и, наконец, она упала в изнеможении.

Ждет мать Олену, глядит в окошко, выходит посмотреть за дверь. Проходит час, другой, а Олены все нет и нет. «Что она, от яблок не может никак оторваться, что ли? Пойду сама погляжу», — решила мать, взяла сумку, закуталась шалью и пошла дочку искать.

Снег валит все гуще, ветер дует все сильнее, сугробы стоят, как стены. Шагает она по сугробам, зовет дочь — ни одна душа не отзывается. Заблудилась, сама не знает, куда забрела, ругает Олену и бога. Руки и ноги у нее замерзли, колени подломились, упала и она...

А Марушка дома приготовила обед, прибрала в избе и подоила корову. Ни Олены, ни матери все нету.

— Что же это они так долго? — беспокоится Марушка, садясь вечером за прялку. Сидит она за прялкой до поздней ночи, а о них ни слуху, ни духу.

— Ах, боже мой! Что с ними приключилось? — волнуется добрая девушка и с тоской смотрит в окошко.

Там ни единой души — только после утихшей вьюги сияют звезды, земля искрится от снега да крыши трещат от мороза. Печально опустила она занавеску и начала молиться за сестру и за мать. С утра опять стала ждать их и к завтраку и к обеду, но так и не дождалась ни Олены, ни матери: обе замерзли в лесу.

После них остались Марушке домик, коровка, садик, поле и лужок возле дома. А пришла весна, нашелся и хозяин всему этому богатству — красивый парень, который женился на доброй Марушке, и они славно зажили в любви и мире. Мир да любовь всего дороже!

БЕЗРУКАЯ ДЕВУШКА

Жил-был мельник с мельничихой, и была у них дочка. Мельничиха заболела и от этой болезни померла. У мельника было хорошее хозяйство. Пришлось ему взять себе другую жену, а дочери — мачеху. Известное дело, доброй мачехи на свете еще не бывало. Правда, говорят, одна добрая была, да ее черти взяли. А эта падчерице никогда слова ласкового не скажет, — все только бранит да ругает. Глядя на нее, и отец разлюбил девочку: ему слаще стало мачеху видеть, чем свою дочку.

Играли раз на деревне свадьбу. Первыми людьми в деревне считаются: кузнец, колесник, мельник, судья, сельские выборные. Без них там ничего не может быть — ни свадьбы, ни крестин. Вот пришли и нашего мельника на свадьбу звать. Он обещал прийти с женой. Потом кликнул дочь в горницу и приказал ей строго-настрою никому ничего не давать, пока они домой не вернуться.

— А коли дашь, — сказал отец дочери, — смотри, я тебе, как вернусь, руки до плеч отрублю.

Только ушли они на свадьбу, приходит на мельницу старенький нищий. И не успели они еще до места дойти, как он уж у девочки милостыню попросил. Девочка ответила, что не даст, потому что отец с матерью из дома ушли и ей строго-настрого приказали никому ничего не давать, а не то они, как вернутся домой, руки ей отрубят. Нищий не отставал, — говорил, что коли она ему подаст, отец с матерью об этом не узнают. Девочка поддалась на уговоры, подошла к шкафу, где запасы хранились, и дала нищему пригоршню муки. Она высыпала ее в сумку, где у него уж была мука. Нищий поблагодарил девочку и пошел себе. Пошел и рассыпал муку на тропинке между мельницей и тем местом, где свадьбу справляли.

Мельник с мельничихой недолго веселились на свадьбе; поели, попили малость и пошли домой: дома-то у них скотина была, и надо было ее кормить. Вышли из гостей и пошли по той самой тропинке, на которой нищий муку рассыпал. Вот мельничиха и говорит мельнику:

— Видишь, какая у нас скверная девчонка. Только мы из дому, она все раздает.

Пришли они на мельницу. На дороге муки много было рассыпано, а возле мельницы столько, словно кто полкадки высыпал. Страшно рассердился мельник, закричал на девочку. Потом взял топор, положил ее на чурбан и обе руки ей по самые плечи отрубил. Отрубил и выгнал ее из дому со словами:

— Ступай на все четыре стороны. Я такую дочь видеть не желаю.

Мельничиха очень обрадовалась, что мельник ее больше любит, чем свое собственное дитя. И стали мельник с мельничихой жить да поживать, но мы теперь их оставим и пойдем за девочкой.

Чтобы прокормиться, бедняжке приходилось пасться: найдет ягоды на земле, либо плод на низком дереве и, словно коза, губами сорвет. Она думала так: «Стану побираться, — будут мне милостыню подавать, но кормить меня никто не будет, потому что с нищего довольно, коли ему подадут; кто же станет кормить его?»

Шла-шла наша Ганечка (так ее звали) и пришла к большому королевскому саду, где было много плодовых деревьев — груш и яблонь. И росла там высокая трава. Стала Ганя пасться, но, питаясь от тех деревьев, ни

одного яблочка, ни одной грушки целиком не съедала: которого половину откусит, которое все кругом обкусает, а огрызок оставит. Рук у нее не было, срывать плоды она не могла — одними губами их доставала.

Она выходила из высокой травы только рано утром или поздно вечером, когда никого в саду не было. Пришел однажды в сад молодой принц, видит: все деревья снизу объедены. Подивился он этому, пошел к отцу и говорит:

— Отец, что это за зверь у нас в саду? Снизу плоды обгрызает, а ни одного целиком не ест.

Король ему в ответ:

— Возьми с собой егеря и ступай с ним в сад. Покараульте там и увидите, что это за зверь.

Молодой принц не стал брать егеря, а вскинул ружье на плечо и пошел караулить один. Но встал он поздно и ничего не укараулил. На другое утро опять пошел караулить, но опять пришел поздно и ничего не укараулил. На третье утро встал он пораньше, вскинул ружье на плечо и пошел. Посмотрел по сторонам и видит: стоит под одним деревом кудрявая девушка, без рук. Он навел на нее ружье, и она исчезла в траве. Но он заметил дерево, под которым незнакомка стояла, и пошел к нему. Подойдя, стал искать в траве и нашел девушку. Она испугалась, упала на колени, стала просить, чтоб он ее простил, и рассказала ему о том, что с ней приключилось:

— Светлейший принц, были у меня отец и мачеха. Они пошли пировать на свадьбу, а меня оставили дома и сказали, чтобы я никому ничего не давала, пока они домой не вернутся, а не то они мне обе руки до плеч отрубят. Но пришел нищий и стал меня просить, чтобы я дала ему немножко муки... Я его пожалела, взяла муки и высыпала ему в сумку, где у него мука была. Отец с мачехой, домой вернувшись, узнали об этом и страшно рассердились; отец отрубил мне обе руки до плеч и выгнал меня из дома. «Ступай, — говорит, — на все четыре стороны». Я пошла и пришла сюда. А здесь прячусь и кормлюсь плодами.

Принц даже заплакал от жалости.

— Не тужи, — сказал он, — пойдем со мной в замок. Я велю одеть тебя как следует и дам тебе служанку. Она будет тебя кормить.

Взял он ее и привел к старому королю. Старый король тоже ее пожалел и ласково с ней обошелся. Он велел хорошо одеть ее, причесать, и она стала такой красавицей, что на свете другой такой не сыщешь. Молодому принцу как раз пора была жениться. Пошел он к родителям и говорит:

— Жениться хочу.

Родители обрадовались, спрашивают:

— Кого выбрал?

А он им в ответ:

— Беру Ганечку — ту, что без рук.

— Зачем тебе нищенка? — возразили родители.

А принц им:

— Я сам пан, всего у меня вдоволь, могу взять и бедную.

Родители видят, что он твердо решил взять Ганечку, и согласились. Он обвенчался с ней. Живут они месяц, другой, — вдруг приходит письмо, что старому королю надо на войну идти. Старый король рассказал об этом принцу. А тот объявил, что пойдет на войну вместо отца.

Король говорит:

— Ты еще молод. Как же тебе на смерть идти?

Но принц на это ничего не ответил, а снарядился и поехал.

Молодая принцесса Ганечка уже тяжелая была. Пришло ей время родить, и родила она хорошенького мальчика. Старый король сел, написал письмо золотыми буквами и послал его принцу с солдатом, потому что никакой почты тогда не было. Тот взял письмо и пошел. Шел он, шел и пришел на ту мельницу, где Ганечка прежде жила. И попросился переночевать. Мельник с мельничихой долго его впускать не хотели. Они думали, — это какой-нибудь разбойник, и перепугались: мельница далеко от села стояла. Но солдат до тех пор их упрашивал и жаловался на усталость, пока мельник с мельничихой над ним не сжалились и не пустили его ночевать.

— Издалека ли идешь, служивый? — спросили его мельник с мельничихой.

— Иду из такого-то города с письмом от короля к молодому принцу, — ответил тот. — Наша принцесса, — молодого принца жена, которая без рук, — родила хорошенького мальчика, и я несу принцу весть об этом.

Мачеха сразу сообразила, что речь идет о той самой Ганечке, ее падчерице, которую они безрукою из дома выгнали. И тотчас задумала совершить обман. Купила она водки и угостила солдата. Тот напился и лег спать. Только он заснул, мачеха вытащила у него письмо, прочла его и узнала, о чем там написано. Она сейчас же кинула это письмо в печку, написала новое и сунула его солдату в карман. А в том новом письме сообщала, будто молодая принцесса родила пса, и спрашивала: что, мол, с тем псом делать?

Утром солдат встал, поблагодарил за гостеприимство и пошел дальше — к молодому принцу. Принц прочел письмо, покачал головой и сказал сам себе, так что солдат слышал:

— Ну что ж! Коли бог послал, с благодарностью принимать надо.

Потом сел за стол и написал ответ, который приказал выбить бриллиантовыми буквами: чтоб о песике как можно лучше позаботились и о молодой матери тоже, а сам он принимает то, что ему бог послал. И отдал это письмо солдату. Солдат пошел домой той же дорогой и на ночлег решил остановиться там же, где его первый раз так хорошо приняли: ведь он ничего не знал о подлости мельничихи. Когда он пришел вечером на мельницу, мельничиха ласково приняла его, сейчас же сбегала за водкой и так его напоила, что он заснул как мертвый. Она опять вытащила письмо, которое он нес, прочла его и увидела, что там очень хорошо написано насчет Ганечки. Кинула она это письмо в печку и написала другое, в котором стояло, что как только король то письмо получит, чтобы тотчас выгнали Ганечку с ребенком из дома.

Принес солдат письмо старому королю. Прочитал его король и вместе со старой королевой горько заплакал; им было жаль и мальчика и мать его: что она без рук с таким маленьким делать будет? Но сына своего они больше любили — ведь он был у них единственный — и сделали, как в письме было написано: привязали Ганечке маленького к груди и пустили ее куда глаза глядят.

И пошла Ганечка, горько плача. Она не озлобилась и не стала бранить мужа, а просто ушла. И пришла к одной реке, не очень большой, но глубокой. Ей хотелось жить, и не могла она сразу утопиться, а легла на волну и стала ждать, чтобы поток унес ее в омут и она бы там утонула.

Легла она на левый бок, — и только легла, сразу выросла у нее левая рука. Поблагодарила она бога, что у нее теперь одна рука есть, но еще не перестала горевать, думая, что и с одной рукой ей ребенка не выходить. И повернулась на правый бок, чтобы волна донесла ее до омота и там утопила. Но только повернулась, тотчас у нее и другая рука выросла. Вышла она здоровая на бережок и стала горячо благодарить бога за то, что теперь ей можно выходить ребеночка. Потом собралась и пошла. А куда — и сама не знает. Шла-шла и пришла в большой лес, в котором заброшенный замок стоял. А построил его тот самый нищий, которому она муки дала. Этот нищий все время о ней думал, что вот, мол, сколько она за свою доброту терпит, и хотел помочь ей, потому что нищий этот был добрый волшебник. Вошла она в замок и нашла там в одной из горниц постель и колыбельку, а на столе обед на одного человека и молоко для ребенка. Она осталась там жить и каждый день получала и еду, и питье, и все, чего ей хотелось. Словом, жила там, как у Христа за пазухой.

Теперь посмотрим, что было с принцем. Вернулся он с войны домой и тотчас спросил, где жена его Ганечка и песик. Старый король с королевой глаза на него вытирали.

— О каком ты песике толкуешь? — спрашивают.

— О каком вы мне писали, что его Ганечка родила, — отвечает принц.

Подивились они и говорят:

— Ганечка родила хорошенького мальчика, а не песика.

Тогда вынул принц письмо и показал им. Король прочел и диву дался.

— Это не я писал! — говорит.

— Так где же моя жена? — опять спрашивает принц в нетерпении.

— Да мы ее вместе с сыном из дома выгнали. Как ты написал, так мы и сделали, хоть горько и жалко нам было.

Тут уж принц руками развел.

— Я так писал? — спрашивает. — Покажите мне письмо.

Король показал, а принц говорит:

— Это не мое письмо.

Стал он сильно горевать, места себе найти не мог: тоска его из дома так и гонит. Взял он егеря и принялся бродить с ним по лесам — охотиться. Раз зашли они далеко-далеко, так что уж несколько недель дома не были, и в конце концов попали в тот самый лес, где Ганечка с сынком жила. Ходят по лесу и никак не найдут ни деревни, ни какого-нибудь города. И сказал принц егерю:

— Влезь на высокое дерево и посмотри, не светится ли где огонек.

Егерь влез на дерево и крикнул, что видит огоньки, только очень далеко.

Тогда принц велел ему хорошенько запомнить, где огни. Егерь слез с дерева, и они пошли в ту сторону и пришли к замку, в котором Ганечка с сынком жила. Посмотрели в окно и увидели женщину. Вгляделись в ее лицо, и им показалось, будто это принцесса, жена молодого принца. Тогда принц послал егеря попросить, чтобы она их ночевать пустила. Егерь вошел в горницу, поздоровался. Ганечка ему ответила и позволила им переночевать. Тогда вошел и принц.

Пока Ганечка ужинать собирала, принц с егерем толковали о том, что хозяйка, мол, — вылитая принцесса, жена принца, только что вот руки есть у нее. Потом поужинали и больше об этом не говорили.

Принц лег в постель, а егерь на лавку. Ганечка принялась шить, а мальчик играл около нее. Рука принца свесилась с кровати. Ганечка и говорит сыну:

— Пойди поправь руку папе.

А егерь не спал и слышал. Утром он рассказал об этом своему господину. Тот не поверил:

— Я сам проверить хочу. Пойдем до ужина по лесу бродить, а ночевать опять сюда вернемся.

Пришли они в замок во второй раз, и опять все было, как в первый. У принца рука с кровати свесилась, и Ганечка послала сына поправить ее, а то она онемееет и гостю будет больно. И прибавила:

— Поправь руку. Этот пан — твой отец.

Но в это время принц опять спал и утром не поверил егерю, который все слышал.

Пришли они в замок и на третью ночь; принц твердо решил, что теперь уж спать не будет. И не заснул. Ганечка у стола сидела, а мальчик возле нее играл. Огля-

нулась она и видит: у принца нога с постели свесилась (а он ее нарочно спустил).

— Поди, — сказала она мальчику, — поправь ему ногу: он твой отец.

Но принц не дался, и слабенький мальчик не мог его ногу сдвинуть. Подошла мать — помочь ему. Тут принц вскочил с постели и закричал:

— Как ты смеешь говорить, что я отец твоего мальчика?

Она ему и рассказала:

— Я дочь мельника. Отец мне обе руки отрубил. Я бродила по свету и попала в королевский сад. Сын того короля на мне женился. И жили мы душа в душу до тех пор, пока муж не поехал на войну. А я между тем родила этого мальчика, и меня с ним из замка выгнали. Так муж приказал...

Принц в нее вперился: ну, вылитая жена, только с руками!

— Откуда ж у тебя руки, коли отец тебе их отрубил? — спросил он.

А она в ответ:

— Когда меня из замка выгнали, пошла я куда глаза глядят и пришла к реке. Хотела в ней утопиться и легла на волну левым боком, — а у меня левая рука выросла. Повернулась на правый бок — выросла другая рука. Видно, в той волне такая сила была.

Тут принц бросился перед ней на колени и стал просить, чтобы она простила его, что он ни в чем не виноват. И рассказал, как было дело с письмами. Вернувшись в замок, они тотчас велели позвать того солдата и расспросили его, где он ночевал, когда с письмами ходил. Тут и обнаружилось, что письма подменила мельничиха, Ганечкина мачеха. Король приказал ее казнить, а принц с принцессой живут и нынче, коли не померли.

НАРОДНАЯ МОЛВА О ЯНОШИКЕ

Представь себе обильное лесами и водами пространство, омываемое Римавой, Сланей, Гроном, Горнадом, Попрадом, Вагом, Оравой, Турцем, Нитрой, Кысущей и граничащее с Моравией, Силезией, польской Галицией, а на юге доходящее до Дуная. Вот там и появился в 1711 году настоящий Яношик.

* * *

Родился Яношик где-то возле Татр, — деревни называют разные: Тярхову, Зазриву, Любохну, Склабиню и другие, теперь уже давно забытые.

Отец посылал Яношика учиться, да пришел к ним раз помещик, — налог требует. А у них не было чем заплатить. Стал сын за отца просить, а помещик и слушать не хочет.

— В бараний рог, — говорит, — согну.

Тут Яношик как развернется — вся барская челядь в грязь повалилась!

Потом отец пошел в город быков продавать, а Яношик, переодетый, на дороге засел; дождался, когда отец домой пойдет, и все деньги у него отнял. Дома все ему вернул и говорит:

— Теперь я разбойником сделаюсь. Меня ни один черт не узнает, коли отец родной не узнал.

Подобрал он себе ловких товарищей и стал у богатых добро отнимать да бедным раздавать.

— Хочу, — говорит, — кривду со света сжить и обездоленных защищать стану.

И с тех пор всегда был там, где бедные страдали.

Мужику, который плакал о том, что у него волов гром убило, Яношик сказал:

— Что помещик, комитат¹ или молния напортят, то Яношиков топорик раз-раз — и поправит!

Возле Татр нет деревни, где бы не было рассказов о том добре, которое Яношик бедным делал.

Яношик нападал на замки нежданно-негаданно и брал там все, что хотел. Дорожных останавливал словами:

— Отдавай богу душу, а мне деньги!

Но кто не оказывал ему сопротивление, того он не обижал.

* * *

Случалось, попадались в руки Яношика студенты. Некоторые из них пугались его громового «стой!». Тех он за ужином поил допьяна, но приказывал спящих не трогать. А более смелых сажал к огню, где на вертеле воловья туша жарилась, и заставлял ему и хлопцам его рассказывать, чему в университете учат. Раз один студент стал им проповедь читать: о наказании за грехи, о страшном суде, об адском пламени толковал, так что хлопцам Яношика — люди они были неученые — страшно стало. Но Яношик сказал им, что ежели каждый из них будет свой долг исполнять: никого без нужды не обижать и с неправдой в мире бороться, то и бояться им нечего. А на студента шибко рассердился.

¹ Губернское правление.

— Ты, — говорит, — молод еще нам проповеди читать. У меня, — говорит, — найдется, чем тебе рот заткнуть. Ну, да так и быть: ступай, учись. Глуп еще. Авось, поумнеешь.

— А вы, — обратился он к товарищам студента, — расскажите всем о нас, лесных удалцах. И я сам, и хлопцы мои — мы так живем, что дела наши даже на страшном суде за нас говорить будут.

И щедро одарил студентов. Он всегда это делал, зная как им трудно живется.

* * *

Яношик служил в Кленовце у Штефаника. Хозяин не знал, кто у него работает, и считал Яношика обыкновенным парнем: Но когда увидал, как тот через буки перепрыгивает и деревья выворачивает, удивился и понял, какого удалца у себя кормит. В Кокаве, где теперь стоит замок графа Форгача, был постоянный двор; там во времена Яношика всегда музыка играла и кокавцы встречались с Яношиковыми хлопцами. Раз стали Яношика ловить. Он велел одному из хлопцев влезть на ель — посмотреть, сколько на них войска идет. Тот посмотрел и говорит:

— Шестьсот человек. И генерал впереди.

Яношик промолвил:

— Не бойтесь. Они все за меня.

Потом убил генерала на поединке. А солдаты ушли.

* * *

Яношик часто нападал на возы с дукатами, что чеканились в Кремнице и доставлялись в королевскую казну. Он либо сам сопровождал эти возы, чтобы из королевского добра ничего не пропало из-за слабости и робости охраны, либо отбирал у нее талеры, дукаты и приказывал сыпать их в ямы да пещеры под скалами, чтобы они не попали никому в руки — ни господам, ни разбойникам.

Нет деревни, где бы под какой-нибудь скалой не был скрыт Яношиков клад. А в лесах сложены его сокровища, до которых ни один человек не доберется, — разве только тот, кто сам равен Яношику.

Самыми близкими помощниками Яношика были удалцы по прозванию: Суровец, Ильчин, Адамчик, Грайнога, Потучик, Угорчик, Гарай, Тарко, Муха, Дьюрица и Гайдашик, большой мастер на волынке играть.

Носили они зеленые рубахи с кушаком, серые порты, ременные лапти с черными завязками и невысокие остроконечные шапки. Оружием их были самострелы и топоры.

Поймали Яношика в Липтовском комитате, да не в лесу, на воле, — там его взять не могли, — а зимой, в избе. И то насилу справились. Так и дали бы уйти, если бы старуха с печи жандармам не крикнула:

— Насыпьте ему гороху под ноги!

Рассыпали они горох по полу, Яношик поскользнулся, они и связали его. А ноги цепью ему сковали. Только он ту цепь сорвал, схватил ее и давай ею жандармов хлестать. Много их переранил и совсем ушел бы, если б старуха опять не крикнула:

— Надо ему ременный пояс перерезать!

Перерезали ему пояс, — тут вся сила Яношикова и пропала. После того связали они Яношика и стали его пытать, а потом повесили за ребро на крюк.

Провисел Яношик два дня; на третий король указ прислал, что ежели Яношик ему служить будет и целый полк с собой приведет, то Яношику жизнь оставить. Да только указ тот поздно пришел: Яношик был уже весь изувеченный. Жить калекон он не захотел.

— Коли вы меня сварили, — говорит, — так и лопайте!

Шел Яношик на казнь — над палачами своими смеялся. А виселицу завидел — песню запел, дразня их богатством своим утаенным:

Кабы знал я, кабы ведал,
 Что висеть на ней придется,
 Расписать ее велел бы,
 Златом-серебром украсить:
 Снизу талеры сверкали б,
 Сверху яркие дукаты.
 А помост покрыт плитою:
 Лечь на мрамор головою!

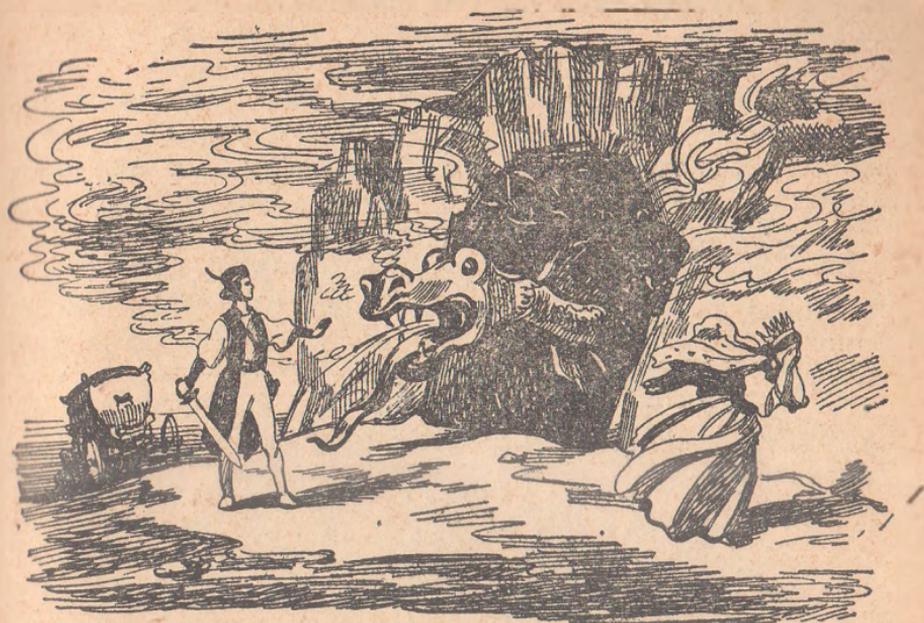
И повесили Яношика за то, что он товарищей своих выдать не захотел и ничего судьям о своих кладах рассказывать не стал.

* * *

На горе Вепре в скале хранится огромный Яношиков клад. Сторожит его черный пес с огненными глазами. Каждый год в день святого Яна скала раскрывается с ужасным грохотом, словно рушится подземный свод: из трещины вырывается страшная молния, и потом можно войти внутрь. Вошел раз туда чабан Мартин Смречок, за которого богатый хозяин дочь свою Анчу не хотел выдавать, потому что Мартин бедный был. В пещере он увидел бочки с золотом и серебром и страшного черного пса, у которого из глаз так и сыпались искры.

Мартин испугался и хотел вернуться, но тут к нему подошел человек, весь белый, как лилия, с огненным взглядом: это был дух Яношика. Он сказал Мартину, чтобы тот взял себе денег сколько хочет, но только чтобы делал на них добро и бедным помогал. И коли еще понадобится, — пусть опять приходит, только один.

После этого черный пес исчез, и Мартин набрал себе столько денег, сколько мог унести. Поблагодарил духа, вышел из пещеры, и она тотчас с грохотом закрылась. Разбогател Мартин и женился на Анче. Стала она мужа спрашивать, откуда у него деньги. Наконец добилась: он сказал ей, что они из Яношикова клада. В ночь на святого Яна стала жена мужа уговаривать, чтобы он ее с собой взял. В полночь скала открылась; оба вошли, но только хотели денег набрать, как вдруг земля заколебалась, растворилась, и клад пропал. А из расщелины пахнуло серой, и появилось белое пламя. Мартин и Анча пустились бежать, чтобы не задохнуться. Так домой и вернулись с пустым мешком. И с тех пор о Яношиковом кладе помину нет.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЛЕС

Жила в небольшом домике бедная вдова с двумя сыновьями, и были они у нее друг на друга похожи, как две капли воды: родная мать с трудом различала их. Братья жили душа в душу, а мать не рассталась бы с ними ни за что на свете. Так шел год за годом, и всем троим было хорошо.

Но вот парни выросли и увидали, что другие уходят на чужую сторону счастья искать; потянуло и их из дому. И сказали они матери, что хотят посмотреть, как на чужой стороне живет. Ей это было не по душе.

— Ах, — говорит она, — разве вам дома плохо, что в чужие края захотелось? Кто знает, что может там с вами приключиться. Лучше сидите дома и меня одну не оставляйте.

Но все уговоры ни к чему не привели: что они себе в голову забрали, на том и уперлись. Бедная мать день и ночь плакала, все углы в избе слезами залила.

— Милая мама, — утешали ее сыновья, — не плачьте и не бойтесь за нас. Ведь не первые мы на чужую сторону уходим. Через три года опять тут будем. А что вам на это время понадобится, мы все заранее приготовим.

И припасли они ей зерна, муки, гороху, масла, дров, так чтоб всего на три года хватило. Увидала это мать, отлегло у нее немного от сердца, и она им тоже всякой всячины в дорогу собрала. Все уже было готово, только не хватало хорошего куска жареного мяса.

— Не можете ли вы, дети, — сказала она, — пойти чего-нибудь подстрелить? Не хочется мне без мяса вас отпускать.

Ходили они, бродили по лесу с утра до полудня, с полудня до вечера, — ни на один след не набрали. Решили домой возвращаться. Вдруг с разных сторон выбежали два волка и начали между собой грызться. Братья не знали, стрелять или не стрелять.

— Если, — говорят, — мы в обоих сразу не попадем, разъяренный волк может на нас броситься. Лучше попробуем дать им по куску хлеба с салом.

Дали они им сала; волки перестали грызться и пошли спокойно, как собаки, за братьями, да так по-хорошему с ними до самого дома и добежали. Заперли братья волков в хлев, а сами пошли в горницу.

— Ну, подстрелили чего-нибудь? — спрашивает мать.

— Ничего не подстрелили, — отвечают, — а привели двух волков и заперли их в хлеву.

— Ой, беда! — воскликнула мать. — Ведь они там мою корову зарежут. Бегите бегом, спасайте ее!

Все побежали в хлев: видят, корова стоит спокойно на своем месте, а волки в угол забились и у обоих на пасти по большому замку. Все только диву дались.

Утром снова пошли братья на охоту, но опять ничего не подстрелили. Только на обратном пути видят: два медведя грызутся. Они дали медведям по куску хлеба с салом; медведи перестали драться и пошли за братьями до самого дома. Их тоже в хлев заперли. Мать, как услышала про медведей, опять страшно испугалась. Но когда пошли посмотреть, все было спокойно и у медведей на пасти замки висели.

На третий день братья, как и прежде, ничего не убили, но двух львов, которые между собой грызлись, укротили и домой привели.

— Видно, так вам жареного мяса и не будет, — сказала мать.

* * *

Три дня и три ночи шли братья вместе, пока не пришли туда, где две дороги в разные стороны расходятся; там липа росла.

— Послушай, брат, — сказал старший, — вот мы и на распутье. Тут нам надо расстаться. Ты ступай по той дороге, а я пойду по этой. Только знаешь что? Чтобы тот из нас, кто сюда вернется, мог узнать, что случилось с другим, вырежем на этой липе свои имена и воткнем в них ножи. Кто вернется первый, пусть вытащит нож из имени брата, и если пойдет кровь, значит, брат жив, а если потечет вода, значит, он умер.

Младший согласился. Вырезали они свои имена и воткнули ножи. Потом поделили между собой зверей, пожаловали друг другу руки, и каждый пошел своей дорогой.

* * *

Долго бродил старший брат по густым лесам, по зеленым лугам, пока не пришел к одному городу, который был весь черным сукном затянут.

Он вошел в гостиницу и спросил хозяина:

— Что хорошего слышно?

— Ах, хорошего ничего, зато плохого сколько хочешь, — отвечал тот. — У нас в городе есть только один колодец, мы все из него воду берем. Да дорого нам та вода обходится. Дело в том, что в пещере около города живет двенадцатиглавый дракон, которому мы должны каждый день девушку на растерзание отдавать. А коли перестанем давать, он никого к тому колодцу подпускать не будет, и нам придется от жажды погибнуть. Уж из всех домов подряд горожане отдали по девушке, и теперь дошла очередь до королевской дочери. Поэтому король и велел весь город черным сукном затянуть, но в то же время оповестить, что если найдется человек, который того дракона убьет, он за него свою дочь замуж выдаст,

в приданое полкоролевства даст, а после своей смерти и всю страну ему оставит.

Как услыхал это парень, охватило его желание породниться с королем, и он сказал, что попытается того дракона убить, если только сил хватит.

Хозяин гостиницы побежал к королю и рассказал, что у него есть постоялец с тремя зверями, который берется убить дракона, и что он в простой одежде, но, должно быть, сильный, коли сумел таких страшных зверей укротить.

Короля эта весть очень обрадовала. Он тотчас послал парню богатую одежду и приказал, чтоб тот немедленно явился к нему. Парень оделся и отправился со своими зверями во дворец. Там все его благодарили, и король подтвердил, что если он дракона убьет, то обязательно получит королевскую дочь в жены. А парень попросил, чтобы зверям его дали каждому по два барабана, а ему самому приготовили острую саблю.

Только стало светать, королевская дочь села в карету. Карета тронулась, а за ней зашагал со своими зверями парень с острой саблей в руке. Когда они были уже недалеко от пещеры, он велел кучеру остановиться. Королевская дочь вышла из кареты и села на коня.

— Вот так, — сказал он. — Только держитесь крепче и проскачите мимо пещеры, чтобы нам дракона наружу выманить. А карета пускай здесь останется.

Королевская дочь пулей пронеслась мимо пещеры. Дракон почуял и высунул голову, но вместо красивой девушки в глазах у него сверкнула острая сабля. Парень не промахнулся, отсек дракону голову. Рассердился дракон, высунул еще три головы, которые испускали страшный огонь. Тут кинулись звери и начали чудовище со всех сторон рвать, пока храбрый парень из всей силы сек и рубил, так что вскоре уже четыре головы лежали на земле. Но что это? Дракон высунул сразу еще восемь голов, изрыгающих страшное пламя. Парень устал, уже еле держал саблю в руках; волк с медведем тоже обессилели и только с боков прыгали. Но тут разбежался храбрый лев, вскочил дракону на спину и своими страшными когтями все восемь голов вместе с шеей от мерзкого драконова тела оторвал. Дракон упал, а головы долго еще на земле бились. Парень вытащил нож, повырезал драконовы

языки, положил их в сумку и побежал к освобожденной королевской дочери. Та от великой радости не знала, как его благодарить, стала целовать-миловать его. Потом взяла свой перстень, разломил надвое и одну половину ему отдала. Он, усталый, положил голову ей на колени и задремал. Звери тоже легли, и все заснули.

Негодяй-кучер, как увидал, что все спят, схватил саблю и отсек парню голову, а королевскую дочь заставил семь раз поклясться, что она его не выдаст. Головы драконов он собрал — в доказательство, будто это он убил чудовище, и помчался с королевной к королю.

Проснулись звери и видят: хозяин убит. От великой кручины они страшно заревели и завыли. Потом вдруг лев приказывает волку:

— Беги скорей вон по той дороге. Встретишь на ней змею с травинкой во рту. Она несет ту травинку, чтоб оживить сестру, которую телега переехала. Попроси у ней полтравинки, а коли добром не отдаст, силой отними.

Волк тотчас кинулся по дороге, но встретил на ней извозчий обоз. Только его люди увидели, схватили дубины, и он в страхе побежал обратно.

— Экий дурак, — сказал лев. — Ступай ты, медведь, принеси эту травинку.

Медведь побежал и наткнулся на тот же обоз. Как увидели возчики медведя, так попрятались в телеги, словно мыши в норы — от кошки. Медведь прибежал к змее и попросил у нее полтравинки; злая змея отказала и хотела медведю яд в тело пустить. Рассердился медведь, прижал змею лапой и насильно отнял у нее полтравинки. Со всех ног примчался он обратно ко льву. Тот сейчас же потер этой травинкой хозяину шею и приставил к шее голову, да неладно — лицом назад.

Видит лев, что хозяину так будет трудно ходить, повалил его на землю, оторвал ему голову, потер травинкой и уже как следует приставил. Она тотчас приросла. Парень очнулся, встал на ноги и вздохнул.

— Славно, — говорит, — я выспался.

Да как ни в чем не бывало позвал своих зверей и пошел куда глаза глядят.

Через месяц пришел он опять в тот город и увидел, что теперь город весь красным сукном затянут. Остановился он в той же самой гостинице и спрашивает:

— Какие новости?

— Хорошие, — отвечает хозяин. — Теперь уж нам нечего бояться за своих дочерей, потому что королевский кучер дракона убил. Сегодня как раз обручение, а завтра он с королевской дочерью венчается.

Услыхал это парень и задумался; очень ему стало обидно, что кучер у него такое счастье отнял. Потом вскочил и говорит хозяину:

— Давай биться об заклад, что и мне от этого пира что-нибудь перепадет.

Хозяин не поверил и ударил с ним по рукам. Парень попросил у него корзинку, написал письмо, завернул в него половину перстня, положил в ту корзинку, сунул ее в пасть медведю и велел ему во дворец идти.

Пришел медведь во дворец. На дворцовом дворе все цепные собаки и гончие подняли на него лай, но он потихоньку шагал себе дальше; только когда они уж очень на него наседали, поставил корзинку на землю и разогнал буянов, потом опять взял корзинку и вошел в тот самый покой, где господа сидели за столом и пировали. Медведь подошел прямо к королевской дочери и подал ей корзинку с письмом. Как только кучер медведя увидал, из-под него три подушки упали.

Королева прочла письмо, встала из-за стола, наполнила корзину самыми лучшими угощениями, поставила в нее полный стакан вина, обе половинки перстня туда опустила, и медведь отнес все это своему хозяину.

Хозяин гостиницы проиграл заклад, а парню пришлось очень по вкусу все, что королева прислала. Наевшись досыта, взял он стакан и опорожнил его одним духом. Видит, на дне лежит перстень, целый — обе половинки прочно срослись. Понял парень по этому знаку, что сегодня ему счастье улыбнется. Тотчас отправился он со своими зверями во дворец и входит прямо в тот покой, где пир шел. Как королева его увидела, радостно кинулась навстречу и на глазах у всех обняла его. Король и гости диву дались, что это делается. А негодяй-кучер затрясся, как осина; все подушки из-под него вывалились. Тут королева все рассказала, а парень в подтверждение ее слов вынул языки дракона. Со злодеем-кучером расправа была короткая: его дали тем зверям на

мелкие куски разорвать. Король был очень рад и отдал свою дочь настоящему ее освободителю. Наш парень сделался королевским зятем, получил полкоролевства и женился так хорошо, что лучше желать невозможно.

* * *

Как-то утром, когда слуга одел королевского зятя, выглянул тот в окошко и видит: по одну сторону прекрасные зеленые леса, а по другую — лес стоит печальный, желтый, словно осенью. Очень он этому удивился, потому что повсюду тогда была чудесная весна.

— Отчего это так? — говорит. — Все леса вокруг ярко зеленеют, и только этот такой печальный..

— Господин, — ответил ему слуга, — это заколдованный лес. Там уже много народу погибло, потому что кто туда войдет, тот больше оттуда не выйдет.

Он выслушал, но ничего не сказал; только затаил неприязнь к тому лесу.

Вот раз объявил он жене, что идет на охоту, взял зверей и пошел.

Только вышел из сада, — откуда ни возьмись выскочила прямо на него лисица. Пустился он за ней вместе со зверями, но они никак не могли ее догнать, а на выстрел она не подпускала. Долго они гнались за ней, а лисица то чуть поближе их подпустит, то опять вперед убежит, да все дальше и дальше их заманивает.

Королевский зять просто терпенье потерял, рассердился и нечистую силу помянул, чего прежде никогда с ним не бывало. А лисица только этого и ждала, потому что над людьми ни в чем неповинными у нее не было власти. Она сразу скрылась у него из глаз, и он очутился в густом лесу: вокруг него тьма, словно в полночь. И стало ему вдруг так тесно, что захотелось на свободу.

Но он только все глубже, глубже в чащу забирался, потому что лес его своими чарами опутывал.

Остановился он под дубом и, так как был голоден, развел костер, стал сало жарить. Вдруг слышит над собой голос:

— Холодно, холодно мне!

Оглянулся он по сторонам и видит: на одном дереве старая сгорбленная старуха сидит.

— Коли тебе холодно, иди погрейся! — крикнул он ей снизу.

Она замолчала.

А через минуту опять послышалось:

— Холодно, холодно мне!

— Я же говорю: коли тебе холодно, иди погрейся.

Опять стало тихо. Потом в третий раз послышалось:

— Холодно, холодно мне!

И он ей сердито крикнул:

— Или грейся, или замолчи.

— Я бы сошла, да твоих зверей боюсь. Вот возьми прутик, стегни их, и я сойду.

Он стегнул зверей. Тогда колдунья спустилась с дерева и отбежала в сторону. Вдруг приносит насаженную на щепку жабу и начинает поворачивать ее над огнем. Поворачивает ее, а сама его дразнит:

— Ты жарить сало, а я жабу. Сало будет у меня, а жаба у тебя.

И то на сало жабьим соком брызнет, то жабой по губам ему проведет. После того как она несколько раз так сделала, он рассердился и стал на нее своих зверей натравливать. Но они не тронулись с места, потому что от прикосновения прута окаменели. Он повернулся к ним, но колдунья его самого прутиком хлестнула, и он тоже окаменел. Тут она его схватила и кинула в яму, где уже погиб не один человек.

В королевском дворце ждут не дождутся королевского зятя. Но прошел день, прошел второй, а он все не возвращается. Все опечалились и решили: не иначе как он в заколдованном лесу заблудился и там погиб.

* * *

Младший брат пустился в обратный путь и пришел к заветной липе.

— Как-то, — говорит, — мой брат поживает?

Вытащил он воткнутый в липу нож. И с одной стороны потекла кровь, а с другой вода...

«Нет, — подумал он, — тут что-то неладно: он не жив и не мертв. Я должен пойти отыскать его».

И тотчас пустился в путь по той дороге, которую выбрал его брат.

Шел он, шел со своими зверями по чистым полям, по густым лесам, пока не пришел к тому дворцу, где его брат с королем породнился.

В это время королевна как раз во дворе была. Увидев его, она обрадовалась и побежала ему навстречу.

— Ах, — говорит, — где же ты так долго пропадал? Я так по тебе тосковала.

Она приняла его за своего мужа, потому что, мы ведь знаем, они были на одно лицо. Он отговорился, как умел, сразу догадавшись, что попал к жене брата.

Когда наступила ночь и они легли спать, младший брат положил в постель между собой и женой брата меч. Она не знала, что и думать: как это муж успел к ней так охладеть? И всю ночь проплакала.

На другой день он встал поздно, потому что очень устал. Когда слуга одел его, увидел и он тот печальный пожелтый лес и спрашивает:

— Отчего это такое: все леса вокруг так ярко зеленеют и только этот вот такой желтый?

Слуга глаза вытаращил.

— Я ведь вам про это докладывал. Разве вы не помните?

— Не помню я, чтоб ты мне про это говорил, — ответил младший брат.

Тогда слуга рассказал ему, что это, мол, такой заколдованный лес, — кто в него попадет, тот из него уже не выйдет. И младшему брату не нужно было больше объяснять. Он сразу понял, что брат его где-то там в беду попал.

Пошел он на охоту; и у него тем же порядком с той же лисицей все так же было, как у его брата; только младший брат нечистой силы не поминал. Пришел он к тому же дубу, развел костер и начал сало жарить. Звери отошли в сторону и стали своих окаменелых братьев лизать.

— Холодно мне! — завывала старая колдунья на дубу.

— Коли тебе холодно, иди погрейся! — крикнул он снизу.

— Я бы сошла, да твоих зверей боюсь. Вот возьми прутик, стегни их, я и сойду.

Парень обернулся и увидел возле своих зверей других, каменных. Тут ему сразу все ясно стало. «Погоди, — думает, — я тебя на свежую воду выведу».

И не стал стегать своих зверей, а стегнул по земле. Колдунья спустилась с дерева, принесла маленькую жабу на щепке и начала ее над огнем поворачивать.

— Ты жарить сало, а я жабу. Сало будет у меня, а жаба у тебя, — дразнила она парня.

И то на сало жабым соком брызнет, то жабой по губам ему проведет. Парня это рассердило, и он дал ей оплеуху. Колдунья кинулась на него — вот-вот задушит. Но он кликнул своих зверей, и те бросились на нее. Тут колдунья в страхе взмолилась, чтобы он ее от зверей избавил.

— Оживи тех зверей, — сказал он, — и я тебя отпущу.

Она сняла свои сапоги, велела ему надеть их, взобраться на дерево, найти там золотой прутик и стегнуть им зверей. Он сделал все так, как она сказала: стегнул зверей золотым прутиком, и они сразу ожили.

— Хватайте ее теперь, — крикнул он, — рвите когтями, пока она не скажет, куда моего брата дела.

Колдунья не выдержала мученья, дала ему мази, сказала, чтоб он спустился в яму и там этой мазью брату шею потер. Тот сразу ожил, и оба вернулись к зверям.

Но послушайте, что там после этого приключилось. Звери без всякого науськивания кинулись на колдунью, чепец ее упал в костер и сгорел со страшным треском, а ее самое они разорвали на куски. Когда с колдуньей было покончено, кругом вдруг стало светло и весь лес от радости зазеленел.

А потом случилось диво дивное. Те звери, которые прежде каменными были, вдруг превратились в вооруженных рыцарей, и тех, что каменными не были, на мелкие куски изрубили и сложили в кучу. Но только сложили, как из той груды изрубленного мяса поднялись три таких же рыцаря. Тут все они по-братски обнялись и друг другу все обиды простили.

Братья, глядя на все это, только диву давались, глазам своим не веря. Но один из тех шестерых заговорил:

— Не удивляйтесь, благодетели наши, а послушайте, что я вам расскажу. Мы — шестеро братьев королевского рода. Но родители оставили нас неразделенными, так что мы все время между собой ссорились из-за того, кому королем быть. За это одна наша родственница нас заколдовала, чтобы мы были волками, медведями и

львами до тех пор, пока нас два ни в чем не повинных брата не усмирят и мы не станем жить дружно. А остальное вы знаете как было. Мы отдаем вам теперь все наше богатство и хотим под вашей защитой всю жизнь до самой смерти прожить.

И все вернулись в королевский дворец. Там разобрались, кто муж, кто брат мужа, кто между собой братья, и устроили еще пир, во много раз пышнее, чем первый.

В скором времени добрые сыновья привезли туда и свою мать. Старший брат остался там королем, а младший уехал с теми шестерыми в их государство, где они в благодарность за все отдали ему королевскую корону и после примирения жили между собой дружно и счастливо.

ТРИ БРАТА

Жил-был король, и было у него три сына. Он утонул в богатстве; всего имел вдоволь. Но он не знал покоя, и ничто на свете его не радовало, потому что вот уж несколько лет, как он был болен.

Много врачей пробовали его вылечить и прежнее здоровье ему вернуть, да никому из них не посчастливилось.

Однажды пришел к нему старый-престарый, далеко вокруг прославившийся мудростью старик. И дал он королю совет — найти человека, который пошел бы в дальний путь и отыскал замок, где такая птица живет, у которой во время пения из клюва кровь капает: как король три капли той крови выпьет, так тотчас выздоровеет.

Пришли к королю сыновья: он им слова мудреца передал и велел им всем трем поискать такого человека.

— Да зачем чужому поручать, когда каждый из нас охотно это сделает? Мы сами тебе эту птицу принесем. Дай нам денег, и мы сейчас же отправимся на поиски. Только младший пускай с тобой останется.

Не хотел король сыновей отпускать: еще беда какая с ними стряется! Но они стали на своем настаивать, и он в конце концов согласился. Через несколько дней они ушли. Прошло много времени, а о принцах ни слуху, ни духу. Король часто о них с младшим сыном толковал: где, мол, они так долго пропадают и когда же, наконец, вернуться? Младший все его успокаивал, хоть и сам дожидаться не мог, когда братья птицу принесут. Наконец, видя, что отцу все хуже и хуже, решил идти их искать. Сказал он об этом королю, а тот и слушать не хочет, потому что он младшего больше двух старших любил и готов был скорее их потерять, чем его. Принц отступился было от задуманного; но, видя, что чем дальше, тем отцу хуже, а братья все не идут, так долго уговаривал отца, что тот в конце концов согласился.

С отцовским благословением в сердце и с деньгами в кармане пустился он, — по своей собственной воле совсем один, — в путь-дорогу. Долго-долго шел, сам не зная куда. Раз пришел он на большую зеленую поляну, со всех сторон окруженную лесом. Осмотрелся кругом, нет ли где тропинки. Но нигде — ни там, ни тут — никакой дороги! Только хотел он лечь поспать, вдруг видит: посреди поляны мертвое тело.

«Боже мой! — подумал он. — Этого несчастного вороны расклюют. Что ж, коли никто его не закопал, так я закопаю».

Сказано — сделано. Окончив работу, лег он себе на новую могилу отдохнуть и заснул. И пригрезилось ему, будто стоит возле него старый-престарый старик в длинной одежде, показывает пальцем на поляну и говорит:

— В благодарность за то, что ты мое тело в землю закопал, вот эта серна доведет тебя до цели, к которой ты стремишься. Если бы твои братья это сделали, я бы и им дорогу указал. Но они оставили меня лежать, оттого и не нашли той птицы.

Тут старичок исчез, а серна осталась. Принц стал протирать глаза, потому что ему казалось, что все это только сон. Серна стояла неподвижно и глазками своими так приветливо на него смотрела, что он осмелел и подошел к ней. Тут серна встала прямо перед принцем, будто хотела сказать, чтобы он за ней шел, и он пошел за ней, как во сне. Пришли они в лес, и тут оказалось, что серна так хорошо знает все тропинки, что принцу даже ветвей

раздвигать не приходилось, — он мог идти прямо. Но стало уже смеркаться, а они шли все тем же лесом. Принц подумал: «А как же будет ночью? Ведь в темноте я потеряю ее из виду и сойбюсь с дороги». Только он это подумал, как увидел впереди огонек. Он не знал, что огонек — от серны и движется вместе с ней. Но, всмотревшись пристальней, увидел, что это кончики ее рожек светятся. Весь страх его прошел, и он смело зашагал в ту сторону, куда его эти живые огоньки вели. И хорошо сделал, потому что пришел к пещере, удобной для ночлега: там была постель из мха, вдоволь молока и плодов.

Утром он опять пошел, куда его повела серна. Так много дней подряд шли они, и серна заботилась обо всем. И вот однажды пришли они к горе, на которой стоял высокий замок. Вдруг серна исчезла. Принц глядел во все стороны, но ее нигде не было. Он подумал, что она еще придет, но она больше не вернулась. Теперь он мог идти один, так как цель путешествия была у него перед глазами. И он весело зашагал к замку. Но никто не вышел на зов, чтобы впустить его, и ему пришлось самому отворить себе ворота. Правда, это не составило большого труда: только он к ним притронулся, они тотчас же открылись. То, что увидел он в замке, очень его удивило. Ни на большом дворе, ни в горницах не было ни души. Он шел все дальше. У отца в замке никогда не бывало так тихо, но и такого блеска и роскоши тоже не было. Здесь стены золотые да серебряные, украшенные драгоценными камнями. И он видел в этих стенах свое отражение, словно в зеркалах. Во всех горницах множество прекрасных дорогих вещей расставлено в величайшем порядке. Вошел он в самую последнюю горницу и видит: прямо у окна в золотой клетке желанная птица сидит. Поет она, а из клюва капли крови падают, будто рубины. Уж хотел он птицу из клетки вынуть, — да вздумалось ему по сторонам оглянуться, и от испуга у него рука опустилась! На красном бархатном диване лежит женщина, прекрасная, как богиня. И как будто крепко спит. Одна рука на груди, другая за голову закинута. Длинные черные локоны бегут по белым плечам до золотой бахромы, которой ложе оторочено. Прекрасное тело прикрыто белым платьем; только ножка, лежащая на мягкой подушке, выглядывает. Принц не знал, будить красавицу или нет. Ни одна жилка у нее не шевелилась, словно у мертвой.

«Ах, если б она на мгновенье, на одно только мгновенье глаза открыла! Если б только словечко промолвила!» — думал влюбленный принц. Он три дня возле нее просидел, ожидая, когда она проснется, но так и не дождался. В конце концов затосковал, вспомнил об отце и решил уйти.

Стал он птицу из клетки доставать, и пришло ему на ум взять что-нибудь на память о красавице. Обернулся — что бы такое взять? — и увидел на столике возле дивана меч, бутылку с вином да хлеб. На мече было написано: «В этом мече такая сила, что если им три раза в воздухе махнуть и крикнуть: «Руби, мой меч, всем головы с плеч!» — в то же мгновенье у всех головы с плеч и слетят». На бутылке было написано: «Кто этого вина выпьет, тот, какой бы болезнью ни был болен, тотчас выздоровеет, а вина нисколько не убудет». На хлебе стояло: «Ешь хоть сто человек, меньше не станет».

«Какие замечательные вещи! — подумал принц. — Ей они здесь не нужны, а мне будут очень полезны. А что бы она знала, кто у нее был, напишу ей свое имя».

И написал на нижней стороне столика, на котором те вещи стояли, кто он, откуда и когда в замке был. Потом поцеловал красавицу, которая так и не проснулась, взял птицу, меч, вино, хлеб и ушел. В ближайшем городе он купил себе коня и поехал со всем своим богатством дальше.

Долго-долго ехал он и приехал в один город, где царил великая тревога и жители по улицам метались. Принц спросил, почему это, и услышал в ответ, что на город наступает большое неприятельское войско, а король не успеет столько народу собрать, чтобы можно было против этого войска выступить; оттого весь город и в смятении. Тут вспомнил принц о своем мече и тотчас попросил: «Ведите меня к королю!» Король с радостью его принял, но не поверил, чтобы принц один мог ему помочь. Собрал он отовсюду кого только мог и выступил навстречу неприятелю. Когда тот был уже близко, принц вынул свой чудесный меч, взмахнул им три раза у себя над головой и воскликнул:

— Руби, мой меч, всем головы с плеч!

И совершилось дивное диво: через мгновенье все вражеские головы уже на земле валялись! Со страхом и изумлением глядели горожане на принца, а король с

великим почетом и благодарностью отвез его в свой замок, где в честь его был дан великий пир. Принц несколько дней там погостил, потом, приняв от короля богатые подарки, дальше поехал. А меч королю на память оставил.

Через несколько дней подъезжает он еще к одному городу. Смотрит, ворота заперты, и нигде ни души не видно. Долго он звал и стучал; наконец стража его услышала. С удивлением стал он спрашивать, что это значит, и стража рассказала ему, что в городе свирепствует странная болезнь, которой, кто туда ни придет, непременно заболит, что это длится уже долгое время и нет никакой надежды от нее освободиться. Все жители города и сам король с семьей больны; поэтому в город никого не пускают.

— Впустите меня, и я вам помогу, — сказал принц.

Стража с радостью исполнила его просьбу. Он отправился прямо к королю и велел доложить о себе. Все в городе были страшно худы и еле ноги волочили. Пришел он к королю и говорит, что у него против этой страшной болезни хорошее средство есть.

Король встретил его ласково, и когда тот его вылил, очень его полюбил. Принц дал королю вина выпить, и только король его отведал, как тут же выздоровел. Потом пришла королева с детьми; выпили и они вина и тоже выздоровели. После того как король велел оповестить жителей, народ толпой хлынул в замок, и каждый уходил оттуда здоровым. Принца засыпали бы деньгами, если бы он не сказал, что он королевский сын и ему ничего не нужно. Но как он ни отговаривался, пришлось ему, уходя, принять от короля на память много дорогих подарков. За это и он королю свое чудесное вино отдал.

Остались у него теперь только птица да хлеб. И приезжает он опять к одному городу. Попросил в гостинице, чтобы ему поесть дали, а там ничего нет, кроме кусочка рыбы с овощами. И слышит он печальную весть, что здесь люди с голоду умирают. Тут наш добрый принц вынул из кармана хлеб, дал королю и голодающих жителей города оделил, а хлеба нисколько не убыло. И опять принца от всей души одарили. А он, уходя, тот хлеб им оставил и не тужил, что у него больше ничего, кроме птицы, нет. «Теперь уж, верно, и до дома недалеко», — думал он.

Вот подъезжает он к какому-то городку и видит: у дороги виселица стоит. «Кого же тут вешать будут?» — подумал принц и тотчас въехал в городок, чтобы узнать об этом. На его расспросы ему объяснили, что примерно год тому назад сюда приходили два принца и было у них много денег, но они все эти деньги проиграли, да еще у людей назанимали; наконец, наделав много шума и всяких безобразий, решили ночью бежать, но были пойманы, и теперь их казнят для примера. Услышав это, принц испугался, так как понял, что это его братья. Он попросил правителей города допустить его к осужденным и увидел, что не ошибся. Но братья не узнали его. Он попросил правителей, чтобы ему разрешили выкупить их за какую угодно цену. Правители согласились, потому что им было важнее деньги получить. Они назначили большую сумму, принц ее выплатил, братьев отпустили, и он с ними уехал. Но когда они узнали, кто их освободил и как счастливо их брат из своего странствия домой возвращается, охватила их злоба, и они только о том и стали помышлять, как бы его погубить. Вот подъехали они к одному лесу, в котором, они хорошо это знали, была глубокая волчья яма. Злые братья заманили к ней своего несчастного брата, да прежде чем он сообразил, в чем дело, птицу у него из рук вырвали, а его самого в яму столкнули. Потом вернулись домой и сказали отцу, будто это они птицу нашли. Король очень испугался, узнав, что они о его любимом сыне ничего не слыхали. Да и долгожданная птица его не порадовала: она весь день клюва не открывала и совсем не пела, так что все труды оказались напрасными.

А принц, в волчьей яме сидя, хоть от голода и холода совсем помертвел, но в отчаянье не приходил. Только какой-нибудь шелест послышится, он сейчас же во все горло кричать принимался. Да все напрасно. Но вот на третий день проходил мимо крестьянин, распевая веселую песенку. Услыхал принц, закричал что есть мочи, и, к счастью, крик его дошел до крестьянина. Подходит тот к яме и видит: там человек сидит. Стал крестьянин думать, как бы его оттуда вытащить. Принес палок и веревок, связал их, спустил один конец в яму, и принц по ним наверх выкарабкался.

— Господи боже мой! Как же это вы туда попали?

— Друг мой, не спрашивай, а лучше отведи меня

куда-нибудь, где бы я мог согреться и поесть. Я ведь целых три дня в этой дыре просидел.

С радостью привел его крестьянин к себе в дом, который был недалеко от той ямы, и там отогрел и накормил его. Принц наелся, выпался и тогда рассказал крестьянину о своей беде.

— Какие же негодяи ваши братья! — воскликнул добрый крестьянин, когда все узнал. — И как ваш бедный отец будет горевать и разыскивать вас! Лучше всего, как приедете в город, так сейчас же идите к себе.

Наш принц так и сделал, и крестьянин пошел с ним. Ах, как обрадовался отец, увидев своего милого сына! Он тотчас рассказал ему, что братья принесли птицу, но она не хочет петь. Принц не сказал ни слова о том, что с ним было и как братья поступили. И крестьянину молчать велел. Потом попросил, чтобы ему птицу показали, и, когда принесли клетку, заговорил с птицей. Та, услышав знакомый глос, стала весело и радостно порхать и петь, и все удивились, когда увидели, что у нее живая кровь с клюва капает. Принц собрал кровавые капли в золотой стакан и поднес отцу. Только тот несколько капель выпил, как ему гораздо лучше стало; а выпив все до дна, он и совсем выздоровел. Тут все стали хвалить хорошего сына. А о тех двух никто ничего доброго сказать не мог. Они страшно испугались, что брат им мстить будет. Но он мстить не стал: ни словечком ни им, ни кому другому не обмолвился, хоть мог бы жестоко их наказать. Только с того самого времени, как домой вернулся, печальный был. Все больше у себя в горнице сидел да с птицей забавлялся, либо на охоту ходил. Никак свою прекрасную принцессу забыть не мог. Часто стец уговаривал его жениться, но он отказывался и в конце концов решил, что не женится никогда.

А прекрасная принцесса, как только принц унес птицу, тотчас проснулась, потому что вместе с той птицей исчезло и тяготевшее на ней заклятье. Вместе с ней проснулись во всем замке ее околдованные слуги. Осмотрелась она и с удивлением видит, что исчезли три предмета: меч, хлеб и вино, и что кто-то птицу унес. Позже стала она полнеть, сама не зная, что с ней такое. С этими мыслями и думами время для нее шло быстро, и в свой срок она родила сына. Это был прекрасный ребенок, и рос он, словно конопля под дождем. Еще до года начал

он бегать и говорить, радуя свою мать. Тогда мало кто умел читать и писать. Только короли да большие господа держали ученых людей, которые их детей учили. Нашей принцессе это счастье тоже выпало. И как же ей ученье пригодилось! Ведь она теперь могла сама своего сыночка учить! С радостью занялась она этим делом.

К седьмому году он хорошо уже слова разбирал. Раз сидела с ним мать на диване возле того самого столика и в той самой горнице, где несколько лет тому назад спала. Мальчик соскочил на пол и стал по горнице прыгать. Обежал всю горницу, забрался под стол и взглянул наверх. Видит снизу, что на столе какие-то слова написаны.

— Посмотри, посмотри, мамочка, что это тут за слова?

Мать быстро наклонилась и прочла имя принца, когда он приходил и за чем. Тут она узнала, кто отец ее сына, и решила отыскать его. Велела своим людям, чтобы они ее в дорогу снарядили. Скоро все было готово, и она с сыном в путь отправилась. Замок она оставила на своих верных слуг, велев им до тех пор заботливо охранять его, пока она назад не вернется.

Первый город, куда она попала, был тот, где принц меч оставил. Только она туда приехала, ей тотчас о чудесном мече рассказали. Она обрадовалась, что нашла на след. Сейчас же велела доложить о себе королю и попросила его вернуть ей меч, который пропал у нее из замка. Как услышал король об этом, не стал долго думать — приказал сейчас же отдать меч принцессе. Она, довольная, поехала дальше. В другом городе нашла вино, а в третьем — хлеб. То и другое ей вернули, как и меч.

Наконец приехала она в тот город, где ее желанный принц жил. И тотчас послала к королю с просьбой, чтобы он ей своего сына прислал, который из заколдованного замка птицу унес. Она не знала, что у короля три сына. А король не знал, что птицу самый младший унес. Он велел идти двум старшим. Те подумали, что принцесса влюбилась в кого-нибудь из них и замуж за него выйти хочет, и отправились без промедления. Но этим они только себе повредили. Увидав их, принцесса очень удивилась, что их двое. Стала она их о мече, о вине и о хлебе спрашивать, а они ничего об этом не знают. Тут она поняла, что это обманщики, и пригрозила им наказаньем. Они

струсили и признались, что не они птицу унесли, а их младший брат.

Принцесса велела своим слугам стеречь их, а сама послала за младшим. Хоть рад, хоть нет, а пришлось ему идти. Он был рад, потому что любил ее, и не рад, потому что был перед ней виноват и не знал, простит она ему или мстить будет. Сильно забилось у него сердце, когда он к ней вошел и она, еще более прекрасная, чем прежде, пошла с сынком ему навстречу. Он упал перед ней на колени, сказал, что семь лет дожидался от нее хоть словечка, а теперь боится услышать ее первые слова. Но она не стала на него сердиться: красивый юноша ей понравился, и она была очень рада, что он ее до сих пор любит и ей верен остался. Она все ему простила, а он рассказал ей про все, что с ним за это время случилось. Тут только узнала она, какие негодяи его братья, но не сказала ни слова, а оставив принца с сыном у себя и взяв меч, отправилась к ним. Войдя, она трижды взмахнула мечом у себя над головой, трижды губами пошевелила, — и к ногам ее упали два обезглавленных трупа. Она приказала слугам трупы убрать и вернулась к своему жениху, но о братьях ничего ему не сказала.

После этого оба отправились с сыночком к старому королю. Король не знал, что с его любимым сыном было. С великой радостью принял он сына, сноху и внука. Когда принцесса все ему рассказала, он пришел в ужас от злобы старших своих сыновей и был тронут добротой младшего. От всего сердца дал он свое согласие на брак младшего сына с принцессой и благословил их обоих. О том, что произошло со старшими сыновьями, он так и не узнал, потому что принцесса ничего ему об этом не сказала. В скором времени принца с принцессой обвенчали и сыграли славную свадьбу. Во всей стране не было человека, который не желал бы доброму принцу и прекрасной принцессе долгой жизни и счастья. И они жили много лет счастливо и спокойно, да и теперь живут, коли не померли.

ЖЕНСКАЯ МУДРОСТЬ

Жили в давнее время в одном и том же доме два человека: один бедный, другой богатый. У бедного был только пророк, да и того нечем кормить: хозяйство — хоть шаром покати! А у богатого было десять свиней, и он часто кормил их ячменем; и в корыте у них всегда было довольно поила. Двор был общий, и поросенок три раза в день подбегал к стаду богача, наедался ячменю и лакал из корыта. Но как-то раз богач рассердился, взял палку и хлоп поросенка по лбу. Тот упал в грязь, и — дух вон!

Бедный подал жалобу в суд, требуя возместить убыток. Богач заявил, что он тоже понес убытки, и отказался платить за поросенка. Судья не мог помирить их.

— Ладно, — сказал он наконец. — Убытки потерпели вы оба, но вознаграждение получит тот, кто к завтрашнему утру отгадает: что тучней всего, что быстрее всего и что ясней всего.

Оба вернулись домой, повесив нос.

Вот говорит богачу жена:

— Что ты ходишь, как вареный какой?

— Ах, отстань от меня, — ответил он. — Этакого сам черт не выдумает. Судья нам загадки загадал и говорит, что тому из нас вознаграждение присудит, кто их отгадает.

— А что за загадки?

— Да что тучней всего, что быстрее всего и что ясней всего?

— И ты себе над этим голову ломаешь? Пентюх ты этакий! Неужели трудно догадаться? Ну что может быть тучней нашей свиньи, которую мы целых три года откармливали? Что быстрее наших коней, которых мы каждый день отборным зерном кормим? И что ясней нашего колодца, в который мы каждый год по два мешка соли сыпаем?

— А ведь это ты правильно говоришь, жена! — воскликнул богач и повеселел так, будто уже выиграл дело и судья потрепал его по плечу: умный ты, мол, человек!

Когда бедняк к себе в горницу вошел, из-за стола ему навстречу поднялась шестнадцатилетняя дочь. Она тотчас прочла в его глазах, что у него не все благополучно.

— Ну, как дела, батюшка? Неужто мы проиграли?

— Проиграть не проиграли, да и выиграем ли, неизвестно, — ответил отец и рассказал дочери, как было дело.

— Ничего не бойся, папа. К утру я что-нибудь придумаю, — сказала дочь.

И они легли спать.

Утром дочь пошептала отцу на ухо, и он весело зашагал прямо к судье. Богач был уже там и гордо потребовал, чтобы его выслушали первым. Ах, если б вы видели, какой у него был вид, когда судья, выслушав его отгадки, сказал, что с такой глупостью он мог и не приходить!

— Ну, а ты до чего додумался? — обратился после этого судья к бедняку.

— Прошу прощенья, высокородный пан, — ответил бедняк, — только я скажу, что самая тучная — мать-земля, потому что она всех нас кормит; самый быстрый — месяц, потому что он каждые четыре недели землю и небо обегает, а самое ясное — солнце, потому что оно всегда ровно и ясно светит.

— Молодец! — сказал судья и потрепал его по плечу. — Этот богач не имел права из-за горстки ячменя убивать твоего поросенка. В вознаграждение возьми у него тучную свинью, которую он откармливает вот уже три года.

Тем тяжба и кончилась. Гордый богач ушел потихоньку, как будто его там и не было. Ему и не снилось, что судья так его осрамит да еще его откормленную свинью бедняку присудит! Бедняк поблагодарил судью за решение и тоже пошел к двери. Но высокородный пан подозвал его, чтобы сказать ему еще словечко.

— Ты, — сказал он ему, — не сам до этого додумался. Ведь над этими загадками много мудрых мужчин и женщин напрасно себе голову ломали. Скажи прямо: кто тебя надоумил?

Бедняку скрывать было нечего; он ответил, что это его родная дочь сегодня ночью придумала, а утром ему на ухо шепнула.

— Ну, коли у тебя такая умная дочь, — сказал пан, — на, отнеси ей вот эту горсть льна. Ее только что с поля принесли. Пусть она мне ее в три дня вытербит, вытрепет, высушит, вычешет, спрядет, из пряжи полотна наткет и полотно выбелит. А из того полотна пусть сошьет мне красивую свадебную рубашку. Если она все это сделает, я с ней обвенчаюсь, а не сделает, так я с ней расправлюсь за то, что вмешалась в тяжбу и самому мне приговор вынести не дала. А теперь убирайся прочь с моих глаз!

И бедняк убрался. Лучше бы ему было не затевать этой тяжбы или хоть трижды проиграть ее! Из горстки льна сделать красивую господскую рубашку, да еще в три дня! Ну, слыханное ли это дело? Но когда он дома рассказал обо всем дочери, она ничуть не испугалась, а только сорвала с дерева веточку и дала ее отцу:

— Милый папа, возьми отнеси ее к тому пану и скажи ему, что коли он, мол, из этого прутика трепалку, прялку, веретено, мотовило, мотальницы, кросна и все, что нужно, к утру сделает, то и я исполню, что он приказал.

Только тут пан узнал, с кем вступил в единоборство. Ну, уж так ли, сяк ли, — не знаю, только все он ей приготовил, как она сказала. Тогда и она ему на третий день свадебную рубашку послала.

— Ладно, — сказал судья отцу, — коли дочь твоя такая мастерица, я с ней обвенчаюсь. Только пусть явится

ко мне не днем и не ночью, не пешком, не в телеге и не на коне, не по дороге и не по целику, не одетая и не голая, и привезет мне подарок да не подарок!

Услышав это, отец только головой покачал. Вот еще новая беда! Но дочь успокоила его, сказав, чтобы он на нее положился. А пан с того часу от окна не отходил, все ее высматривал: никак дождаться не мог, потому что знал, что другой такой красавицы нигде не сыщешь.

На третий день утром, только начало рассветать и все еще спали, пан уже стоял у открытого окна. Вдруг видит: прямо против его окон — молодая девушка! И было это в самом деле не днем и не ночью, а на рассвете. И двигалась она не пешком, не в телеге и не на коне, а сидела на козле, ногами до земли доставая. И ехала не по дороге и не по целику, потому что козел шагал по обочине. И была не одетая и не голая, потому что на ней был только широкий мужской передник, сверху фартуком подпоясанный. А на коленях держала она что-то покрытое: это был подарок-не подарок. Тотчас послал он навстречу ей служанку с красивым свадебным нарядом, чтоб она в том наряде ему свой подарок-не подарок поднесла.

Прекрасна, как нераспустившаяся роза, вошла она в комнату и подала ему двух голубков. Но только хотел он их в руки взять, она их выпустила. Они захлопали крыльями и через открытое окно улетели вдаль. Так она поднесла ему подарок-не подарок, потому что он и получил и не получил его.

— Ну, душа моя, — сказал пан, — с этой минуты мы принадлежим друг другу. Но раз ты такая умная, а у меня свой разум есть, ты, конечно, поймешь, что каша у нас не сварится, коли ты и дальше будешь мешаться в разбор дел. Поэтому я еще до свадьбы предупреждаю тебя, чтобы ты никогда в мои дела не вмешивалась. Если я что-нибудь такое замечу, то сейчас же отправлю тебя домой.

Она согласилась, и они пошли вместе под венец.

* * *

И жили они дружной парой, что твои голубки, до тех пор, пока она не попробовала коснуться судебного жезла. Но, видно, чему уж быть, того не миновать!

Пришли раз в суд два путника. Один гнал с базара табун лошадей, другой стадо волов, и оба ночевали вместе. Ночью у табунщика ожеребилась кобыла, а он этого не знал. Жеребенок заблудился среди волов. Волопас нашел его возле одного вола и отказался вернуть табунщику. Судья присудил жеребенка волопасу: видно, тот сумел лучше подмазать.

— Чтоб черт побрал этот суд! — ворчал себе под нос рассерженный табунщик, когда жена судьи во дворе его встретила.

— Ты что сердишься, добрый человек? — спросила она его.

— Да видите, пани: пришли мы в суд правды искать, а судья решил, что ожеребился вол, а не кобыла.

И рассказал, как было дело.

— Не горюй, добрый человек, — ответила жена судьи. — Послушайся меня, и все будет хорошо. После обеда муж пойдет вон на тот луг, у реки, гулять. А ты возьми с собой косу и сеть. Как он к тебе подойдет, возьми косу и начни косить в реке. Потом выбеги на берег и делай вид, будто на траве сетью рыбу ловишь. Увидит это мой муж, тотчас подойдет к тебе, олухом тебя обругает. А ты только скажи: «Ах, пан судья, легко может статься, что я в воде травы накошу, а в траве рыбы наловлю, коли вол ожеребился». Как скажешь это ему, — увидишь: жеребенок твой будет! Только ради бога не выдавай меня. Тогда мне у него в доме не жить. А ты видишь: я тебе добра хочу и о правде стараюсь.

Сказав это, она убежала в дом, к мужу. И такой святой вид приняла, будто ничего знать не знает, ведать не ведает.

К вечеру вышел ее муж на прогулку. И что же видит? Тот самый табунщик, что у него судился, в реке косит, а на траве сеть рыболовную расставил.

— Что это ты тут творишь все шиворот-навыворот, олух царя небесного?

— Что же вы, пан судья, зря олухом ругаетесь? — смело отвечал табунщик. — Ведь очень может статься, что я в реке травы накошу, а в траве рыбы наловлю, коли ваша правда, что вол ожеребился.

Тут пан сразу понял, чего табунщику нужно. Только кто же это научил его?

— Вот как? — сказал он. — Ты смеешь мое решение насмех подымать? Сам бы ты до этого, конечно, не подумался. Говори прямо, кто тебя научил?

— Да я... пан судья... так что... значит...

— Ты еще запираешься? Или не знаешь, как надо отвечать судье? Говори сейчас, иначе жеребенка не получишь. Это тебя моя жена научила?

И так он табунщика припер, что тот признался: верно, это высокородная пани придумала!

— Вот видишь, — сказал пан, — нечего было и отнекиваться. Я ведь сразу понял, в чем дело. Ну, ступай к волопасу, скажи, что я ему приказываю вернуть тебе жеребенка. Понимаешь?

— Понимаю, высокородный пан. Прошу прощения, — ответил табунщик и, подпрыгнув от радости, побежал со всех ног за присужденным ему жеребенком.

А у пана на душе кошки скребли. Лучше б ему было не дожить до этого! Он свою милую, ласковую женушку чем дальше, тем больше любил, и теперь ему вовсе не хотелось выгонять ее из дому. Да надо было свое слово сдержать. И вот, вернувшись домой, он тотчас объявил ей об этом.

— Возьми, — говорит, — все, что захочешь, и уезжай отсюда!

Она ничего не ответила, только попросила позволения приготовить ужин самый лучший, чтобы им в последний раз вместе поужинать. Пан согласился. Ужин был вкусный да и вино славно. Она мужу сама подливала «на прощанье», так что пан добрался до самого дна бутылки и заснул. Коли с него стали бы лыки драть, он и тогда бы не проснулся.

А у пани уже стояла карета наготове. Она приказала посадить пана в карету, сама села туда и велела ехать прямо к ее отцу. Там она вышла из кареты, постелила свою крестьянскую постель и мужа в нее уложила.

Утром протер себе глаза высокородный пан судья и никак не разберет, где он, что с ним и как же это господский дом за одну ночь в крестьянскую хату превратился. А жена подошла к нему и говорит:

— Ну как, выспался, милый? Видишь, и в крестьянской хате неплохо спится. Право, нам тут хорошо будет. Мы можем навсегда здесь остаться.

— Но как же так? Что ты со мной сделала?

— Да разве ты уже забыл, милый, что только вчера вечером прогнал меня из дома, но позволил взять с собой, что захочу. Вот я тебя и взяла!

— Ну, женщину никто не перехитрит! — сказал пан, и все опять пошло по-хорошему. Вернулись они домой. Отца ее с собой взяли. И пан еще раз торжественно ввел свою молодую жену к себе в дом.

ЗЛАТОРОГИЙ ОЛЕНЬ

Жила-была в пустынной местности возле леса одна старая госпожа, и был у нее единственный сын. Он ездил на охоту, а когда возвращался на своем вороном коне, мать всегда выходила за ворота — ласково его встретить и в дом ввести.

Раз гулял юноша в саду и увидел золоторого оленя. И дивное дело! Олень не убежал от него, а стал изблизи его манить, не даваясь в руки. И так несколько раз: даст подойти — и отбежит немного, даст подойти — и опять немного отбежит. Тогда Благослав — так звали юношу — пошел домой за стрелами и велел своего вороного коня оседлать, чтобы догнать оленя. Тот не стал дожидаться на месте, а побежал из сада в рощу, из рощи в лес. Благослав — за ним, и в конце концов так далеко заехал, что уж не знал, как из леса выбраться. Призадумался он, что ему делать: назад ли домой ехать, дальше ли золоторого оленя преследовать? Стал он искать дорогу назад, но скоро заехал еще глубже в дебри, так что ему ничего

больше не оставалось, как снова пуститься за златорогим оленем, который все его за собой манил. И помчался он по горам, по долам, пока не оказался вдруг во дворе какого-то замка, окруженного высокими стенами.

«Тут уж ты, златорогий, от меня не уйдешь!» — подумал он и еще раз пришпорил своего вороного коня, чтобы поскорей оленя догнать.

Конь от усталости на колени падал, а все-таки хозяина послушался, собрался с последними силами и поскакал. Но диво дивное! Что ж это такое? Благослав уже приблизился к чудесному оленю, пустил в него стрелу, и стрела уже пронзила его! Но в одно мгновение олень вместе со стрелой исчез! Когда Благослав подошел к тому месту, где был олень, что же он там увидел? Стрела его вонзилась в какую-то доску, на которой было написано, чтобы он коня своего вороного на конюшню поставил, а сам поднялся бы в горницы и что там найдет — брал бы себе без всякого опасенья.

— Ну, вот и прекрасно, друг мой верный! — сказал Благослав коню, который стоял возле него печальный, совсем измученный. — Будет где нам с тобой переночевать.

Повел он его на конюшню и что же увидел? Было там навалено много овса, сена, рубленой соломы и всего, что только коню нужно.

— Ну вот, конек мой, ешь и пей, сколько душе угодно, — сказал он и пошел в горницы, где для него стол, полный всяких яств, накрытый стоял. Сел он за стол, принялся есть и пить. Наелся, напился и подумал: «Целый день потерял я на этого дрянного оленя! Ловкая тварь! Ну, а теперь пора спать. Только где же мне лечь?» Оглянулся и видит: прекрасная постель постлана. словно зная, что это для него, он разделся и лег.

Тут в голове у него все смешалось, и он заснул. Только доброй ночи никто ему не пожелал.

Прошло немного времени, подошли к его постели три девицы. Сложив руки, стали они просить его, чтобы он три дня в замке пробыл. Рассказали ему, что они дочери одного короля и должны до тех пор тут оставаться, пока не придет человек, который захочет за них пострадать. Они просили его, чтобы он только три ночи храбро выдержал, и ушли.

Вдруг вся горница задрожала. Он проснулся от шума и стука. Посмотрел по сторонам — ничего не видно. Страшно он испугался. Вдруг что-то к его постели приблизилось, принялось колотить его и душить, так что у него дыханье перехватило. Но, к счастью, тут наступила пора, когда все страшилища домой возвращаются, и он, совсем измученный, опять заснул спокойно.

Утром встал он, оделся, а яства уже на столе стоят. Поевши, пошел он взглянуть, что его конь делает. А тому на конюшне хорошо было: всего вдоволь. Оставил его там Благослав — пусть жует! — а сам отправился здание осматривать.

Подошел он к колодцу, в котором чистая вода была. И так ему пить захотелось, что он лег на край и губами к ней тянуться стал. Вдруг под рукой у него земля обвалилась, и он руку и волосы в воде намочил. «Ах, теперь уж этой воды пить нельзя!» Но он очень обрадовался, когда на руку поглядел: она вся серебряная стала, да и волосы тоже, которые в воду попали. Обвязал он себе руку и волосы платком и пошел дальше по саду, все осматривая. Осмотрел и вернулся в горницу обедать.

Жил он так в замке три дня припеваючи. Только по ночам от страшилищ покоя ему не было: они все пуще его донимали. Он убежал бы, да девицы все время его просили, чтобы он три ночи выдержал и их освободил. На третью ночь он уж не мог в горнице сидеть, — пошел в часовню: хотел там остаток ночи в молитве провести. Но только успел на колени стать и немного помолиться, как заснул, — больно уж устал, проведя первые две ночи без сна. И видит он во сне, как те три девицы в часовню входят, на колени перед алтарем становятся и начинают молиться. Подошла самая младшая к Благославу и написала ему на мече название того замка, в котором их отец живет, и что коли Благослав хочет ее замуж взять, то пусть идет к отцу. Потом все они ушли; они были уже свободны: ведь он три ночи выдержал.

Утром Благослав, как только проснулся, тотчас коня оседлал и помчался, чтобы поскорей в замок к отцу тех трех девиц доскакать. Да конь и сам торопился, словно домой хозяина нес. Подъехав к тому замку, Благослав решил во двор на коне не въезжать. «Кто знает, — подумал он, — правда это или, может, только во сне все

было... Да и признают ли меня, и захочет ли младшая девица за меня выйти?»

Сошел он с коня и пустил его на все четыре стороны: беги, куда вздумается. Побежал конь вороной прямо к его матери. Прибегает — и заржал весело: жив, мол, хожин, горевать о нем не нужно.

А Благослав с обвязанной головой и рукой пешком вошел в замок и попросился на службу. Его сделали поваренком. Стал он каждый день в огонь дрова подкладывать и делать все, что повар ему прикажет. Но хоть он все охотно исполнял, а с нетерпением ждал минуты, когда молодую принцессу увидит.

Принцессы ходили на кухню по очереди: неделю одна готовить училась, другую неделю другая. Когда Благослав в замок пришел, на кухню каждый день приходила старшая. И всякий раз, как придет, глядит на него и удивляется, как это такой красивый юноша поваренком стал. Но ни разу ни она, ни он друг с другом не заговаривали. Так же было потом и со средней.

Но вот стала ходить на кухню младшая. Тут он не мог больше таиться, — показал ей серебряный палец. На другой день прядь волос из-под повязки торчать оставил, чтобы ей видно было. Она увидела, но промолчала. А на третий день приказала повару, чтобы он с поваренком кушанье прямо к ней прислал. Тот так и сделал.

Когда Благослав вошел в горницу младшей принцессы, он еще в дверях сразу увидел, что все хорошо будет. Она надела то самое платье, которое было на ней в часовне заколдованного замка. Тут он опять ей свои серебряные волосы и пальцы показал. Она тотчас его женой быть согласилась, но сказала:

— Только ты должен подождать, когда я и мои сестры мужей себе выбирать будем. Они ведь тоже тебя дожидаются. Так сперва пусть они выберут, а потом уж я.

Он тотчас обвязал себе голову и руку и вернулся на кухню — опять поваренком работать.

Вскоре после того отец трех девиц велел всех оповестить, что в такой-то день дочери его будут себе мужей выбирать и кому какая из них золотой платок кинет, тот мужем ее станет. Как только об этом было оповещено по всей стране, съехались в замок господы и принцы, и на другой день все предстали перед старым королем. Тут вошли сперва две старшие сестры и кинули платок

каждая в того принца, который ей больше понравился. А младшая долго не хотела выходить; она вышла только, когда увидела, что милый поваренок тоже в дверях стоит и смотрит, как те мужей выбирают. Тут она и подала свой платок поваренку.

Отец страшно рассердился и принялся гнать его вон: не хотел, чтобы какой-то поваренок, весь обвязанный, его зятем стал! А когда тот не захотел уйти, король схватил его за шиворот и стал выталкивать, но сбил с него повязку. Заблестели серебряные волосы на весь покой королевский! Тут все узнали, что это тот самый юноша, который в заколдованном замке три ночи провел и девиц освободил. Послали за Благославовой матерью и сыграли веселую свадьбу, на которой каждый ел и пил сколько душе угодно. Там всего было вдоволь.

И живут себе Благослав с младшей принцессой до сих пор, если только не умерли.

КАК ВОЛК САПОГИ СЕБЕ ЗАКАЗАЛ

«Ах, — подумал однажды волк, — хорошо людям! Нас они босых гоняют, а сами ног об камни и деревья никогда не поранят, потому что всегда обуты... Впрочем, почему бы и мне не завести себе сапог?»

Отправился он к сапожнику, который жил на краю деревни, словно к своему соседу. Там ему нечего было бояться, потому что у бедняка была только тощая хромая собачонка; та при виде волка даже не залаяла, а убежала в хлев. Волк сапожнику как снег на голову свалился. Дети попрятались от страха — кто на печь, кто в угол, кто к матери под передник. У самого хозяина глаза на лоб полезли: что за гость такой? Но гость повел речь вежливо, как полагается:

— Не сошьете ли вы мне сапоги, соседюшка?

— Отчего же, коли у вас есть материал, — ответил сапожник. — Мне ведь, знаете, только в починку приносят.

— А какой материал нужен?

— Да из какого прочную кожу выделывают. Ну, скажем, хорошая, упитанная телка из стада, что пасется на подножном корму.

— Сегодня же получите ее. Приходите в полночь на загумень. Только не опаздывайте.

Ну и была же та телка упитанная, жирная, которую волк сапожнику притащил, только чтобы тот ему сапоги сшил получше! Ну и пир же был после этого у сапожника! Жена его три дня мясо тушила, и все наелись, как в храмовой праздник. Давно им так лакомиться не приходилось. А шкуру в самом деле отдали на выделку.

На третий день пришел волк за сапогами.

— Ну как, соседушка? Готовы сапоги?

— Да были бы уж готовы, дорогой соседушка, — ласковым голосом ответил сапожник, — кабы не дратва. Не можете ли вы раздобыть сколько-нибудь льну и копопли?

А в мочильнях было много этого добра, уже вымоченного и вынутого для просушки. Ночью волк натаскал сапожнику целую кучу на загумень. На другой день сапожникова жена все как следует высушила и вытербила, радуясь тому, что будет теперь что прясть да ткать и во что детей одеть.

Через три дня волк опять пришел за сапогами.

— Ну, соседушка, готовы сапоги? Ага, вон они стоят. Какие хорошие! Это ведь мои?

А там на лавке и впрямь стояли новые сапоги, сшитые из кожи, которую сапожник занял у скорняка под шкуру той телки, чтобы поскорей в первый раз целые сапоги сшить. Но теперь, став мастером, сапожник наш повел такую речь:

— Ах, были бы они ваши, дорогой соседушка! Только вот заковыка: мне заказал их наш деревенский судья, а ваши-то еще в работе. Да какой толк что в этих, что в ваших, когда у меня нет чем их смазать. Вот если б вы с лесного выгона боровка принесли, чтобы мне было из чего сала натопить. Как принесли бы, так через два дня сапоги и надели бы.

В полночь на загумень уже был толстый, жирный боров. В доме сапожных дел мастера появилось вдоволь сала, и жена его радовалась, что есть у нее теперь на чем лепешки печь.

На третий день волк опять пришел. Сапожник подал ему готовые сапоги, но волк обуть их не мог.

— Нет, — говорит, — они мне не по ноге.

— Не огорчайтесь, соседушка, — ответил сапожник. — Найдутся у меня и для вас подходящие. Мне хотелось только доказать вам, что вы не можете носить такие сапоги, как все. Я иначе устрою. Идите за мной.

Привел он волка к яме во дворе, в которой заранее белой глины намешал.

— Ну, — говорит, — коли желаете в сапоги обуться, прыгайте ногами в яму.

Волк прыгнул, а когда вылез обратно, ноги его, покрытые глиной, так и блестели.

— Вот видите, соседушка, теперь вы обуты в прекрасные, блестящие белые сапоги, каких никому носить не доводилось. Я уж для вас постарался, чтобы вы помнили, кто вам сапоги шил. Только одно скажу вам: по камням, по горам бегайте в них сколько хотите, но в воду или по росе — ни ногой! Ведь нам, сапожникам, работы больше, коли народ в сапогах по воде ходит.

Но волк сапожниковых наставлений не дослушал: гордясь своими сапогами, он уже бежал по загуменью.

— Теперь не стану больше шататься по лесу, — говорил он себе, любуясь обновой. — Буду ходить по дорогам, как люди, коли на ногах у меня сапоги.

И важно зашагал по шоссе. Навстречу ему обоз; только волк с ним поровнялся, возчики взялись за кнуты, а хозяева послезаляли с возов с топорами в руках.

— Волк, волк! — закричали и погнались за ним, чтобы убить его.

В такой беде не до сапог. Он — словно с виселицы сорвался — прыг в реку! И счастье его, что река была широкая да глубокая, так что погоня уже не могла его догнать. Но когда он переплыл реку и выбежал на другой берег, сапог на ногах как не бывало: вода их начисто смыла. Ну и разозлился же волк! Если б там мастер был, который его так обул, он разорвал бы негодяя на куски: так скалил зубы, так щелкал ими, так рычал!

Не помня себя от злости, побежал он обратно к сапожнику и, не слушая никаких объяснений, объявил ему, что завтра, в таком-то часу, будет драться с ним на поединке: чтобы тот достал себе двух секундантов, а он,

волк, приведет своих, и они будут биться не на живот, а на смерть возле такого-то дуба в лесу.

Ладно. Позвал волк в секунданты белку да кабана, и стали они ждать противника под раскидистым дубом. Сапожник долго не показывался, и волк говорит белке:

— Влезь на дуб да погляди, идет он сюда, или нам придется пойти к нему и разорвать его там на куски со всей его шайкой.

Влезла белка и запищала:

— Батюшки мои! Идет, идет, да с двумя секундантами: у одного позади кровавые огни полыхают, а другой как ступит шаг, так камень подымет. Ай-ай, как страшно!

И она так и осталась на дереве.

А кабан с перепугу зарылся под деревом в листья, так что и рыла не видно. Что оставалось делать волку, всеми покинутому? Пустился он наутек в лес, не думая о том, что опять убегает от человека босой, стирая и раня себе ноги.

Сапожник в самом деле через несколько минут подошел к дубу с секундантами: своим собственным петухом, у которого красные перья в хвосте ветер трепал, отчего белка, сидя на дубе, дрожала, приняв их за огненные языки, да хромой собачонкой, которая на каждом шагу ковыляла и мордой в землю тыкалась, будто в самом деле камни подбирала. Как увидела ее белка вблизи, тотчас спряталась за ствол, чтобы та ее первую камнем не достала. Кабан из-под листьев носа не высунул. Волк был уже далеко. Сапожник наш подождал-подождал и ушел. Страшной битвы так и не произошло.

* * *

Теперь наш волк думал уже о другом: где бы достать чего перекусить? Время не раннее, а у него с самого утра маковой росинки во рту не было, и он впрямь, что называется, был голоден, как волк. Вдруг видит: пasetся в долине возле озера кобыла с жеребенком. Оскалил он на них зубы и зарычал:

— Кобыла, кобыла, лучше добром отдай жеребенка. Все равно съем!

А кобыла в ответ:

— Ладно, ладно, только он еще не крещеный. До крещения как его есть?

— Это вздор. Я его окрещу.

— Что ж, коли хочешь сам себя в священники произвести, твое дело. Сойди к берегу: я подведу его поближе к воде.

Волк стал на берегу; кобыла пошла к воде; жеребенок — за ней. У волка уж слюнки потекли. Но кобыла двинула его копытами так, что он очутился на самой середине озера.

— Пополощи рот после еды! — крикнула она ему и пошла себе, как ни в чем не бывало, со своим жеребеночком, пока волк кое-как из воды выбирался.

Выбрался он на другой берег, побежал по полю. Слышит, возле одного гумна старая коза блеет. Смотрит, рядом козленочек лежит.

«Что ж, по началу не удалось, — может, теперь удасться», — подумал волк.

Подошел к козе и спрашивает:

— Что ты так блеешь?

— Да видишь, какое у меня горе: козленочек мой издох.

— Так подари его мне: ведь теперь он тебе все равно не нужен.

— Да как же я его отдам? Ведь он еще не оплакан. Помоги мне хоть оплакать, отпеть его.

Волк принялся выть, и чем дальше, тем громче. Больно понравилось ему это занятие: на похоронах петь. Да услышали его пенье крестьяне, которые на гумне хлеб молотили, прибежали с цепами и давай молотить его по спине, — чуть всю шкуру не спустили! Но он во-время опомнился и убежал от них в лес.

В лесу волк — барин. Стал он там снова гордо выступать, хоть от голода у него в животе урчало и ноги подкашивались. Видит, птичка с дерева на дерево перелетает, с ветки на ветку перепархивает. Стал наш волк к ней подкрадываться, — вот-вот снапает... А она все от него улетает, не дается. Рассердился волк, закричал:

— Стой, птица, я тебя съем!

— Да я мала для тебя, — ответила птичка. — Какой тебе прок, коли ты меня проглотишь? А я тебе покажу, где ты сможешь вволю наесться и напиться. Только беги за мной. Попируешь, как на свадьбе.

Послушался волк, побежал за птичкой. А она еще раньше видела, как женщины несли куда-то полные

корзины кушаний и напитков, — верно, на какую-то пирушку. К ним она и полетела. Завидев их сквозь чашу ветвей, она велела волку бежать за ними, а сама улетела вперед и села в пыль на тропинку, по которой женщины шли. Те увидели птицу и говорят:

— Какая хорошенькая птичка! Давайте поймаем ее. Будет нашим детям дома чем позабавиться.

Поставили они свои корзины на тропинку и пустились за птичкой. А та бежит все дальше, их заманивает. И как только поглубже в чашу увела, вспорхнула в воздух, да стрелой обратно на тропинку, к тому месту, где корзины остались.

Села она там на край корзины и стала носиком хлеб клевать, потому что волк его не тронул: он, подбежав к корзинам, нашел в них мясо и тотчас проглотил его вместе с костями. А потом захотелось ему напиться; сунул он голову в полный горшок и стал лакать. Но в это время женщины вернулись из чащи и подняли страшный крик.

— Сюда! — закричали они. — Скорей сюда, парни! Тащите цепи, дубины, палки! Тут волк!

Птичка сейчас же улетела, — поминай как звали. А наш волк, уже знакомый с цепями, дубинами и палками, страшно испугался. Хотел вытащить голову из горшка, — не тут-то было! Тогда засунул он ее еще глубже внутрь, так что со страху совсем на голову себе горшок насадил. Увидев это, женщины подбежали к нему сзади с палками, которые тут же подобрали, и давай по спине его охаживать. Волк не стал дожидаться, когда они ему хребет перешибут, а пустился со всех ног наутек.

Бежал-бежал, ничего не видя, впотьмах. Вдруг как трахнет башкой об дерево, — горшок и разлетелся в черепки! Волк с грехом пополам кое-как протер глаза передними лапами, перевел дух и сел отдохнуть. Глядит по сторонам и что же видит? Дело идет к вечеру, и сидит он под тем самым дубом, возле которого утром должен был с сапожником драться. Секундантов уж нет — бог весть куда они попрятались! Страх охватил его; показалось ему, будто перед ним стоит сапожник со своими приятелями и приветствует его колодкой, а самое главное — огненными языками. От ужаса волк даже глаза закрыл, чтобы не видеть того, что будет.

Но кругом все было тихо, муха не пролетала.

«Боже мой, боже мой, — принялся он размышлять, — до чего же я одинок! Нет у меня ни одного друга, который бы мне помог хоть подняться. А все оттого, что я оставил свое ремесло и погнался за тем, что мне совсем не нужно. Мой отец не заказывал сапог, не брал на себя обязанностей священника и церковного певчего, не ходил на свадьбы, а широкие поля и леса были все-таки его, пока он не попал туда, куда ему суждено было попасть: к скорняку на гвоздь. Что же мне теперь делать? Жизнь мне надоела, а помирать не хочется! Господи, господи, куда податься?»

Хотел он глаза открыть, да уж не пришлось: пиф! — раздалось с одной стороны, паф! — с другой, и две пули впились ему в сердце. Двое лесничих видели, как он мечется по лесу; как раз в эту минуту они вышли ему навстречу и застрелили его. И попал наш волк, наконец, туда, куда до него попало столько его собратьев: к скорняку на гвоздь!

ЗЛАЯ МАЧЕХА

Жила-была красивая королева. Раз сидела она у окна. Шел снег. Она шила и уколола себе палец. Показалась кровь. И вспомнила королева о своей падчерице: девочка была с лица бела, как снег, и румяна, как кровь. Да такая хорошенькая! Стало королеве досадно, что падчерица ее так хороша. Взяла она девочку на руки, пошла к зеркалу и спрашивает:

— Скажи, зеркальце, кто из нас лучше: я или дочка?

А зеркало в ответ:

— Вы прекрасны, королева, спору нет, но дочка ваша еще прекрасней.

Королева страшно рассердилась. Она велела своим слугам отнести ребеночка в лес и там погубить. Взяли они девочку и понесли в лес. Та уж все хорошо понимала. И стала она их молить, чтобы они ее не губили, в живых оставили, а она никогда к матери не вернется. Они ее отпустили. И пошла она куда глаза глядят — по горам, по лесам — и пришла к одной хижине. Вошла в

хижину, видит: стол на двенадцать человек накрыт, и всяких яств на ужин приготовлено. Она была очень голодна, села за стол и наелась. Потом в постель легла. А в той хижине карлики жили. Пришли они ночью домой и узнали, что у них кто-то был, кто-то ел. Стали по всему дому шарить, но нигде ничего не нашли. Уж и сами не знают, где еще искать. Решили спать ложиться. И вот в одной из постелей нашли девочку. Она страшно испугалась, но они ей сказали, чтоб она ничего не боялась, что они ей ничего плохого не сделают; пусть, мол, она вылезет, они ее у себя оставят, и она им будет варить да в хижине прибираться. Утром они собрались на охоту, а девочке приказали, чтоб она заперлась и никого в дом не пускала, кто бы ни пресился. И если б кто стал какой товар предлагать, чтоб она тоже не отворяла, того человека не впускала и ничего у него не покупала. Потом ушли на охоту, и девочка осталась одна.

А мачеха места себе не находила. Все думала: кто его знает, не жив ли еще ребенок где-нибудь. Вот подошла она к зеркалу и спрашивает:

— Скажи, зеркальце, кто из нас лучше: я или дочка?

А зеркало в ответ:

— Вы прекрасны, королева, но дочка ваша еще прекрасней.

Страшно рассердилась королева, что девочка еще жива, и велела сейчас же тех слуг казнить, которые ее приказа послушались. Потом переделась простой женщиной, взяла хороших яблок и пошла дочку искать, а яблоки ядом отравила. И пришла прямо к той самой хижине, где девочка жила. Постучала в дверь и крикнула:

— Не надо ли яблок хороших?

Девочка ответила, что ей ничего покупать не позволяют и она не ест яблок. Но мачеху свою так и не узнала. Тогда королева стала под окном и принялась громко звать девочку, чтобы та вышла и купила яблок, таких красивых и вкусных. Та не послушалась: ей, мол, яблок не надо. Королева предложила девочке даром попробовать, как хороши яблоки: таких она еще не ела! Девочка взяла одно яблоко и только откусила — тут же упала замертво. А мачеха побежала домой. Как пришла домой, так сейчас же к зеркалу и опять спрашивает:

— Скажи, зеркальце, кто лучше: я или моя дочка?

Но зеркало ей ничего не ответило. И она страшно обрадовалась: «Видно, нет уж этой гадины!»

А карлики, придя домой, видят: девочка лежит на полу. Стали они ее трясти, а сами плачут. Вдруг у нее изо рта кусок яблока выскочил, и девочка ожила. И приказали они ей строго-настрого никогда больше ни от кого ничего не брать и, кто бы ее ни звал, никому не откликаться.

На другой день собрались они опять на охоту, и она обещала им, что никому больше откликаться и ни от кого ничего брать не будет.

А королеву снова страх мучит: кто ее знает, может, все-таки жива девочка! Подошла опять к зеркальцу и спрашивает:

— Скажи, зеркальце, кто лучше: я или дочка?

А зеркало в ответ:

— Вы прекрасны, королева, но дочка ваша еще прекрасней!

Рассердилась королева, думает: что же еще сделать, коли падчерица все-таки жива? Взяла она красивый шнурочек, пошла к девочке, постучала в дверь и предлагает, чтобы та его купила. Но девочка ответила, что он ей не нужен. Тогда королева стала звать ее к окну и уговаривать, чтобы она купила шнурок: ты, мол, теперь хороша, а как им зашнуруешься, так еще красивей станешь! И до тех пор ее уговаривала, пока та не подошла к окошку и не открыла его. Тогда королева сказала падчерице, что даром ей шнурок отдает, да сама и зашнуровала ее. Девочка тут же упала замертво. А мачеха домой побежала. Пришла домой — и прямо к зеркалу. Спрашивает:

— Скажи, зеркальце, кто лучше: я или дочка?

Зеркало ничего не ответило. Обрадовалась королева: наконец-то эту гадину удалось погубить.

Пришли карлики домой и видят: девочка опять на полу лежит. Принялись они горько плакать и трясти ее. И до тех пор трясли, пока не заметили на ней шнурка. Только они тот шнурок с нее сняли, она и ожила. Обрадовались карлики, что девочка жива, и стали ей строго наказывать, чтобы она больше никому не отворяла и, кто бы ей что ни давал, ни от кого ничего не брала.

Утром они опять пошли на охоту. А мачеха снова забеспокоилась и подошла к зеркалу спросить, жива ли

ее падчерица. И зеркало ответило, что жива. Стала опять королева думать, как же ее погубить, коли она все жива.

Взяла она булавок и пошла к девочке. Пришла, громко в дверь постучала и спрашивает, не купит ли та булавки. Девочка и откликаться ей не стала. Но мачеха уговорила ее подойти к окошку и стала ей булавки расхваливать. Та все отказывается: ей, мол, не надо. Тогда мачеха просунула руку в окно и воткнула падчерице булавку в голову. Та сразу упала. Мачеха обрадовалась, домой побежала. А девочка так и осталась лежать мертвая.

Пришла мачеха домой и сейчас же к зеркалу:

— Скажи, зеркальце, кто лучше: я или дочка?

Зеркало ничего не ответило. Обрадовалась мачеха: теперь-то уж, наверно, удалось ей падчерицу свою погубить.

Пришли карлики домой, стали над бедняжкой горько плакать. Принялись они ее трясти, но не могли оживить, потому что булавка была маленькая и в волосах ее не видно было. Горько-горько плакали они над мертвой. Потом заказали ей стеклянный гроб да, в тот гроб положивши, отнесли ее на высокую гору, оставили там и ушли.

Как-то раз один король в тех местах охотился. Собаки его забежали на гору, увидели гроб и стали громко лаять. Послал король слугу посмотреть, что там такое, почему собаки такой лай подняли? Тот пошел и видит: девочка в гробу лежит. Вернулся слуга, доложил королю об этом. Король захотел сам посмотреть. Пришел и видит: правда, лежит девочка в стеклянном гробу. Стал король возле гроба и глаз с мертвой не спускает. Волосы у нее были золотые, и их как раз солнышко озарило: булавка и заблестела. Король скорей открыл гроб и вынул булавку у девочки из головы. Девочка сразу ожила. Видит, кругом незнакомые люди, — страшно испугалась. Но король не велел ей бояться: ничего, мол, тебе не сделаю. Потом взял ее к себе, в свой королевский дворец, сказал, что у себя ее оставит. Она к нему пошла, и он ее вырастил.

ЕГОРКА-ДУРАЧОК

У одной матери был единственный сын. Звали его Егорушкой. Очень она его любила, ласкала, голубила, никуда от себя не отпускала. Вырос Егорушка, а никого не видал и ничегошеньки не знает. Да пришлось-таки мамаше послать его в люди: сама пойти не могла, — ноги разболелись. Ну, растолковала она ему, как да что.

— Так и так, сыночек. У меня нога болит, ходить не могу. Ступай ты на ярмарку. купишь мне сито; любишь ведь галушки кушать? А мне не в чем муку для них просеивать. Прежнее-то сито, которое мне еще от моей старой бабушки осталось, совсем испортилось. Только, смотри, не покупай очень частого. Пусть будет редкое. А чтобы не забыть, все время повторяй: «Редкого сита, редкого сита!»

— Редкого сита, редкого сита! — послушно повторил Егорка и побежал полем на ярмарку.

А в поле пахари ниву пахали — жито сеять. И один уж засыпал зерно в сеялку, сеять собирался. Нагнулся он над

сеялкой, а мимо паренек идет, что-то бормочет. Прислушался пахарь и слышит:

— Редкого жита, редкого жита!

— Вот я дам тебе редкого жита! Как ты смеешь мне такие слова говорить?

Рассердился пахарь — был он из шляхтичей — схватил сошник и отколотил его как следует.

— Вперед знай! Надо говорить: «Побольше вам этого добра!»

— Побольше вам этого добра, побольше вам этого добра! — забормотал Егорка и побежал дальше. Видит, перед корчмой два мужика дерутся. Услыхали они, что он бормочет.

— А, ты над нами издеваться! — кричат. — Язык за зубами держать не умеешь?

Накинулись на него и надавали ему тумаков. Егорка замолчал: после второй взбучки он совсем забыл, зачем его мать послала. Заплакал и домой пошел.

— О чем ты, Егорушка? — спрашивает мать.

— Да меня поколотили.

— За что?

— За то-то и за то-то.

— Ах ты, дурачок. Что же ты не убежал?

— Да я и убежал. Видишь, домой пришел.

— Ну и хорошо, что ты вернулся. Я ведь тебе денег не дала. Надо было взять с собой вот это полотно. Возьми его и пойди продай, а потом купишь, что я тебе сказала. Я и соседке объяснила — что; она тебе напомнит. Ступай скорей. Но ежели кто с тобой не станет разговаривать, а будет стоять столбом, тот ничего не купит. Ты рассчитывай на такого, который тебе что-нибудь ответит.

Пошел Егорка, видит: столб стоит. Постоял он возле столба, тот — ни слова.

— Ну, ты, видно, не купишь.

Пошея дальше, подходит к другому столбу, со всех сторон подпертому.

— Купишь или не купишь? — спрашивает, кивнув ему.

Столб заскрипел.

— Ну ладно. Коли покупаешь, бери.

Обвязал столб полотном и — домой.

Мамаша кричит:

— Ну, что такое опять?

— Да ничего. Продал я полотно. А за деньгами завтра велели прийти.

— Ну и дурак же ты! Ведь тебя надули. На, возьми полтора крейцера, купи хоть сковородку. Мне не на чем даже жарить.

Бежал он, бежал со своими полтора крейцерами, прибежал в город, схватил сковородку, кинул деньги на землю — и назад. Смотрит, на дороге хорошенькая птичка прыгает. Принялся он ее ловить, да в лесу за ветку чем-то зацепился. Что за притча? Обернулся и только тут увидел, что сковородка-то на треножнике.

— Ах ты, гадкая сковородка! Будешь ты у меня тут еще цепляться! Да ты на трех ногах скорей домой добежишь, чем я на своих на двоих. Марш!

Поставил он ее на землю, а сам за птичкой. Но так и не поймал. Уморился, домой пошел. И еще со двора кричит:

— Матушка, а сковородка прибежала домой?

— Ах ты, Егорушка-дурачок! Да как же она может прибежать, когда у нее ноги не двигаются?

* * *

Так вот и билась мамаша со своим Егоркой-дурачком. Наконец решила: «Надо его женить. Может, жена его исправит...»

И послала его на смотрины в другую деревню.

— Ступай, — говорит, — в село Дураково к Катруше, чья мать к нам ходит. Они уж знают, что ты придешь. Только там сиди как следует, не сделай опять какой глупости.

Пришел он в село, возле каждого дома останавливается, смотрит, не тот ли: сам не знает, в какой ему нужно. На его счастье, там уж все договорено было; мать Катруши сидела на завалинке, и только его увидела, позвала в дом. Вытерла ему место на скамье, усадила за стол. Спекла она дорогому гостю в золе яичко вкрутую, положила на тарелку и принялась потчевать. Раз десять кланялась, но Егорка так и не притронулся к угощению: сидит и жметя, как красная девица. Что с ним будешь делать? Положила она яичко ему в карман и отправила парня домой.

— Ну как? — спрашивает мать.

— Да что ж? Приняли меня ласково: вытерли место, где мне сесть, яичко в золе испекли. Смотри, вот оно.

— Что ж ты его не съел?

— Да ведь вы сами мне наказали: сиди как следует и больше ничего не делай.

— Ах ты, Егорушка-дурачок! Да ты должен был хорошенько облупить яичко, на четыре части его разрезать, каждый кусок на острие ножа наколоть, положить себе в рот и съесть. Вот это и было бы как следует.

— Ладно, ладно, — ответил Егорка. — В другой раз так и сделаю.

Пришел он в другой раз на смотрины, а ему там насыпали гороху. Угощают его: на, мол, погрызи. Он по одной горошинке из миски возьмет, каждую положит перед собой, с каждой шкурку как следует обдерет, каждую ножом на четыре кусочка разделит. Но как только стал на острие ножа накалывать, каждый кусок в мелкие крошки по скатерти разлетается.

«Экая напасть! Ах ты, чтоб тебя!» — думает Егорка, не зная, как ему быть. А пригожая Катруша села в сторонке на лежанку и губы себе кусает, чтобы не засмеяться громко.

Вернулся Егорка домой надутый, сердитый.

— Ну, как дела?

— Там насмех меня подняли.

— Почему же?

— Да я так делал, как вы мне говорили: с каждой горошины кожуру снимал, каждую на четыре части разрезал, каждый кусочек на нож накалывал...

И замолчал, залившись слезами. Сказал только, что больше туда не пойдет.

— Ах ты, дурашка! Да почему ж тебе туда не пойти? Ведь это дело легко поправить. Надо было горошины в руку брать да в рот себе класть, — знаешь, как мы дома горох грызем...

— И то правда! Ведь это нетрудно, — согласился Егорка и решил опять пойти.

Пошел он опять в то село, а возле дороги загон для овец строят и железным ломом ямы в земле роют, чтобы колья поставить. Глядит Егорка, рот разинув.

— Эх, — говорит, — ну до чего это легкая работа! Вот только лома железного у меня нет, а то и я бы мог себе загон для овец поставить.

Дали ему железный лом. А он, нескладный, схватил его в руку, открыл рот, да прямо себе в рот и сунул. Выбил три зуба и домой побежал.

— Никак опять беда? — спрашивает мать.

— Да я сделал, как вы приказали, но — так и так — железный лом мне три зуба выбил.

— Ах ты, Егорушка-дурачок! Надо было положить лом на плечо и нести его домой. А если б оказалось, что тяжело, и попался бы кто-нибудь на телеге, ты бы его хорошенько попросил, и он посадил бы тебя к себе. Но теперь не глазей на овечьи загоны, а ступай к Катруше и попроси у нее чего-нибудь на память.

Обрадовался Егорка, что Катруша ему что-то на память даст, и пошел опять. Катруша сидела за столом на лавке и шила. Егорка осторожно присел поодаль на лавку, потом придвинулся поближе и, наконец, собравшись с духом, попросил у нее чего-нибудь. У Катруши под рукой ничего не было, и она подарила ему иглу, которой шила. Он положил иглу на плечо и, обрадованный, поспешил домой. Ему было легко, но он умной башкой своей решил, что, коли матушка сказала: «будет тяжело», значит, он изнемогает под тяжестью. Нагнал по дороге воз с сеном и говорит погонщикам:

— Люди добрые, погодите. Дайте, я положу вот этот железный кол на телегу.

А они, не оборачиваясь, отвечают:

— Чего останавливаться из-за таких пустяков? Сунь его в сено — и дело с концом.

Егорка-дурачок сунул иголку в сено. И досталось же ему от погонщиков, когда, приехав в деревню, они стали искать кол и никак не могли найти, а потом узнали, что это иголка.

— Ах ты, такой-сякой! — закричали. — Теперь у нас из-за тебя либо лошадь, либо вол сдохнет, когда вместе с сеном иголку сожрет.

Схватили они жердь и давай его по спине охаживать, чуть не ухлопали. Да дело-то уж было в деревне, так он от них вырвался и домой убежал.

А дома мать его заругала. Все ворчит да ворчит:

— Видно, ты у меня и вправду дурак. Ведь тебе надо было воткнуть ее в шляпу и принести домой.

— Ах, мама, не сердитесь. В другой раз так и сделаю, — отвечал Егорка. Синяки напомнили ему о том, что в другой раз уж нужно знать, как сделать.

Через неделю послала мать его снова к невесте: хоть узнай, мол, у родителей, что за ней дают, чтобы было с чего хозяйство начать, с чем она в дом-то войдет. Спросил он, а они ему в ответ:

— Коли ты настоящий жених, бери яловую телку из стойла!

Пошел Егорка-дурачок в стойло, отвязал телку, схватил ее одной рукой за рог, а другой снял шляпу и давай телку в шляпу пихать. Телка рассердилась и, как оглашенная, — на двор, со двора на улицу, да в поле. Егорка — за ней. Кричит:

— Буренушка, буренушка, стой!

Куда там! Так и вернулся домой ни с чем.

— Ну, говори, что дают? — спрашивает мать.

— Дали телку яловую.

— Где ж она?

— Да где бы ни была, только так и так дело было, она и убежала...

— Ах ты, Егорка-дурачок! Надо было ее, как следует, на веревку взять да и вести за собой. А дома хорошенько к яслям привязать и свежим сеном накормить, чтобы она привыкла.

— Да ведь вы мне ничего этого не объяснили.

— А вот теперь говорю, чтобы ты вперед знал, как надо делать. Ну, не беда. Телка вернется, и ты ее получишь. И невесту за тебя выдадут, коли телку нам в хозяйство отдают. Ступай, проси Катринку сам, а я не могу еще из дому выйти: нога болит.

Пошел наш Егорка за невестой; уж на этот раз не забыл веревку захватить. А родители над ним подшутить вздумали:

— Как она хочет, — говорят.

Девушка, тоже в шутку, подхватила нашего Егорку под руку и пошла. Но Егорка-дурачок хорошо помнил, что ему мать в последний раз наказывала. Только они из дому вышли, — не успела невеста оглянуться, он взял да и накинул ей веревку на шею. Той уж не до шуток, но Егорка не отпускает. На ее счастье, дело было вечером, и никто их не видел, так что ей не было стыдно, когда он ее повел. Что поделаешь? Она покорно пошла.

Радостный Егорка привел ее в стойло, привязал к яслям и положил в них сена. А сам побежал к матери — похвастать:

— Мама, мама, отдали мне невесту!

— Где ж она?

— Да где же ей быть? Я ведь сделал так, как вы мне приказали: привел ее на веревке, привязал к яслям и дал ей свежего сена.

— Ах ты, дурак-дурачина! Что же ты наделал? Кто это водит жену на веревке? Тебе надо было обнять ее, сказать ей: «Моя дорогая, желанная!» — потом взять за руку и привести в дом. У нас еще нет для вас постели, так я вам на печи постелила. Вы бы там и легли.

Мать просто лопнуть была готова с досады. Села на лавку перед огнем и стала думать, что ей теперь с ним делать.

А расторопный Егорка, не теряя времени, вышел из горницы да прямо в стойло, где невесту привязал. Ему и невдомек было, что она за это время успела отвязаться, вместо себя козу привязать и теперь, верно, уже дома да сама смеется над тем, что Егорка-дурачок с ней сделал. Увидел он козу, отвязал ее, обнял, поцеловал.

— Ты, — говорит, — моя дорогая, желанная!

Обхватил ее за шею да за передние ноги, втащил, как она ни упиралась, в горницу и улегся с ней на печь. Только тут он заметил, что невеста его лохматая.

— Мама, мама! — закричал он с печи. — А что, невесты всегда лохматые бывают?

Мать сидела сердитая и, задумавшись, не сразу поняла, что он ей говорит.

— Ну да, ну да! — ответила она. — Молчи и спи.

Прошла минутка. Егорка опять:

— Мама, мама! А что, у вас тоже рога выросли, когда вас замуж выдали?

— Тоже, тоже! — ответила мать, как и в первый раз.

Но тут коза ударила Егорку рогом, да как заблеет и — прыг вниз с печи на лавку, где мать сидела.

— Эту откуда нелегкая принесла? — воскликнула та.

— Да это невеста, которую вы мне велели ласково в дом привести и спать с ней лечь.

Мать зажгла свет и видит: перед ней коза рогатая.

— Ну, Егорка-дурачок, дай бог, чтоб жена тебе не попалась такая же проворная и смышленная, как ты сам, — сказала мать. — Но теперь нам позор! Надо тебя во что бы то ни стало женить. Лучше бы всего на ровне. Знаешь что? Ступай-ка утром к Вертякам и, чтобы они не подумали, что ты к ним прямо с неба свалился, вскинь разок глаза на Сузю. Больше тебе ничего не надо ни говорить, ни делать. Я потом сама все вечером улажу.

Егорка-дурачок хорошо все запомнил, что мать ему приказала. Пораньше встал, пошел в хлев, повыврал овцам глаза и зашагал к Вертякам. Пришел, отворил дверь и кинул овечьи глаза на Сузю. Собака сожрала глаза и, видя, что больше у него нет, зарычала на него. Егорка пустился бежать, собака за ним. Прибежал домой, еле дух переводит.

— Кинул я глаза на Сузю. И много их было. Не верите — подите в хлев; там ни одной овцы с глазами нет.

— Ну, мне уж, видно, от тебя толку не добиться, — сказала мать. — Пускай теперь жена с тобой мучается.

Едва дождалась она вечера. Пошла, все уладила. Обвенчали молодых и пир устроили. После пира спать их уложили. Ночью проснулся Егорка.

— Послушай, жена! Мне есть хочется.

— Ах ты, ненасытный! Что ж, ты не мог за столом наесться как следует? Ступай: там, на печке, печенка в тарелке. Съешь ее!

Выскочил Егорка-дурачок из постели, подбежал к печке, схватил, сунул в рот и съел. Потом опять в постель лег.

— Послушай, жена! — говорит. — Что это была за печенка? Ее жуешь, а она — мяу-мяу!

— Ах ты, дурачок! Ведь это ты котенка съел, которого я себе достала.

А Егорка через минуту опять:

— Послушай, жена! Мне пить хочется!

— Ступай в кладовую. Там пиво в бочке. Нацеди себе и напейся.

Побежал Егорка в кладовую, взял решето и принялся цедить. Цедит-цедит, а все пить нечего. Вернулся к жене:

— Послушай, жена! У твоей мамки бочка-то, видно, фальшивая: цедишь-цедишь, а все пить нечего!

— Ах ты, дурак-дурачина! Да что же ты опять наделал? Ведь ты все пиво разлил. Ступай: там, в углу, песок. Засыпь как следует.

Что же сделал Егорка? Взял муку да и рассыпал ее по полу кладовой. Потом лег и говорит:

— Послушай, жена, какой у твоей мамки песок белый да мягкий.

— Ну, ты и впрямь, Егорка, — дурак: ведь ты муку рассыпал!

— Послушай, жена, а мне все-таки пить хочется.

— Там, на полке, стоит крынка с молоком. Пойди напейся.

Выпил он все молоко, хотел со дна остатки собрать — и что же сделал? Всунул в крынку обе руки, а назад-то никак и не вытащит.

— Послушай, жена, я никак руки из крынки не вытащу.

— Ну, стукни об лавку и ложись скорей.

Он как стукнет, да и выбил глаз тестю, который на лавке лежал. А кто говорит, — своего отца-старика на смерть пристукнул. Сам я точно сказать не могу, потому что в это время стоял возле корзины с водой, которая опрокинулась. От этого произошло такое наводнение, какого не видано со времен Ноя. Оно-то и принесло меня сюда из тех дальних краев, где Егорка-дурачок тогда жил, а может, и теперь живет, попрежнему путаясь между людьми.

РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

Много лет тому назад жил-был один мужичок. Однажды всю свою землицу он еще засветло вспахал и засеял и на ночь пошел в лес двух волов своих пасти. Пасет он их, пасет и раздумывает о своей беде: «Что-то я теперь буду делать, бедняга? Все до последнего зерна посеял, без остатка. Чем зимой буду кормиться с женой и детьми? Вот этих волов разве зарезать? На чем же тогда весной пахать буду?»

Пока он так раздумывал, над ним закаркал старый ворон: крр! крр!

— Это что еще за гость ко мне? — удивился мужик, взглянув вверх.

— И впрямь гость, — ответил ворон. — Дай, что у тебя есть. А то я тебя съем!

— Съешь, не съешь, мне все равно... Только что же я могу тебе дать, коли самому жрать нечего?

— Да у тебя пара волов. Дай мне одного, я им и поужинаю.

— Сыт не будешь: они ведь худые, — кожа да кости.

— Нет, ты говори: дашь или не дашь?

— Дам! Да только ты с него клочка шерсти не получишь.

Тут ворон спустился прямо на вола, и через мгновение от того не осталось и шкуры. И куда только все девалось? Опечалился мужик, что за здорово живешь лишился вола, и говорит ворону:

— Ну, коли сожрал одного вола, жри и другого!

Ворон спустился на второго вола, и через мгновение от того тоже не осталось и копыта.

— Что же ты наделал? Как я теперь жене на глаза покажусь? Лучше мне на себя руки наложить! — сказал мужик.

Но сытый ворон, весело закаркав, промолвил:

— Вот это напрасно! Теперь, когда ты меня накормил, ничего не бойся. Я тебе за волов заплачу, но только если ты придешь ко мне в гости.

— Нет, я пойду прямо ночи в пасть, где, как в могиле, черно. Пусть она меня скорее проглотит.

— Успокойся, приятель! — прервал ворон крестьянина. — Послушайся моего совета. Ступай домой и скажи жене, что продал волов богатому ворону, который утром тебе заплатит. Пусть она соберет тебе в дорогу столько снеди, чтобы ты мог до меня добраться. Потому что ты пройдешь три дня и три ночи до того места, куда я прилечу еще сегодня вечером. А чтобы ты знал, куда идти, я, как полечу, буду верхушки сосен ломать. Они тебе с пути сбиться не дадут, — ты их завтра, как только рассветет, увидишь. Придешь ко мне в замок, я тебя там золотом и серебром осыплю. Только не мешкай и делай, как я тебе говорю!

Тут ворон захлопал крыльями и в одно мгновение скрылся из глаз; только слышно было, как он верхушки сосен ломает. Бедняк, лишившись всего, не знал, что ему делать: жена разозлится, глаза ему выцарапает, а натошак до ворона все равно не дойдешь. Наконец собрался он с духом и решился на самое страшное: явиться к жене. Но та, услышав о золоте и серебре, стала кроткой, как голубка, и заворковала над своим золотым муженьком:

— Ни о чем не беспокойся. Все сейчас приготовлю. На господском дворе еще осталась телега, на которой ты

дрова возил. Мне дадут под нее хоть меру муки. Я тебе лепешек напеку — и пойдешь.

Еще не рассвело, а она уж выпроводила его с лепешками из дому, чтоб он как можно скорей вернулся, золотом и серебром осыпанный.

Мужичок-беднячок шел-шел, пока тянулись знаки на соснах да лепешки в сумке. Но на третий день к вечеру сумка уж совсем опустела, а сосны если и были обломаны, так ему в темноте не видно было. Стал он бродить вокруг, едва волоча ноги. Вдруг сразу, будто по щучьему веленью, стало светло. Он очутился на большом зеленом лугу, а невдалеке сверкали три золотых замка. Кругом — ни души. Только посреди луга стоит чабан с пастушьим посохом, длинный, как сосна.

— Не робей, приятель. Чего тебе тут надо? — промолвил чабан.

— Ах, милый мой чабан, ну как я могу сказать, что мне надо, коли не знаю, где я? Но, может, вы скажете мне, кто живет в этих блестящих дворцах?

— Там живут мои вороны.

— Да ведь их-то я и ищу! — обрадовался крестьянин, услышав о воронах, и все рассказал чабану.

Чабан покачал головой и промолвил:

— А ты узнал бы своего должника среди других воронов?

— Как не узнать! Он был хромой и старый, больше седой, чем черный! Только клюв у него был больно крепкий: он у меня тем клювом целого вола расклевал, да в лесу треск стоял, когда он верхушки сосен обламывал.

— Что ж, посмотрим, узнаешь или нет, — сказал чабан и, засунув пальцы в рот, свистнул так, что лес кругом застонал.

Прилетела первая стая воронов и села на первый замок. Но крестьянин не нашел среди них своего должника. Чабан засвистел во второй раз, опять по лесу стон пошел. Прилетела вторая стая воронов, села на другой замок. Но и в ней крестьянин не нашел своего должника. В третий раз засвистел чабан, по лесу гул прокатился; вороны слетелись со всех сторон света и сели на третий замок. Но и на этот раз крестьянин не нашел должника.

— Все ли вы здесь? — спросил тогда чабан воронов.

— Все, — ответили вороны. — Только хромоногий старик еще где-то шатается.

— Значит, это он, — сказал чабан. — Ну и пусть ша-тается. А ты, мужичок, пока послушай, о чем тебе про-сить его надо. Мой хромой слуга поведет тебя вон в тот третий замок. Там он захочет осыпать тебя золотом и серебром. Но ты не бери: все это обратится в песок. А по-проси ты себе старую ручную мельницу, которая там на столе стоит. Ты увидишь, что это за мельница, когда при-кажешь ей:

Мельница, крутись,
Столик, появись,
Скатерть, расстелись, —
Дайте выпить-закусить!

В это время из-за леса вылетел старый хромой ворон.

— Где ты был, мой слуга? — спросил его чабан.

— Я следил за тем человеком в лесу, хозяин, чтобы он не заблудился ночью, — ответил хромой.

— Значит, это ты его волов съел? Тогда дай ему сей-час же, что он у тебя попросит.

Только чабан дал этот приказ и взмахнул посохом, тотчас все вороны разлетелись каждый в свою сторону, а старый хромой ворон повел крестьянина в третий замок. Тут хотел он его в благодарность за волов золотом и серебром осыпать; но крестьянин не пожелал ничего брать, кроме старой ручной мельницы, которая посреди стола стояла.

— Да на что она тебе? Ты ведь и обращаться с ней не умеешь, — возражал старый ворон.

— Ну уж умею ли, нет ли, а только ничего другого мне не надо! — уперся крестьянин.

Пришлось в конце концов ворону отдать мужику мель-ницу. Мужик спрятал ее в пустую сумку и сейчас же ушел, потому что уже совсем рассвело. Но, известное дело, с пустым желудком в дороге невесело. Решил кре-стьянин подкрепиться.

— Как-никак, — говорит, — а хлеб — славный попут-чик. Закусим тем, что мельница пошлет.

Вынул он ее из сумки и приказал:

Мельница, крутись,
Столик, появись,
Скатерть, расстелись, —
Дайте выпить-закусить!

И, словно прямо из той мельницы выросши, вытянулся стол, а на нем расстелилась скатерть и появились кушанья и напитки: пироги, жаркое, фрукты, вино — чего-чего там только не было! И с какой жадностью накинулся он на еду! Хоть на столе всего было много, а скоро ничего не осталось: он все уплел дочиста. Видел это голодный овчар, который неподалеку овец пас. Поклонился он крестьянину и говорит:

— Угостил бы меня, коли уж я здесь.

— Что ж, — ответил крестьянин, — бери и ешь. Видишь, тут всего вдоволь.

Наелись они, напились, и все опять попряталось в мельницу. Овчар и говорит:

— Что это у тебя за мельница?

А крестьянин в ответ:

— Это такая мельница, что я за нее ничего на свете не взял бы.

— А моя дубинка все-таки лучше, — возразил овчар. — Ты только посмотри.

Обернулся крестьянин и увидел в руке у овчара дубину такую, что раз человека ударишь — из него и дух вон. Испугался крестьянин, но не показал виду, а только спросил, что это за дубинка такая.

— Это такая дубинка, — ответил овчар, — что ей нужно только приказать, — она сама всех, кого скажешь, поколотит и, что хочешь, тебе принесет. Мне жалко расстаться с ней, да за мельницу я отдам ее тебе. Что ж, согласен меняться?

«Неплохо бы иметь такую дубинку», — подумал крестьянин, обменялся с овчаром, и они разошлись.

Но через несколько мгновений крестьянину стало досадно: ведь как-никак, а дубинка его не накормит. Рассердился он и приказал дубинке убить овчара и принести мельницу. Дубинка запрыгала то одним, то другим концом по земле. Через мгновенье она уже настигла овчара, двинула его по голове, так что тот упал мертвый, и осторожно принесла мельницу крестьянину. Теперь у крестьянина были и дубинка и мельница, так что он мог спокойно идти дальше. Шел он, шел, а навстречу солдат; возвращался солдат домой издалека, с войны. Был он голоден.

— Эй, дружище! — сказал солдат. — Не найдется ли

у тебя хоть корки хлеба в сумке? Я бы постарался отслужить тебе.

А крестьянин ему гордо в ответ:

— Хлеба нет ни корки, но найдется кое-что получше. Садись — накормлю, напою досыта.

Вынул он мельницу и проговорил что надо. Тотчас появилось угощение. Поевши, солдат промолвил:

— Славная у тебя мельница, но моя сабля дороже будет.

— Какая же это сабля? — спросил крестьянин.

— Да вот эта старушка зазубренная, что у меня на боку висит. Только прикажи — сейчас все в куски изрубит. Но с меня уж этих войн и боев довольно. Отдай мне за нее мельницу.

Крестьянин согласился. Но не успели они с солдатом разойтись на три выстрела, как крестьянину досадно стало. «Ну какая мне радость, — подумал он, — если я весь мир порублю, а есть мне нечего будет? И как же я тогда дома от жены уберегусь? Дубинка! Сабелька! Марш за солдатом: убейте его, а мельницу мне притащите!» Дубинка запрыгала то одним, то другим концом по земле, а сабля зазвенела в воздухе. В одно мгновение очутились они возле солдата, убили его и принесли мельницу крестьянину.

Пошел он дальше. И повстречался ему пушкарь, просит дать ему кусок хлеба: с голоду, мол, помираю, прямо конец приходит. Опять устроил крестьянин угощение. Поблагодарил его пушкарь и говорит:

— А у меня есть кое-что получше твоей мельницы.

— Что ж такое? — спрашивает крестьянин.

— Да треуголка у меня на голове. Коли я поверну ее одним углом вперед и скажу: «Дррр!» — тотчас искры посыпятся и ядра так и полетят, словно при пальбе из восьмидесяти орудий. Поверну другим углом вперед — опять посыпятся ядра. Поверну третьим — снова загремят выстрелы. Сколько раз буду поворачивать, столько и будет залпов. И ничто перед моей бомбардировкой не устоит. Но, — говорит, — на эту мельницу я бы ее сменял. Только в благодарность за то, что ты меня так хорошо угостил.

И они обменялись.

Но скоро крестьянин и об этой мене жалеть стал. «В кого же мне стрелять? — подумал он. — Ведь жену

с детьми бомбардировать не станешь...» И послал вдогонку за пушкарем дубинку и саблю. Они убили пушкаря и принесли мельницу крестьянину.

Пошел он дальше и встретил какую-то женщину. Она была похожа на тех, которые следуют за войсками, и в самом деле возвращалась из лагеря, близ которого перед тем происходила жаркая битва. Попросила она крестьянина подать ей христа-ради кусок хлеба. Тотчас мельница завертелась, и скоро красotka уже облизывала себе пальчики. А так как под чепцом у нее не совсем пусто было, то стала она хвастать, что так и так, мол, идет она из лагеря, где много солдат побито, но что погибли только те, на кого она своим белым платком махнула, а кому глаза вытерла, те все тотчас ожили.

— Как бы, — говорит, — пригодился тебе такой платок, как у меня, а мне такая мельница, как у тебя. Может, поменяемся?

Потолковали они, потолковали, да и поменялись этими вещами. Но крестьянина опять стала мысль мучить: какой же толк в платке, коли нечего есть?

«Да и что такое какая-то женщина! — подумал он. — Прикончу ее, как тех прикончил...»

Тотчас дубинка и сабля опять получили работу и принесли ему мельницу.

Вот он уже вышел из лесу и увидел вдали свою деревню.

«Слава богу, не заблудился, и все вещи со мной», — весело подумал он и прибавил шаг.

Но тут словно что-то кольнуло его прямо в сердце, и стал мужик размышлять: «Все-таки нехорошо получилось! Сколько я зря народу перебил! А ведь все люди нужные. Разве один на свете проживешь?» Стал было он против этого голоса бороться, но тот ему все покоя не давал. «Ну, ничего, — наконец решил он. — Все вещи себя оправдали. Должен оправдать себя и платок». И приказал:

— Милый платочек, ступай, вытри глаза убитым в лесу!

В то же мгновенье платок вылетел у него из рук и, скоро вернувшись, принес кровь и слезы в доказательство того, что всем, кого убили дубинка и сабля, он вытер глаза и всех воскресил.

Теперь у крестьянина опять стало легко на душе. А дома, он надеялся, жена ласково с ним обойдется после того, как он ей мельницу покажет. Но она задала ему хорошую трепку! Прялку обломала об него, старого дурака, за то, что он выбрал старую ручную мельницу, вместо того чтоб их обсыпали золотом и серебром. Но известное дело: после бури веселей солнышко светит. Так и тут. Когда буря утихла и муж смог произнести:

Мельница, крутись,
Столик, появись,
Скатерть, расстелись, —
Дайте выпить-закусить, —

все стало опять хорошо; все наелись-напились досыта. Жена мужа ласково по голове погладила, потому что все-таки славное дело сытым быть; дети прыгали по горнице, потому что им еще ни разу не приходилось так наедаться.

— Только знаешь что, муженек? — начала заботливая жена через минуту. — Ведь с тем паном, которому мы телегу в залог отдали, настоящее мученье! Он мне каждый день посылает сказать: на что, мол, мне старая телега, лучше бы вы муку мне вернули. Наша мельничка меру муки легко намелет, правда? Но надо этого надоедливового пана чем-нибудь умаслить. С нас, верно, не убудет, коли мы к муке с нашей мельнички еще жареного индюка да зайца прибавим. Я бы ему все это сейчас и отнесла.

— Это ты правильно говоришь, — ответил муж. — Так мы его скорей всего умаслим. Отнеси.

Жена отнесла все это в замок и с низкими поклонами и благодарностью положила пану на стол.

Она ждала за подарок если не ответного подарка, то хоть доброе слово услышать. Но пан накинудся на нее:

— Ах ты, такая-сякая! Где вы это взяли? Индюшку на дворе стащили, а зайца в моем лесу поймали? Я вам покажу, как чужое добро воровать.

И, не дожидаясь ответа, тут же приказал посадить ее в холодную, а за мужем послал гайдука, чтобы тот сейчас же доставил его в замок. Пришел грозный гайдук к крестьянину. Сперва мужичок наш спокойно сказал гайдуку:

— В своем ли ты уме, приятель? Как? Сажать меня с женой в холодную за то, что мы поблагодарили пана?

Но гайдук становился все грубей и напоследок хотел даже схватить крестьянина за шиворот. Тогда тот рассердился и крикнул:

— Дубинка! Сабелька! Помогите!

Дубинка заплясала по спине гайдука, а сабля засверкала прямо ему в глаза. Получив хорошую трепку, гайдук ушел. Вернувшись в замок, он долго чесал себе спину и еле мог рассказать пану о том, что с ним у мужика приключилось.

— Ты просто баба, коли дал себя поколотить! — заявил пан гайдуку и тотчас послал за крестьянином двух других, посильней. Но этим досталось еще крепче, и они принесли известие, что следом за ними идет крестьянин, грозитя всех перебить, коли жену домой не отпустят. И в самом деле, крестьянин был уже во дворе замка с дубинкой и саблей. Он страшно шумел, грозил, что всех порубит и посечет, коли его жену не выпустят. Разгневанный пан закричал на гайдуков и слуг:

— Эй вы, бездельники! Даром я вас кормлю, что ли? Как вы смели этого негодяя сюда впустить? Сейчас же связать его и бросить в холодную!

Все кинулись на крестьянина. Но на этот раз он уже не шутил:

— Дубинка, сабля, бейте их всех, только пана не троньте!

И тотчас все слуги были убиты. Только пан трясся, как осина, стараясь спрятаться от дубинки и меча.

— Ну, теперь видишь, что не я у тебя в руках, а ты у меня? — сказал ему крестьянин.

— Ах, вижу, вижу, — застонал тот. — Что я теперь делать буду без слуг? Если никто не станет на меня работать, я с голоду помру.

— Помрешь ты или нет, там видно будет. А чтобы убедиться, что я у тебя ничего не брал и еще тебя же с твоими слугами прокормлю, приходи ко мне через час всем домом обедать. Не бойся: убитые встанут. Здесь я угостил их так, а у себя угощу иначе. Но только если моя жена дома будет.

Так сказал крестьянин, и пан выпустил его жену из холодной.

Вернувшись с женой к себе, крестьянин приказал платку:

— Милый платочек, ступай, вытри глаза убитым, что во дворе замка лежат.

Платочек полетел и вернулся назад с кровью и слезами в знак того, что воскресил всех.

Гордый пан, радуясь, что слуги его опять на ногах, приказал наполнить данную крестьянином в заклад телегу всякой снедью и запрячь в нее четырех волов. Он послал все это крестьянину, чтобы у того было из чего обед приготовить. Но крестьянин отослал все обратно и велел сказать, что ничего не надо: приходите, мол, все и садитесь за стол! Пан не поверил, но из страха перед дубинкой и саблей, — как бы хуже не было, — без промедления явился вместе с слугами к нашему мужичку.

У всех прямо глаза на лоб полезли, когда перед ними сперва ничего не было, а потом крестьянин поставил ручную мельницу и приказал ей молоть, и тотчас появился стол, на столе расстелилась скатерть, и каждый мог выбирать любое блюдо и пить по своему вкусу. Был тут пир на весь мир!

Поблагодарил пан крестьянина за угощение и домой воротился. Но дома он только о том и думал, как бы с крестьянином расправиться. Пан хорошо понимал, что ничего не может с ним поделаться, пока у того дубинка и сабля. И решил первым долгом эти вещи у него выманить. Да как хитро придумал! Собрал все свое войско и отправился к крестьянину.

— Так и так, — говорит, — приходится мне воевать, потому что три соседних короля против меня выступили. Сам понимаешь, каково драться с тремя сразу. Не одолжишь ли мне дубинку и саблю?

Крестьянин засмеялся и дал.

Пан не знал, как надо командовать дубинке и сабле, но теперь они были в его руках. Он выстроил все свое войско перед домом крестьянина и потребовал, чтобы тот отдал ему и мельницу, а не то он его со всем его домом в порошок сотрет.

— Милый пан, вы не шутите? — спросил крестьянин.

— Не шучу, — ответил пан.

— Ну, коли не шутите, пускай будет не до шуток, — только не мне, а вам.

Повернул крестьянин треуголку на голове и произнес: «Дррр!»

Посыпались искры, полетели ядра, — плохо пришлось войску пана. Повернул крестьянин треуголку в другой раз и не успел промолвить: «Дррр!» — как весь двор пана был сметен с лица земли. Повернул в третий раз и только сказал: «Дррр!» — весь замок пана был разрушен до основания.

Тут понял пан, в какую он историю попал, сам устроив себе западню. Стал он на коленях умолять крестьянина о прощении, обещал, что будет верно служить ему.

— Такому подлому трусу, как ты, так и надо! — ответил крестьянин и не простил его.

Но чтобы не остаться без людей, которые будут служить теперь уже не панам, а крестьянам, и чтобы мельнице было на кого молоть, крестьянин еще раз приказал своему платочку воскресить убитых, и платочек исполнил это. Когда все они опять были на ногах, крестьянин еще раз приказал дубинке и сабле для науки отлупить всех как следует, не исключая пана.

И промолвил:

— Так будет всякий раз, когда вы против нас пойдете! А чтобы вы знали, что будет, если вы нам верно служить станете, садитесь: попируем!

И скомандовал еще раз:

Мельница, вертись,
Столик, появись,
Скатерть, расстелись, —
Дайте выпить-закусить!

И был опять пир на весь мир.

ВЕСЕЛАЯ СКРИПКА

Жил на свете один бедный человек, и был у него сын. Вот раз говорит сын отцу:

— Ничего хорошего мы, видно, не дождемся, папа! Так дальше жить нельзя! Надо мне какой-нибудь службы искать.

Отец согласился, дал ему свое благословение и отпустил его в дальнюю дорогу.

Пошел парень по горам, по долам и пришел в одну долину. Видит, черти дорогу петлей заплетают.

— Что ж это вы делаете? — спрашивает.

А они ему:

— Хотим, мол, дорогу так заплести, чтобы никто по ней ходить не мог.

— Ну, постойте, узнаете у меня, как дорогу заплетать, прострел вам в печенку! — рассердился парень, взял кол и давай их охаживать.

Стали они его просить, чтобы он им передохнуть дал. А он:

— До тех пор, — говорит, — не перестану, пока вы мне не дадите такой скрипки, чтобы, как я на ней заиграю, каждый поневоле в пляс пустился.

Дали ему черти скрипку, и он пошел дальше.

Приходит к одному богатому попу и спрашивает, не возьмет ли тот его к себе на службу. Поп взял его и на другой день послал коров пасти. Парень, как пришел на место, так на скрипке и заиграл. Пустились коровы в пляс. А он весь день играл, так что все они охромели. Пришел домой, поп его спрашивает:

— Что ты сделал с коровами?

Парень ему ничего не ответил. На другой день пошел овец пасти и опять до вечера на скрипке играл, а овцы плясали. И на третий день он скотину пас, но дал ей отдохнуть.

Захотелось попу посмотреть, что он там делает. Разделся поп донага, чтобы его узнать нельзя было, и пошел поглядеть потихоньку. А парень, как увидел, что поп к нему крадется, подождал, когда тот в колючий кустарник забрался, и давай на скрипочке играть. Поп никак из кустарника не выберется, — так в том кустарнике в пляс и пустился. Плясал, плясал, пока весь не расцарапался. Стал он просить слугу, чтобы тот играть перестал, — половину хозяйства своего обещает ему отдать. А тот и слышать не хочет — играет себе да играет. Перестал, только когда увидел, что хозяин здорово ободрался.

На другой день поп на него жалобу подал, и судьи парня к смерти приговорили. Когда на него уж петлю накинули, попросил он, чтобы ему еще разок позволили на скрипочке поиграть. Все согласились, только поп спорить было стал. Но на него внимания не обратили и велели парню играть. Тогда поп попросил:

— Ну, уж коли вы ему играть позволяете, так привяжите меня к этому столбу.

Ладно, привязали они его. И начал паренек на скрипочке играть, а господа принялись танцевать, каждый со своей дамой. А поп, навалившись на столб, подпеваает:

— Говорил я вам, не давайте ему скрипки! Говорил я вам, не давайте ему скрипки!

Когда все вдоволь натанцевались, парень перестал играть. Так это господам понравилось, что они его помиловали, а вместо него повесили попа. И парень, наверно, до сих пор на скрипке играет, коли не помер.

О ЗАКОЛДОВАННОМ ДВОРЯНИНЕ

Близко ли, далеко ли, только было все точь-в-точь, как я говорю. И было это давным-давно, еще когда колдуньи и волшебницы имели такую власть, что могли кого угодно заколдовать и тотчас с ним все по их желанию сбывалось. Для этого они пускали в ход волшебные палочки, жезлы, заговоренную воду и всякое такое.

Жил тогда в одном городе человек, по прозвищу Янко-дворянин. Досталось ему от родителей большое богатство. Был он уже в летах, а жениться не имел охоты. Но в конце концов надоело ему одному быть, и он решил жениться. Стал думать, какую бы девушку взять. Да те, которых он знал, все как-то ему не нравились. Для него дело было не в богатстве, — денег у него у самого было достаточно, — а хотел он выбрать себе красивую, умную и ласковую жену. Услыхав, что недалеко от того города живет красивая и умная девушка, он нарочно поехал посмотреть на нее. И очень полюбилась ему та девица, потому что она в самом деле была красива и умна.

Богатства у ней не было, да он этим и не интересовался. И вот предложил он ей за него замуж выйти. Она не заставила себя долго просить и согласилась. Он рад был, что нашел то, чего искал, и в скором времени они славную свадьбу сыграли.

Но когда он после свадьбы молодую жену домой к себе привел, она перестала обращаться с ним ласково и приветливо, как в то время, когда он к ней сватался. И стало ему так обидно, что он рад был бы совсем от нее отказаться, да поздно: уж обвенчались! Сердитый пошел он на другой день в поле, к работникам, только чтобы время убить, и не возвращался до ужина. Вернувшись, увидал, что стол уже накрыт. Жена стала подавать блюда на стол, а сама ужинать не садится. Он ел с аппетитом, потому что был голоден, а жена не ест. Стал он ее уговаривать, чтобы она поела с ним. А она все отказывается; только когда уж очень настаивать стал, принялась есть. Но не той ложкой, что на столе лежала, для нее приготовленная, а вынула из кармана маленькую ложечку вроде тех, которыми уши прочищают, и ею стала брать по одному зернышку рисовой каши. Янко очень этому удивился и говорит ей:

— Милая Ганночка, почему ты не возьмешь ложку побольше? Неужели ты и дома ела такой маленькой? Ты, верно, хочешь научить меня бережливости, чтобы мы не проедали слишком много. Не бойся, у нас довольно, по миру не пойдём.

Засмеялся и всунул ей в руку ту ложку, которая была для нее приготовлена. Ганна злобно взглянула на мужа. Ложку, которую он ей дал, отложила в сторону, не сказала ни слова и продолжала есть своей маленькой ложечкой. Ела она только рисовую кашу, а к другим блюдам не притронулась.

Янко больше не стал ее уговаривать. Он решил, что она еще раньше наелась или, может, его стесняется. Больше он не делал ей замечаний. Обращался с ней так, будто все идет как надо. Но когда они в следующий раз сели вместе ужинать, она опять стала вести себя, как в первый раз. Янко очень огорчился. Он понимал, что той пищей, которую она при помощи своей маленькой ложечки съедала, насытиться нельзя. И решил, что тут, наверно, какое-нибудь волшебство. Видно, жена у него колдунья. Это его больше всего мучило. А жена с ним и

разговаривать почти перестала, — все сидела, задумавшись, и на него не смотрела.

Он затаился и не показал, что чем-то огорчен, — надеялся, что все как-нибудь уладится.

Жизнь их была печальная. Жена вела себя попрежнему, а он, чем дальше, тем все больше горевал. Однажды ночью лежал Янко в постели и никак не мог заснуть от тоски. Было тихо, и он делал вид, будто спит. В полночь жена его тихонько встала, оделась. Муж стал следить украдкой, что она делать будет. А она все оглядывается, спит ли он. Но он притворился спящим, дышал, как во сне, а сам все глядел и следил, что она делает. Одевшись, она тихо вышла из горницы.

Янко решил узнать, куда она пойдет. Он быстро встал, оделся и — за ней! В окно увидал, как она выходит со двора на дорогу. Боясь, как бы не потерять ее из вида, он поспешил за ней вслед. Наконец увидел ее на дороге к кладбищу. Подошел к воротам кладбища, отворил калитку, подумал с удивлением: что может делать здесь его жена? И обомлел: жена сидела на одной из могил, а рядом с ней — страшное чудовище, похожее на черта.

«Да, жена моя действительно колдунья, теперь уж это ясно, — подумал он. — Вель только волшебницы имеют дело с чертями и такими уродами, как тот, что рядом с моей сидит. Когда ж это она с ним связалась?»

И он тут же решил, что больше не будет с ней жить.

Но ему хотелось узнать, что они дальше станут делать, и он притаился.

Чудовище, похожее на черта, со страшной быстротой выкопало из могилы недавно похороненное там мертвое тело, вылезло наверх и когтями на части его разорвало. Потом принялось с великой жадностью пожирать его и Ганне дало. Она тоже охотно есть стала. Так они и поужинали. Видно, между ними шел разговор, но Янко был от них далеко и не мог разобрать слов, а подойти боялся. Ему показалось только, что говорят они не так, как он, а иначе, совсем непонятно.

Когда они поужинали, та дьявольская образина обглоданные кости обратно в могилу покидала и принялась опять закапывать. Но Янко, не дожидаясь, когда она кончит это дело, пустился бежать со всех ног. Прибежал домой, лег поскорей в постель и опять притворился

спящим. Тотчас вслед за ним вернулась и Ганна, разделась потихоньку, легла в свою постель и сейчас же заснула.

Янко всю ночь глаз сомкнуть не мог: все перед ним та страшная картина стояла. Жена ему опостылела, тяжело ему стало на сердце. Едва утра дождался. Встал рано и никому ничего не сказал. Одевшись, пошел в костел, помолился, а из костела поехал за город. Там у него был сад, и стал он в том саду гулять, только чтобы время убить. Ничто его не радовало, ничто не могло отвлечь от черных мыслей. Он все думал о том, как бы отучить жену от этой страшной привычки.

Измученный, вернулся он домой ровно в полдень. Ганна поставила кушанья на стол и сама за стол села рядом с мужем. Но ела попрежнему только маленькой ложечкой, как в первый раз. Муж ей ласково сказал:

— Милая жена, значит, ты не будешь есть другой ложкой, побольше, как мне бы хотелось, как все люди едят? А я ведь знаю, почему ты так мало ешь. Тебе больше нравится гнилое, вонючее мясо мертвецов, чем наша пища, и ты больше любишь ту дьявольскую образину, чем меня.

Услыхав эти слова, она страшно рассердилась и поглядела на него так злобно, что он испугался. Потом схватила графин, брызнула ему воды в глаза, что-то пробормотав при этом, — он не разобрал что, — и закричала:

— А-а-а, негодный! Поплатишься ты за свое любопытство: станешь псом!

И превратился Янко-дворянин в собаку. Взяла жена палку и избивала его всласть. Бедный Янко, превращенный в пса, побежал из горницы во двор. Она — за ним, продолжая изо всех сил колотить его. А когда устала, отворила ворота и прогнала со двора. Хотела еще огреть его в воротах, да он увернулся. И побежал, бедняга, прочь со всех ног.

Выбежав на улицу, Янко хотел позвать на помощь. Но так как он был теперь собакой, то вместо крика у него получился визг и вой. Другие собаки услышали, сбегались и принялись его кусать, так что ему еще хуже пришлось. Скуля от страха и боли, вбежал он в лавку одного повара, который готовой снедью торговал; остальные собаки — за ним. Но повар палкой их отогнал, оставив одного только Янко, который в угол забился. Повар и эту собаку не хотел оставлять, потому что она была гадкая

и грязная. Но она так жалобно на него глядела, махая хвостом, что он пожалел ее и оставил у себя до утра.

На другой день повар опять хотел ее выгнать, но она не уходила, только все так же жалобно на него глядела. Повар кинул ей пожрать, а потом выгнал ее вон. Собака бежала-бежала и остановилась перед одной лавчонкой. Там жил пекарь, который продавал хлеб. Пекарь был молодой парень и большой шутник. Он стал смеяться над собакой: видно, мол, здорово тебя отделали! Янко в образе собаки жалобно взглянул на пекаря и кивнул головой.

— Ты такой умный пес, что понимаешь, о чем я говорю? Ну, иди сюда, я дам тебе кусочек хлеба.

Услышав это, собака вошла в лавку к пекарю, кивая головой и махая хвостом. Пекарь подивился ее уму. Взяв хлеб, он стал его резать и кидать собаке по кусочку. Собака ела хлеб понемногу, не накидываясь сразу, как делают другие собаки. Наевшись, она села у двери в углу. Собака понравилась пекарю. Он ее погладил и сказал, чтобы она у него осталась. Собаке хорошо жилось у пекаря, он ее не обижал и кормил вволю. И она служила хозяйину верно и послушно. Она была умней всех собак в городе, понимала все, что говорил ей хозяин. Пекарь очень полюбил ее и всюду с собой брал.

Зажил Янко-дворянин гораздо лучше других собак. А все-таки жизнь его была плохая, и он все думал о том, как бы поскорей опять человеком стать. Но так как он не умел говорить и никому не мог рассказать о своей беде, никто не мог ему помочь, и приходилось ему оставаться собакой.

Как-то раз зашла в булочную одна барыня хлеба купить. Заплатила она за хлеб, а пекарь вынул из тех денег, что она дала ему, одну монету и сказал, что эта монета негодная и он просит ее обменять. Барыня не поверила, а пекарь и говорит:

— Что вы, барыня! Моя собака поймет, что монета негодная, а вы понять не хотите.

Позвал он собаку и велел ей отыскать среди других монет негодную. А собаке сделать это нетрудно было, потому что Янко, когда был человеком, очень хорошо умел в монетах разбираться. Он тотчас негодную монету нашел, лапой отодвинул ее в сторону и посмотрел на хозяина: вот, мол, какой я! Пекарь подивился и

обрадовался, что такая умная собака так дешево ему досталась. И говорит барыне:

— Ну, вот видите, барыня! Моя собака умеет узнавать негодные монеты.

Барыне стало стыдно, что собака умней ее. Дала она пекарю хорошую монету взамен негодной и пошла, а по дороге каждому, кого встретит, рассказывала, какое чудо видела. Пекарь тоже не молчал, и слух об умной собаке разнесся по всему городу. С тех пор у нее другой работы не было, как негодные монеты среди годных отыскивать. Булки пекаря пошли в ход. Люди нарочно приходили к нему хлеб покупать, чтобы посмотреть на искусство собаки; они клали негодные монеты среди годных, а она их находила и отодвигала в сторону. Очень скоро пекарю одной печи было уже мало; он сложил вторую, потом третью, но и после того не мог удовлетворить всех покупателей, так их было много, а все из-за умной собаки, на которую каждый посмотреть хотел.

Бедный Янко, превращенный в собаку, из сил выбивался, с утра до поздней ночи отыскивая негодные монеты среди годных.

Люди завидовали пекарю, что у него такая собака, видя, как он из-за нее разбогател. Некоторые хотели увести ее к себе потихоньку — так, чтоб пекарь не знал. Янко был бы счастлив стать человеком, но от пекаря ни к кому уходить не хотел. Он полюбил хозяина и понимал, что те, кто хочет его от хозяина увести, ничем ему, Янку, помочь не могут, а просто завидуют пекарю. Он не шел ни за кем, кто звал его, а тех, кто пробовал увести насильно, кусал, громко лая. Пекарь прибегал на этот лай и направлялся с похитителем.

Раз пришла покупать хлеб одна барыня. Среди монет, которые она дала, была положена, — нарочно ли, нет ли, неизвестно, — одна негодная. Собака, которая уже знала свое дело и осматривала все монеты, выкатила эту монету лапой из кучки и поглядела на барыню. Барыня тоже поглядела на собаку, потом на монету и говорит: «Правда, это негодная!» — и заменила ее другою.

Пекарь взял деньги и пошел взглянуть, что делается в печах; потом вышел во двор. Барыня обернулась к собаке, кивнула ей, чтобы та за ней шла, и сказала:

— Если доверяешь мне, пойдем со мной!

Собака поднялась и пошла. Янко почувствовал, что эта барыня его пожалела, поэтому он и пошел за ней. Она водила его с одной улицы на другую, туда-сюда, направо-налево, пока не привела на окраину города, к небольшому, но хорошенькому домику, в который они и вошли.

В комнате сидела красивая молодая девушка, той барыни дочь. Барыня и говорит ей:

— Смотри, дочка, я привела тебе собаку пекаря. На нее весь город ходит смотреть, уму ее дивится. Я ведь тебе говорила, что на самом деле это не собака, а человек, превращенный в собаку. Тебе хотелось это проверить. Попробуй свое искусство.

— Что ж, мама, сейчас проверим, — ответила дочь.

Пошла, вынула из сундука скляночку с какой-то жидкостью, помочила в ней пальцы, побрызгала на собаку и промолвила:

Таиться в обличье чужом перестань.
Чем прежде был, тем снова стань!

Только она это проговорила, как собака превратилась в человека, и этим человеком был Янко.

Снова приняв человеческий образ, он упал перед женщинами на колени, стал благодарить их, целовал им руки и ноги. Сперва он от радости говорить не мог. Потом рассказал все, что с ним произошло. Наконец захотел пойти домой, посмотреть, как там. Девушка, которая его расколдовала, ответила ему:

— Милый Янко, благодарить меня не за что. Это было не трудно. Я рада, что могла помочь тебе.

Потом рассказала, что хорошо знает его жену, потому что они вместе учились колдовству и волхвованью, но жена его с самого начала пошла по дурному пути, спознавшись с нечистой силой, так что они уже не могли больше дружить и разошлись. После этого Ганна связалась с одним адским чудовищем, чертом, который научил ее колдовать по-своему; так она погибла. И чем дальше, тем будет хуже; она уж никогда не исправится, потому что черти совсем овладели ею.

— Но она должна понести и от меня наказание, — прибавила девушка.

Вышла из комнаты, принесла маленькую склянку с водой и сказала:

— Я видела в колдовском виденье, что твоей жены нет дома, но она скоро вернется. Ничего не бойся и ступай домой. Слуги твои очень обрадуются, увидев тебя. Приведи им какую-нибудь причину, почему тебя так долго не было. Они тебе поверят. Спрячься куда-нибудь в угол, пока Ганна, жена твоя, не вернется, потому что, коли она узнает, что ты дома и стал опять человеком, то не придет к тебе. А как вернется, выплсни ей вдруг воду из этой склянки в лицо и скажи:

«Ты вредила, — так сполна
Заплатить за все должна!»

Янко-дворянин еще раз от всего сердца поблагодарил своих благодетельниц, простился с ними и пошел домой. Слуги очень обрадовались, увидев его; стали спрашивать, где он провел больше года. Он объяснил, как умел. Они ему сказали, что жена его, с тех пор как он уехал, в большой печали.

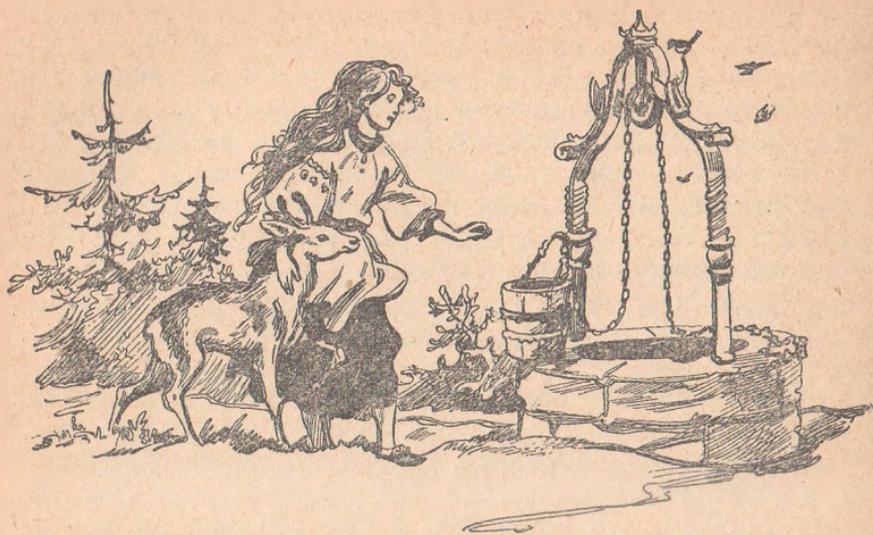
— Ишь какая обманщица! Еще притворяется печальной, что меня дома нет, — удивился Янко. — А не говорила она вам, что сделала со мной? Но я покажу ей, как надо мной издеваться.

И больше ничего не сказал слугам, а велел им заниматься своим делом, прибавив, что сам справится с женой, когда та придет.

Потом спрятался в горнице за дверью и стал ждать. Как только она пришла, он выскочил прямо на нее. Увидев его, она страшно испугалась, так что ни слова вымолвить не могла. Но он ей быстро водой из склянки в лицо плеснул и сказал:

— Ты вредила, — так сполна
Заплатить за все должна!

И Ганна тотчас превратилась в черную кобылу. Янко схватил ее за гриву, накинул ей недоуздок, отвел ее на конюшню и привязал там рядом с другими лошадьми. А потом женился на своей избавительнице и зажил с ней мирно и дружно.

О ЛЕНЕНОК

Жил-был один бедный лесник, второй раз жена-тый. От первой жены осталось у него двое детей: девочка да мальчик. Звали их Ева и Янко. Житья не было бедняжкам от злой мачехи. Никогда им ласкового слова не скажет, никогда не улыбнется, все только бранит и каждый божий день бьет да колотит.

В то время людям очень трудно жилось, а особенно семье лесника, самой бедной; у них иной раз по три дня куска хлеба в доме не было.

Однажды утром лесник спрашивает:

— Жена, чем же мы детей накормим?

— Да что ты спрашиваешь, — ответила та. — Ступай в лес; авось там чего-нибудь найдешь.

Пошел он в лес, ходил, искал до самой темноты, но, кроме одной птички, так ничего и не убил.

— Вот, — сказал он жене, — изжарь нам эту птичку.

Та изжарила, но каждому досталось только облизнуться.

На другой день опять спрашивает лесник:

— Господи, господи! Что же мы есть будем?

А жена опять:

— Чем господу-богу плакаться, лучше пошел бы да чего-нибудь достать постарался.

Пошел он опять в лес, туда-сюда мечется. И посчастливилось ему застрелить зайца. Обрадовался лесник, отнес его жене и велел зажарить на ужин.

На третье утро, еще не рассвело как следует, опять лесник говорит:

— Ах, жена, жена, что ж мы есть будем?

А она ему:

— Теперь, — говорит, — знаешь что, муженек? Зарезем твоих противных ребят!

Черт выдумал, дьявол согласился.

— Ладно, — сказал лесник. — Только давай друг другу семь раз поклянемся, что никогда никому об этом не скажем.

Поклялись они семь раз, потом уговорились сперва погубить мальчика, а за ним девочку. Пока старшие друг с другом об этом толковали, Янко на печке крепко спал. Но Ева уже успела проснуться и все слышала. Бедняжка задрожала всем телом, как осиновый лист, но все-таки не струсила.

Как только наступило утро и все встали, злая мачеха и говорит:

— Дети, ступайте в лес, наберите сухого хвороста. Будем жаркое жарить.

Ева и Янко собрались и пошли. Стали они хворост собирать, — сестрица и говорит братцу:

— Знаешь, Янко, для чего мы хворост собираем?

— Да чтобы жарить?

— Ну да, жарить. А кого? Тебя!

И рассказала ему, как отец с мачехой сговаривались их обоих зарезать.

— Но ты не бойся, — говорит. — Как придем домой, стану я мачеху просить, чтоб она меня причесала. А ты вбеги в комнату и схвати мою ленту. Я за тобой, и вместе убежим.

Сложили они хворост на дворе, и мачеха похвалила их за то, что они так много притащили. Тогда Ева попросила мачеху, чтобы та ее причесала.

— Ладно, — согласилась мачеха, — ладно. Только пойдн, поставь еще воду в том большом горшке.

Ева поставила воду, потом сбегала на чердак, где у ней были спрятаны две груши, взяла их и вернулась к мачехе. На столе блестел острый, как бритва, нож. Мачеха расплела ей косы, ленту рядом положила и начала причесывать. Тут прибежал Янко, схватил ленту и — шась в дверь! Ева за ним, крича:

— Отдай мою ленту, отдай мою ленту!

Мачеха подождала-подождала, — что-то разговору их не слышно. Вышла за ними во двор и видит: они уже далеко. Бегут со всех ног, подбегают к лесу. Тут она догадалась, в чем дело, страшно обозлилась и злобно закричала:

— Дай вам бог в того превратиться, из чьего следа напьетесь!

* * *

Бежали брат с сестрой по горам, по долам, куда глаза глядят. А солнце сильно припекало, и Янка стала мучить жажда. Увидели они медвежий след с дождевой водой...

— Ева, сестричка, мне так пить хочется!

— Ах, не пей, не пей, милый. Ведь это медвежий след: медвежонком станешь. На вот, съешь лучше грушу; авось жажда мучить перестанет.

Янко съел грушу и утолил жажду. Пошли они дальше. Долго ли, коротко ли, подходят к волчьему следу. Янка еще больше жажда мучит.

— Ева, сестричка, как мне пить хочется! Я напьюсь из этой лужицы...

— Ах, нет, не пей, не пей, милый. Ведь это волчий след: станешь волчонком. На вот, съешь лучше грушу; авось пройдет жажда.

Янко съел грушу, и ему стало легче.

Идут они, идут; чем дальше, тем солнышко все сильней припекает. Янко совсем истомился.

— Ева, сестричка, дай мне, дай еще грушу!

— Ах, миленький братец, у меня больше нету. Но погоди еще немножко, скоро будет колодец.

И пришли они тут к оленьему следу.

— Ева, сестричка, не могу больше терпеть, напьюсь.

— Ах, не пей, не пей! Ведь это олений след: олененком станешь!

Но только она отвернулась, он припал к луже и тотчас превратился в олененка.

Увидела она, каким он стал, заломила свои белые руки и залилась слезами:

— Господи боже! Бедный братец, что ж нам теперь делать? Ведь прибегут собаки, тебя растерзают; придут охотники и тебя застрелят.

А олененок печально шел у ее правого бока.

Не сделали они и двадцати шагов, как увидели прекрасный колодец; вода в нем была чистая, как стекло. Девочка напилась вволю, на лбу у нее заблестала золотая звезда, и волосы стали золотыми.

Пошли они дальше и пришли на поляну, а на ней стог сена стоит.

— Ах, братец олененок, — промолвила девица, — давай здесь жить останемся. Здесь нас мачеха не найдет.

Устроили они себе в том стогу нору и стали туда прятаться на ночь и во время дождя. Когда солнышко показывалось, Ева садилась на стог, принималась расчесывать свои волосы — золотые-презолотые — и, плача, приговаривала:

— Ах, кабы моя матушка знала-ведала, что я тут на стоге сена дрожу и свои золотые-презолотые волосы расчесываю! Да матушка моя долго жить приказала.

Олененок ходил пастись, а она ягодами да кореньями питалась. Так прошло много времени. А в этом самом лесу любил охотиться один королевич. Раз сидела она вот так, волосы свои расчесывала, — вдруг прибежал, весь запыхавшись, олененок, и за ним по пятам собака. Олененок шмыгнул в стог, а собака, увидев девочку, убежала обратно к хозяину. Тот кинул ей кусочек мяса. Собака схватила мясо в зубы и — прямо к девочке: положила мясо ей на колени и опять убежала к хозяину. И другой кусок так же. Хозяин удивился: куда это собака мясо таскает? Бросил ей еще кусок. Она опять в ту же сторону побежала. Королевич — за ней и пришел пряменько к девочке.

— Что ты тут делаешь? — спросил он ее.

Ева рассказала ему все, что с ней было.

— Пойдешь ко мне жить? — спросил королевич.

— А ты не застрелишь моего олененочка?

— Не бойся, — ответил королевич, — я этого не сделаю. Пойдем, пойдем, вам у меня хорошо будет.

Слыша эту ласковую речь, девочка согласилась; сели они в карету и поехали в замок.

Тут Ева нашла все, что ей было нужно. И о братце олененочке хорошо позаботилась. Платьев у ней было там сколько угодно и одно другого красивей, так что она в них как цветок хороша была. Стали ее учить всему, что королеве знать надобно. И когда она выросла, молодой король на ней женился. Но прежде он должен был ей поклясться, что никому не позволит обижать олененка.

* * *

Жила в том королевском замке одна старуха, которая очень обозлилась, когда молодой король женился: она все надеялась дочь свою за него выдать. Вот пришла пора королю на войну ехать, и велел он этой старухе за королевой как следует ухаживать, потому что та скоро родить должна.

Чудный родился мальчик. На лбу у него золотая звездочка сияла. Но королева от родов очень ослабела. И попросила водицы испить. А старуха и говорит ей:

— Под окошком Дунай течет. Наклонись и пей!

— Боже мой, как же я могу наклониться? Ведь я совсем больна.

— Твое дело, — проворчала старуха. — Не хочешь, не наклоняйся. А я тебе воды не подам.

Королева больше не могла терпеть, так ей пить хотелось. Выснулась она из окна и наклонилась над водой. Тогда старуха толкнула ее в реку, а на ее место свою дочь в постель положила. Мальчика с золотой звездой она не догадалась погубить; ей довольно было и того, что удалось мать в реку толкнуть.

Но королева не утонула, а превратилась в золотую утку и вместе с другими утками поплыла по Дунаю.

А мальчик, бедняжка, как почувял, что нет матери, стал плакать и кричать, — ну никак не успокоишь! Прибежал в комнату олененок и затряс рожками: положите, мол, на них ребенка, я буду его баюкать. Старуха не знала, что делать, — взяла да и положила:

— Ступай, и пропадите вы оба пропадом!

Олененок побежал вниз по берегу Дуная и, как завидел на реке уток, закричал:

— Уточки-утки, серые грудки! Укажите нам, утки, путь к нашей маме!

— Здесь ваша мама — в одной стае с нами! — ответили уточки.

Тут прилетела на берег золотая утка, превратилась в прекрасную госпожу, взяла ребенка на руки и сказала:

— Золотой мой сыночек, окунись, покормись и в пеленки завернись.

И тотчас же все так и сделалось. Она еще раз обняла сыночка, поцеловала его и олененку на рожки положила. Потом опять обернулась золотой уткой и улетела на Дунай. Так длилось долгое время: олененок каждый день носил мальчика к Дунаю, а тот рос и расцветал, как роза.

Вдруг от короля с войны письмо пришло, чтобы его тогда-то и тогда-то домой ждали. Старуха велела дочке в постель лечь и больной притвориться. А когда король вернется, — чтоб она олененкова мяса попросила.

Король благополучно домой вернулся и не мог прекрасному сыночку нарадоваться. Но ту, что в постели лежала, он просто не узнал; а больше всего удивился, что у нее ни золотой звездочки на лбу, ни золотых волос нет. Да старуха объяснила, что болезнь никого не красит, а золотая звездочка и золотые волосы от королевы, мол, к ребенку перешли.

А дочь из постели кричит:

— Ах, олененкова мяса я бы поела. Велите олененка зарезать!

— Как? — удивился король. — Ведь ты сама заставила меня поклясться, что я никому не позволю олененка обижать. Как же ты теперь требуешь, чтоб его зарезали?

Та ничего не ответила, только пуще кричит:

— Ах, олененкова мяса я бы поела. Велите скорей олененка зарезать!

Тогда король приказал ножи точить и воду кипятить, чтобы зарезать и сварить олененка.

Тут проснулся ребенок, стал плакать и кричать. Тотчас прибежал олененок и затряс рожками. Как старуха ни баюкала мальчика, он все не утихал, и олененок все тряс рожками. Король удивился: почему это олененок так делает? Старуха объяснила ему, что олененок хочет мальчика на рожках покачать. Король велел положить ребенка на рожки, и, как только это сделали, олененок побежал из комнаты. Король испугался, как бы с маленьким чего не случилось, и вышел за олененком.

Тот побежал прямо вниз по берегу, увидел уток на воде, остановился и закричал:

— Уточки-утки, серые грудки! Укажите, утки, путь к нашей маме!

— Здесь ваша мама — в одной стае с нами! — ответили утки!

Прилетела с Дуная золотая утка, превратилась в прекрасную госпожу, взяла на руки ребенка и говорит ему:

— Золотой мой сыночек, окунись, покормись и в пенелки завернись!

Все так и сделалось. А она его опять обнимает и целует:

— Ах, где-то теперь твой отец! Если б он знал, что со мной сделали, — как меня эта старуха в Дунай толкнула!

Тут король выбежал из-за куста и прижал ее к своей груди. Она сейчас же золотой уткой обернулась, а потом стала превращаться во всякие чудовища. Но король держал ее крепко.

— Не отпускаю, — говорит, — пока не станешь такой, как была.

Только он это сказал, как его уже обнимала прекрасная золотокудрая жена, а мальчик лежал не на рогах у олененка, а на руках у красивого юноши.

Радостные вернулись они в замок, и король отвел королеву с ребенком и шурином в отдельную горницу, так что никто об этом не узнал. Старуха подумала, что олененок с мальчиком погибл, и очень обрадовалась.

На другой день король велел устроить большой пир и созвать множество гостей. Старуха вся раздулась от гордости, увидав дочь на главном месте, возле короля. Когда пир был в самом разгаре, король встал и объявил:

— Дорогие гости! Я хочу предложить вам один вопрос. Скажите, как поступить с тем, кто хотел двух невинных жизни лишить, а третьего несчастным сделать?

Старуха поспешно ответила:

— Заколотите его, вместе с его отродьем, в утыканную гвоздями бочку и в той бочке с горы спустите.

Тут растворились боковые двери. В залу вошла королева с ребенком, а за ней красивый юноша. И король рассказал все, как было. Старуху с дочерью тотчас увели, и как она сама присудила, так и сделали... А король посадил рядом с собой по правую руку королеву, а по левую красивого Янка, и тут только зажили они счастливо и живут до сих пор, коли не померли.

ГРЯЗНУХА ВЕЧНЫЙ — ЖИТЕЛЬ ЗАПЕЧНЫЙ

У одного отца было три сына, уже взрослых. Двое старших такие щеголи, что кто их ни встретит, только присвистнет. А младший — лежебока и неряха, знай себе на печи да в золе валялся. Его так и прозвали: «Грязнуха вечный — житель запечный».

И было у отца поле, овсом засеянное. Каждую божью ночь какой-то негодяй в том овсе катался, мял его и топтал, так что смотреть было жалко, — ну, хуже быть не может. И хозяин никак не мог узнать, кто той беде причина.

— Вот уж доберусь до тебя, кто бы ты ни был, — сказал он как-то и велел сыновьям ехать в поле вора сторожить.

— Вы только его поймайте да хорошенько поколотите, чтобы отбить у него охоту так безобразничать. Это будет ему наука.

Два старших сына стали собираться, будто на край света: коней, собаку, дубины — чего только с собой не

берут! Мать пирогов напекла, мяса нажарила-натушила и той снедью набила им в дорогу сумки до отказа, так что те чуть не лопались.

— Вы, — говорит, — детки, поешьте там в овсе как следует, а то как бы вам с голоду не помереть.

А они еще вина взяли, чтоб было чем еду запивать, и поехали в поле.

Ну, а Житель запечный, он как? Отпер он потихоньку ящик в столе, взял оттуда сухариков, положил их в холщовый мешочек и пошел в поле. А мать еще лопатой из кухни его выгнала, когда он ее о чем-то попросил.

Вот старшие два брата приехали в поле, развели костер, коней рядом привязали; пироги и мясо поели, вино выпили, да и собаке не только мяса, а пирогов и вина дали.

— Веселись и ты с нами, — говорят. — Ешь, пей, пока жива!

Крепко напоили пса. Потом головушки опустили, в овес повалились, и собака рядом с ними. Если б кто у них по куску мяса вырезать вздумал, и то не проснулись бы. А Жителя запечного — того к себе и не подпустили. Наш увалень-лежебока взобрался на дикую яблоню и стал там корочки грызть, а когда ему пить захотелось, сорвал себе яблочко и сосать стал.

В полночь прискакали три волшебных коня, и один прямо к яблоне — давай листья щипать. Тут Житель запечный — прыг! — сел к нему на спину, за недоуздок ухватился, да и держит что есть мочи. Как пустился конь скакать, — с борозды на борозду, с межи на межу, с полосы на полосу мечется. Летал-летал — все Жителя запечного скинуть хотел. Но тот больно крепко держался. Наконец устал конь, да и видит, что всадник его не отпустит.

— Вижу, ты удалой удалец, — говорит. — Возьми себе этот недоуздок. Как им тряхнешь, так — что захочешь — получишь.

Тот так и сделал: взял недоуздок и пошел домой.

Наутро глядят — весь овес потоптан. Рассердился отец на сыновей, что никого они не устерегли.

— Может, ты видел? — спрашивает Жителя запечного.

— Ну, что я мог видеть? — ворчит тот себе под нос. — Я ведь спал...

На вторую ночь опять стали караулить. Старшие братья набрали с собой пирогов, мяса жареного, а Житель запечный взял сухариков. Ели они, пили и напились. А он на дереве грызет себе сухари да кислые яблочки. В полночь прискакали два волшебных коня, и один из них прямо к яблоне — листья щипать. А Житель запечный — прыг! — и уж у него на спине. Принялся тот с борозды на борозду, с межи на межу, с полосы на полосу скакать. Да Житель запечный не отпустил его. И говорит конь:

— Отпусти меня, а себе возьми мой недоуздок: как им тряхнешь, так — что захочешь — получишь!

Житель запечный недоуздок взял и ушел.

На третью ночь опять их посылают. Старшие, как прежде, взяли много всякой снеди, потом набили себе брюхо, словно гуси зоб, налились вином, как бочки, и заснули. А Житель запечный опять одни сухарики да кислые яблочки грызет и глаз не смыкает.

В полночь прилетел уж один только конь, и — шась под яблоню! А Житель запечный с дерева — гоп! — прямо на него и давай на нем по бороздам, да по межам, да по овсам скакать, пока тот ему свой недоуздок не отдал.

— Что хочешь, — говорит, — получишь, коли недоуздом тряхнешь. Только отпусти меня.

Житель запечный недоуздок взял и пошел себе во свояси.

Рано утром братья-пьянчуги со стыдом домой воротились. Отец видит: ничего не поделаешь! И велел овес на сено косить.

* * *

Раз, — по какой такой причине, неизвестно, — вышел от короля указ, что он дочь свою за того замуж выдаст, кто на скаку с облака золотой перстень на золотом шнурке сорвет. Разнеслась об этом весть во все концы; и братья Жителя запечного собираться стали.

— А ты, Житель запечный, верно, не поедешь? — спрашивают.

— Нет, нет, я тоже еду, — ответил он и стал рядом с ними.

Оседлали они коней, нарядились. А он сел на большую пеструю свинью и пустился в путь — перстень снимать.

Ну, посмеялись тут братья и весь честной народ вдосталь!

А Житель запечный тряхнул за гумном недоуздом.

— Что угодно пану? — послышался голос.

— Ничего не надо, только медную одежду и медного коня!

Тотчас явились и медный конь и медная одежда. Нарядился он и поскакал во дворец.

А перед дворцом полным-полно знатных господ — все на конях. Каждому хотелось перстень достать, но ни у кого не выходило. И братья Жителя запечного скакали даром: перстень остался висеть.

Вдруг прилетел, словно на облаке, юноша на медном коне, взвился в воздух, схватил золотой перстень со шнурком, королевне головой кивнул — и прочь умчался.

Тут стали про него разузнавать, расспрашивать, писать о нем во все края. Но так медного молодца и не отыскали.

Тогда вышел другой указ, что королеву отдадут замуж за того, кто с еще более высокого облака на скаку золотое яблочко сорвет. Опять братья к нему, начали его дразнить:

— Поедешь, Грязнуха? Опять на пестрой свинье?

А он ничего, только плечом повел.

— Конечно, поеду. Почему ж мне не ехать? — отвечает.

И когда они, раздевшись, сели на коней, он за ними на той же пестрой свинье в путь тронулся. А за ним — толпа ребят, и народ на него пальцем показывает.

Но только он — уже за гумном — один остался, как вынул из сумки недоуздок и тряхнул им.

— Что угодно пану? — раздался голос.

— Ничего не надо, только серебряного коня и серебряную одежду! — приказал он.

Тотчас все явилось, и он переоделся.

А перед королевским дворцом опять полно знатных и нарядных господ. Все скакали понапрасну. Вдруг примчался яркий, как молния, молодец в серебряной одежде, на серебряном коне, так что все вздрогнули при таком чуде. Взвился к яблочку, оглянулся на королеву и вместе с яблочком исчез. Все на него, рот разинув, уставились — не в обиду будь сказано — как баран на новые

ворота; а потом уж, сколько ни расспрашивали, серебряный молодец как в воду канул.

Наконец в третий раз король указ издал, чтобы все съезжались, и кто с самого высокого облака на скаку золотой платок достанет, тому он и дочь и все свое королевство отдаст.

Тут понабралось-понаехало панов, что деревьев в лесу. И Грязнухины братья в дорогу пустились. А Грязнуха вечный — житель запечный проехал верхом на свинье — людям на смех — по всей деревне до самого гумна и там тряхнул недоуздом.

— Что угодно пану?

— Ничего не надо, кроме золотого коня и золотой одежды!

Надел он золотую одежду, и такое сияние пошло вокруг — ярче солнца! Сел на волшебного золотого коня и помчался ко дворцу... Там никто и подумать не мог о том, чтобы скакать так высоко. Вдруг бурей пронесся золотой молодец на коне, взвился к облаку, схватил платок и умчался, как птица.

Тут король промолвил:

— Где бы он ни был, а должен я его найти!

И дал приказ все города, деревни, замки, дома, кухни, печки, дворы, гумна и закрома, всюду-всюду все углы обшарить и найти его. А Грязнуха вечный сидел дома за печью в том самом виде, как утром с печи слез, — в одних портах и рубахе да в старой изодранной шапке, так что прямо пугалом огородным выглядел. Но добычу при себе держал: золотой платок и золотое яблочко он спрятал в шапку, а золотой перстень укрыл в золе, в горячих угольях, на веревочке, к пальцу привязанной, и, подергивая веревочку, играл с ним, как дитя.

Пришли посланные короля к тому дому и спрашивают сыновей. Подошли и к Жителю запечному, да и говорят ему на смех:

— Не ты ли это был, Грязнуха?

— Вы про что? Как я на свинье-то ездил? — спросил он, да таким смешным тягучим голосом.

— Ну, что за удалец! — сказал один из старших братьев. — В такой молодецкой гусарской шапке только индюшек пасти!

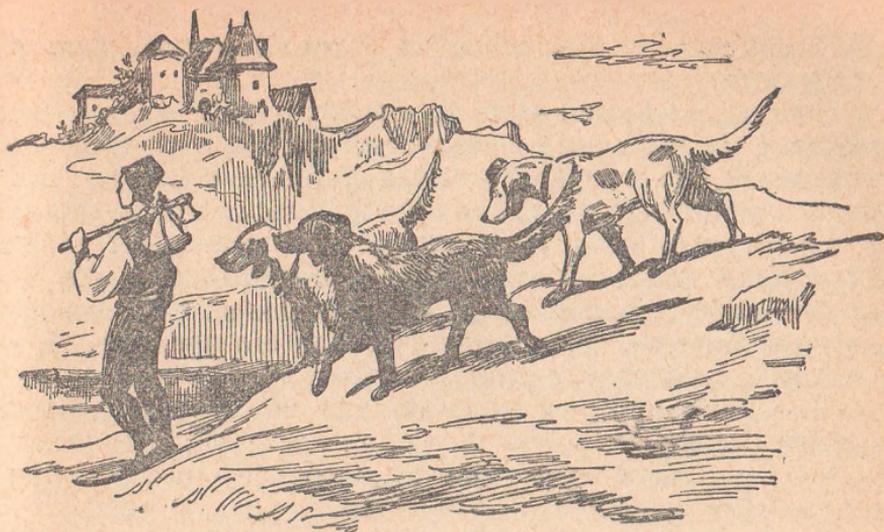
И для потехи надвинул ему шапку на лоб. Выпали оттуда вдруг яблочко и платок. Хотел Житель запечный поскорей шапку поправить, да и выдернул за веревочку перстень из пепла. Тут паны тотчас его узнали. И все диву дались, как такой недотепа писаным красавцем мог стать.

Но Грязнуха вечный — житель запечный показал, как это могло быть. Подтянулся он, тряхнул недоуздкой.

— Что угодно пану?

— Золотую одежду и золотого коня!

Тотчас появилось и то и другое. Оделся он, вскочил в седло и одним духом прискакал в королевский дворец. Там его ласково встретили, выдали за него королеву, сыграли свадьбу. И живут они оба до сих пор, коли не померли.

ЛЕСНИК ЯНКО И ТРИ СОБАКИ

Жил на свете бедняк, у которого, кроме нескольких человек детей, ничего не было. В доме его царила нищета. Столько народу, всех напои-накорми, а заработка никакого; да и уродиться тоже ничего не могло, потому что и земли-то никакой не было. А семья все растет да растет. Много бедняжки слез пролили, голода-холода натерпелись, помаленьку даже вовсе не поевши спать ложиться научились. Всем было тяжело, а отцу и вовсе невтерпеж, потому что он их беду лучше всех видел, и сердце его больше болело, когда он смотрел, как дети с голоду под печкой да на лавках шарят, и ничем помочь не мог. А жена еще ребенка зачала. Это уж совсем его доконало, и он в отчаянии проклял плод в материнской утробе.

Пришел срок, и родила жена бедняги вместо деток трех щенят. При каждом была дудочка. Принялся бедняк тех щенят выкармливать да выхаживать как мог лучше, и через год стали они большими красивыми собаками.

Отец сам дал им имена: одного назвал Могучим, другого Железным, третьего Зорким.

Раз пошел бедняк куда-то и собак с собой взял; а они рядом с таким худым человеком, как он, казались еще упитанней. Шел он долго, устал и зашел в корчму, стаканчик винца выпить. Велел себе налить; сидит, выпивает, а верные псы возле него на полу разлеглись. И зашел туда один лесник; потребовал себе бутылку и сел на другом конце стола. Сперва оба пили молча. Но молчанье недолго длилось; через минуту лесник его прервал, обратившись к бедняку с такими словами:

— Скажи, добрый человек, кто ты, откуда и куда идешь?

— Я из такой-то и такой-то деревни, — отвечает бедняк. — Иду туда-то.

— А это твои собаки? Какие большие! Где ты их взял? Я бы все отдал, лишь бы таких иметь.

— Мои, — ответил бедняк, а об остальном промолчал.

Тогда велел лесник Янко — так его звали — принести пять ковриг хлеба: каждой собаке по одной кинул, одну бедняку подал, а одну сам надломил. Потом приказал подать еще бутылку и стал угощать нового знакомого. За разговорами незаметно пришла пора расставаться. И говорит бедняк леснику:

— Янко, — говорит, — ведь так тебя зовут? Эти три собаки — мои родные дети, которых я, своим и деток моих горем-злосчастьем до отчаяния доведенный, проклял в материнской утробе. Вон того, самого крупного, Могучим звать, среднего Железным, а третьего Зорким. Ты так их накормил, как они у меня ни разу не ели. Я их кормить как надо не могу, а тебе это легко. Да ты же и хотел их иметь. Так я тебе их дарю. Видишь, у каждой к ошейнику дудочка привешена. Коли ты в какую опасность попадешь, только в эти дудочки подуди, — собаки, хоть ты на краю света будь, сейчас же прибегут и тебя освободят. А теперь счастливо оставаться, и не забывай меня, который тебе добра желает!

Янко взял дудочки, поблагодарил бедняка, и они разошлись в разные стороны. А собаки, словно понимая человеческую речь, поклонились уходящему отцу и побежали за лесником.

Янко пошел таким густым лесом, что даже неба не было видно, и в том густом лесу собаки его потеряли:

видно, проголодались и захотели в чаще какого-нибудь зверя поймать. После долгих блужданий вышел Янко на широкое поле и видит: рота солдат марширует.

«Дай, — думает, — испытаю, правда ли то, что мне этот крестьянин о собаках сказал».

Подошел он к солдатам и крикнул:

— Стой!

Солдаты оглянулись на него и зашагали дальше. Он крикнул в другой раз; солдаты не стали останавливаться. Крикнул в третий раз, — они остановились. Подошел к нему офицер, спрашивает, чего ему надо? Зачем их остановил?

— Да просто так, — ответил Янко. — Хотел испытать, послушаетесь вы меня или нет.

— Ах, коли так, я тебе покажу, как солдат останавливать! — закричал офицер.

Велел он Янка связать и на первом суку повесить. Вот стоит Янко, связанный, под деревом — ждет, что с ним делать будут. И попросил он, чтоб ему перед смертью в дудочки подудеть. Офицер позволил.

— Только недолго, — говорит.

Задудел Янко, прибежали собаки и спрашивают:

— Что прикажешь?

— Освободите меня из рук этих злодеев.

Собаки накинулись на солдат, стали рвать и кусать их, как бешеные. Офицер видит, дело плохо, приказал развязать Янка и стал усердно просить его отпустить их души на покаяние. Янко смиловался над ними, приказал собакам больше не кусать их и пошел в одну сторону, а солдаты в другую.

Долго шел Янко и пришел в город, где король жил. Хотелось ему на службу поступить, и лучше бы всего к королю. Пришел он к королю и говорит:

— Дай вам бог счастья, светлейший король!

— И тебе тоже, сын мой, и тебе тоже! Чего ты от меня хочешь?

— Да немногого. Хочу спросить вас, не нужен ли вам лесник. Я поступил бы.

— Так и так, — отвечает король. — У меня уже есть двенадцать лесников, но послушаем, что скажет мой старший лесничий. Может, тринадцатого нужно? Матей, Матей, поди сюда!

Пришел Матей.

— Что прикажете, светлейший король? — спрашивает.

— Этот молодец хочет ко мне в лесники поступить. Я не знаю, взять или нет. Не надо нам тринадцатого?

— Как вам будет угодно; все от вашей воли зависит. Скольких примете, столько и будут служить, — ответил Матей.

Король подумал и говорит:

— Ладно, возьму я тебя на службу, но ты должен доказать, что умеешь хорошо стрелять. Видишь, на той вон башне, на самом верху, воробей сидит. Если ты его застрелишь, да так, чтобы голова в одну сторону, а туловище в другую упали, — будешь служить у меня лесником, а иначе нет.

— Что ж, попробую.

Взял Янко ружье, зарядил, прицелился, выстрелил, и голова воробья упала в одну сторону, а туловище в другую. Удивился король, обрадовался. Подошел к стрелку, по плечу его потрепал.

— Молодец, — говорит. — Служи хорошенько, и тебе у меня хорошо будет.

Поступил Янко к королю на службу. А старому Матееу больно не понравилось, что король с новым лесником так ласково разговаривал. «Я, — думает, — сколько лет королю верно служу, а никогда от него таких ласковых слов не слышал, какие он новичку говорил. Ладно, покажу я этому проходимцу!» Он ничего не сказал, а замыслил недоброе.

На другой день, только рассветать стало, пошли двенадцать лесников со старым Матеем на охоту. Янко вышел вслед за ними попозже и в другую часть леса отправился. Собак не взял, да и без них только стрелять поспевай: он на весь лес гремел и в короткое время множество зверей настрелял, будто дров нарубил. Вечером подошли к нему другие лесники. Они всего-навсего несколько зайчишек убили, а он целую кучу всякого зверья. Рассердился Матей, увидев это, накинулся на Янка, прямо съест его хочет; стал бранить его на чем свет стоит, а за что — неизвестно. Чем дальше, тем больше, а когда Янко что-то ответил, Матей вытащил шомпол и стал изо всей силы бить его. Остальные лесники, заранее наученные Матеем, забрали всю Янкову добычу, отнесли ее королю, а Янка оклеветали, будто он

ленивый, позже их на охоту выйдя, ничего не настрелял и не заслуживает, чтобы его на службе держали. Выслушал их речи король и страшно удивился: чудно ему показалось, что такой хороший стрелок ничего не застрелил, а они втрое больше дичи принесли против обычного. Выслушал он их, но ничего не сказал.

На другой день опять охотились, Янка избили, все, что он настрелял, у него отобрали и к королю отнесли, да еще хуже вчерашнего перед королем его очернили, потому что все были злы на него, что он лучше их стреляет. Король опять удивился множеству дичи, а когда лесники снова вчерашнюю песню о бездельности Янка запели, сам рассердился и гневно промолвил:

— Ступайте завтра еще раз, и если он ничего не застрелит, я прогоню его с места.

На третий день пошли на охоту, и опять с нашим Янком то же, что и раньше, случилось. К счастью, удалось ему из того, что он застрелил, отложить в сторону одну птицу, которую король давно иметь хотел, да никто на свете достать ему не мог. Побили опять Янка, дичь у него отобрали, и старый Матей отказал ему от места. После того Янко еще в лесу оставался и, только когда уже мрак с вечерней росой на землю опустился, понес королю застреленную птицу.

Приходит к королю, а тот на него злыми глазами смотрит.

— Удивительно, — говорит, — как это ты — такой хороший стрелок, а ничего застрелить не можешь. Я бы тебя на службе оставил, если бы ты что-нибудь путное сделать мог; но лентяев кормить не желаю. Убирайся с глаз моих долой, ищи себе другую службу.

— Что ж, светлейший король, пусть будет по вашей воле. Примите только еще вот эту дичину, — ответил Янко и подал королю желанную птицу. Король страшно обрадовался, стал опять Янка хвалить и на службе его оставлять. Да не развеселили Янка эти похвалы: остался он попрежнему печальным.

— Что с тобой? — спросил король. — Может, тебя кто обидел, что ты печальный такой?

— Как же мне не быть печальным, когда меня так перед вами оклеветали? Лесники сказали вам, будто я лентяй-лежебока, ничего не делаю и вашей службы нести не хочу, а ведь я больше их работал. Правда, я позже

их на работу выходил, но каждый день больше их всех дичи добывал: ведь что они вам приносили, почти все это я один настрелял. Они моему счастью позавидовали и каждый раз все у меня отбирали, а потом хвастали этим перед вами, как своей добычей, и меня же еще били. Если не верите, посмотрите на мою избитую спину. Оклеветали меня, а я, видит бог, ни в чем не повинен. Старый Матей уже и со службы меня уволил.

— Да, я вижу, тебя обидели, шибко обидели, — сказал король. — Но будь спокоен и ничего не бойся: я все поправлю. Если хочешь, оставайся у меня на службе; я позабочусь о том, чтобы тебе хорошо было.

Так утешал король измученного неправдой Янка.

— Рад я остаться у вас, светлейший король, — ответил тот. — Только сделайте так, чтобы у Матей никакой власти надо мной не было, — потому как мне уж невтерпеж стало.

Король согласился. Время было позднее, ночное, и они разошлись. Король лег спать, но никак не мог заснуть. Лежит, с боку на бок переворачивается, а глаз сомкнуть не может. Вдруг какая-то мысль его озарила, но какая, об этом никто не знал, только он один.

Так промучился он до самого утра. Только рассвело, велел он позвать к себе лесника Янка. Пришел Янко, и король его спрашивает:

— Скажи мне, Янко, обратил ты внимание на тот вон замок, там, вдали?

— Не раз уже обошел я его вокруг, светлейший король, и осматривал его со всех сторон. И всякий раз, как я к нему подходил или глядел на него, какой-то страх меня брал. Так и кажется, словно с этих стен что-то тебе грозит. Будто оттуда какие-то стоны слышатся; а прислушаешься — все тихо вокруг. Или вдруг на стенах то здесь, то там какие-то страшные фигуры замаячат; всмотришься — ничего, кроме седых стен, не видно. Только невозможно вокруг того замка долго ходить: вдруг чувствуешь, что по проклятому месту шагаешь; так мороз по коже и побежит, ноги сами прочь уносят.

— Это ты правильно говоришь, Янко: кто на тот замок смотрит, того страх охватывает! Нет такого человека, который бы там переночевал: кто ни брался, никогда живым оттуда не выходил. Уж сколько народа пробовало, — все погибли. Видишь, в чем дело. Замок этот

когда-то принадлежал моему отцу. Он никому завещать его не захотел; после смерти себе его оставил. Вот с тех пор, как умер он, там каждую божью ночь и творится неладное. Днем туда можно спокойно войти и по комнатам ходить, — только не по всем, потому что некоторые так крепко заперты, что их никто открыть не может. Сколько я ни добивался и ни требовал, чтобы их отворили, только зря хлопотали и деньги тратили. Я хочу тебя испытать. Если освободишь замок от злых духов, отдам тебе полкоролевства с этим замком и дочь замуж за тебя выдам, а после моей смерти и другая половина королевства к тебе перейдет, потому что у меня нет наследника.

Задумался Янко, но в конце концов, полагаясь на своих собак, согласился. Только условием поставил, чтобы ему слугу дали, который дрова таскал бы и другую помощь оказывал. Король велел Матею в наказание за наговоры слугой Янку быть. Тот уперся было, но все-таки пошел, после того как король смертью ему пригрозил.

Вечером набрал Янко свечей и отправился в замок. Пришел, свечи зажег, потом вынул кости, стал играть. А Матей должен был огонь развести. Через некоторое время оглянулся на очаг Янко, видит: дров нет. Послал он Матея за дровами. Как ни горько тому было, послушался. Ждал, ждал его Янко, тот все не возвращается. Пошел Янко искать его и нашел с охапкой дров в руках: стоит, прислонившись к стене, а голова отрубленная между ног положена. Взял Янко дрова, и хоть бы что: развел огонь, сидит, греется. В полночь послышался из дымохода голос:

— Ай, ай, мне холодно, холодно!

— Коли тебе холодно, иди погрейся, — ответил Янко.

Никто не ответил. И так три раза. В третий раз из дымохода ветром повеяло, и оттуда упала огромная нога. Янко поставил ее в угол. Потом другая, и за ней по очереди все части тела. Янко все их в кучу покидал. Вдруг все они поднялись, и перед ним выросла огромная страшная фигура, вся костяная.

— Чего тебе надо? — закричала она. — Как ты смел сюда прийти?

— А тебе чего надо? — ответил Янко. — Чего ты тут шляешься?

— Я хозяин этого замка. Как ты смеешь на моем очаге огонь разводить?

— Да тебе ведь холодно. Вот и погрейся.

Скелет согрелся, а потом как обхватит Янка во круг пояса, — совсем было его задушил. Да собаки выручили. Стали они скелет грызть, и он пощады запросил.

— Отпусти, — говорит, — меня. Больше не приду.

Отпустил его Янко и, словно после трудной работы, улегся на шелковую постель, а собак перед собой на шелковых подушках уложил.

Через некоторое время раздался стук в двери, которые были заперты; потом повеял ветер, двери распахнулись, и в комнату вошел скелет. Он накинудся на Янка и стал душить его. Янко крикнул собакам, и те впились в скелет. Тот опять стал просить, чтоб Янко отпустил его, обещая, что больше не вернется. А когда Янко исполнил его просьбу, он потихоньку вытащил веревку из сумки, которую Янко всегда с собой носил, и пропал.

Янко опять лег. Через некоторое время скелет снова появился. Он держал в руке три ключа: один золотой, другой серебряный, третий стальной. Янко хотел собак на него натравить, но старик стал просить, чтобы Янко его не трогал, сказал, что он ему кое-что покажет, и позвал его с собой. Янко взял свечку и пошел за ним со своими собаками. Старик рассказал Янку, что замок принадлежит ему, что он не хотел отказывать его своему сыну за его жестокость и злобу и что ему все не удастся найти подходящего наследника. Теперь он отдаст его Янку, потому что Янко — хороший юноша, честный человек. «Но с условием, что ты его моему сыну не передашь», — прибавил старик.

Потом он ввел Янка в золотую и серебряную комнаты, где все было из золота и серебра. Третьим ключом отпер он калитку в большой сад, показал там Янку грушевое дерево и велел запомнить его. Потом долго водил Янка туда-сюда, привел в конце концов опять к этому дереву и велел ему на нем повеситься, сделав петлю из веревки, которая прежде у Янка в сумке была. «Теперь, — говорит, — ты все видел и, чтоб никому о том рассказать не мог, повесься!» Собаки были заперты. Встал Янко под грушевое дерево и попросил разрешения на дудочке поиграть. Только заиграл, прибежали собаки, набросились

на старика и до тех пор его рвали, пока он весь как деготь не растекся, — так Янко им приказал!

Крепко проспал до утра наш беззаботный Янко. Утром король послал слугу в замок. Тот прибежал обратно со страшной вестью, что Матей стоит, прислонившись к стене, а голова его лежит у него между ногами. Тогда король вызвал всех лесников, и они, вооруженные, пошли в замок. Там нашли они Янка, живого и здорового. Он рассказал все, как было. Сказал, что старик ему замок отдал, но потребовал, чтобы Янко тот замок королю не передавал. Ничего не поделаешь: пришлось королю выполнить свой договор с Янком. Отдал он ему полкоролевства и дочь за него выдал.

Вот раз поехал Янко с женой кататься. А собаки возле кареты бегут: одна впереди, две по бокам. Вдруг останавливают они коней, так что те шагу ступить не могут, и просят Янка, чтоб он им за верную службу головы порубил. Долго не хотел он исполнить их просьбу, да видит, что иначе ему с места не сдвинуться, и сделал по-ихнему. А из собачьих тел три голубки выпорхнули и полетели через горы, через доли.

Рассказала королевская дочка своему отцу об этом: она зла была, что ее за лесника выдали. А король уже давно на зятя зубы точил.

Велел он его в темницу посадить, а потом повесить. Но голубки зоркие были: летая над отцовским домом, увидели они, что Янко в беду попал. Полетели обратно, опять собаками обернулись и злого короля с дочерью растерзали. Народ обрадовался, Янка королем поставил. Янко женился на другой королевне, собак у себя оставил, отца их тоже к себе взял и до сих пор царствует, коли не помер.

ПРОРОК

У одного плута-крестьянина ничего в хозяйстве не осталось, кроме коровы. Из-за глупой жены своей он все спустил, что имел. «Продам и корову, — решил он. — На что она мне? Все равно моя бездельница-жена скоро отучит ее есть, а за шкуру ничего не удастся выручить. Да, но что же мы без коровы делать будем? Эх, да что тут долго раздумывать! Найдется, я думаю, и для меня какое ни на есть ремесло, которым прокормиться можно».

Сказано — сделано: погнал он корову на базар. А жена увидела и кричит:

— Смотри, коли продашь, купи мне юбку. Хоть какую-нибудь узкую!

— Ладно, ладно. Я и сам думал чем-нибудь разжиться! — крикнул в ответ крестьянин откуда-то уже с другого конца деревни.

Только пришел на базар, тут же и продал корову. Купил календарь. Ну, и гуску жареную. То и другое

сунул в сумку, а остальные деньги пропил. Пил целые сутки.

Дома жена растопила печь, согрелась возле нее как следует и решила, что коли так тепло, на что ей старая юбка: все равно муж новую принесет. Сняла она эту рвань да и кинула в печку. И не только юбка в печи истлела, но весь огонь погас, а сама печка и горница выстудились, пока муж где-то там вино потягивал. А жена дома тряслась теперь от холода в рваной рубашке, которая на ней еще осталась. Наконец вернулся муж. Только он дверь отворил, жена ему из-за печи кричит:

— Милый муженек, давай скорей юбку.

— Какую юбку? Я никакой юбки не покупал.

— Как же так? Я ведь тебе кричала, чтоб ты купил мне хоть какую-нибудь узкую.

— Я и пришел с гускою. И тебе дам, только замолчи!

Да и что же ей оставалось делать, как не молчать, забившись под самый дымоход: разве могла она в своей рваной рубашке людям на глаза показаться? Спасибо, кинул муж хоть кой-чего пожевать.

А ему только и надо было, чтоб жена молчала: у него теперь завелась волшебная книга, в которой на все случаи свои знаки, черты да каракули имеются. Первым делом пустил он слух по деревне, будто угадывать может, куда девалась любая пропажа: идите, мол, все к новоявленному пророку! А волшебную книгу, календарь, поставил перед собой вверх ногами, потому что букв не знал; но делал вид, будто знает все книги, всю мудрость ложкой выхлебал. Долго никто не приходил. Но вот как-то раз, когда он так сидел за столом, входит к нему в горницу сосед.

— Соседушка... — начал было вновь пришедший.

— Экий ты невежа, — прервал его наш крестьянин. — Разве так входят к пророку? Выйди вон, постучись, как полагается, и, коли я скажу тебе «можно», тогда входи, снявши шапку. Потом уж начинай со мной разговаривать, да вежливо, по-господски.

Пришлось соседу выйти вон и вежливо, по-господски поклониться, а потом уж начать разговор.

— Пан пророк, пропала у меня пара волов. Не укажете ли, кто их взял? Я дам вам двадцать гульденов да мешок отборного, как золото, гороха.

— Вот видишь, невежа! Сразу надо было так поклониться, не дожидаясь, когда тебя научат. А теперь неси двадцать гульденов и мешок с горохом. Твои волы найдутся.

Сосед обрадовался так, словно волы были уже дома, и тотчас принес и горох и деньги.

— Подойди сюда, — молвил пророк, — и смотри, коли глаза есть. Вот этот кривоногий, — тут он показал фигурку в календаре, — отвязал их у тебя ночью. Но ежели до завтрашнего утра на место не поставит, вот увидишь, непременно на другую ногу охромеет, и тогда уж мы его зацапаем.

Молнией разнеслась по всей деревне весть, что пропавшие волы все равно найдутся и кривоногому плохо будет. А был это не кто другой, как хромым Якубко, с нижнего конца. Прибежал он, задыхаясь, к пророку, постучался, как следует, поклонился и говорит:

— Пан пророк, пан предсказатель, вы дома?

— Дома. Чего тебе надобно, лукавая душа? — спросил пророк.

— Эх, что душа! Душа сама не рада была; во всем тело виновато. Я, знаете, насчет тех двух волов пришел, чтобы мне хуже не было.

— А что дашь, чтобы хуже не было?

— Ах, я готов столько же дать, сколько ваш сосед вам дал. Только чтоб уж все хорошо было.

И все получилось хорошо. Деньги да горох были у пророка, а волы к утру — на месте. Так понемногу то у одного, то у другого стали находиться пропавшие вещи, а у пророка наполнялись кошелек и кладовая. Жену он хорошо кормил, только юбки ей все не покупал и не покупал, даже узкой. «Пусть лучше сидит за печкой, — думал он, — а то как бы мне в моем ремесле не навредила». Но ей это надоело, хоть и лакомилась она у себя за печкой и гусятиной, и поросятиной, и всем прочим, чего только ни приносили пророку.

Раз пропал у владелицы замка золотой обручальный перстень. И никого не находилось, кто бы знал, где его искать. Прошел слух, что госпожа обещает сто гульденов тому, кто перстень найдет, а того, кто его похитил, ждет смерть на колесе. Потом явился к нашему пророку слуга из замка. Он тоже вошел прямо в горницу и сказал, что

коли тот пророк, так должен знать, что пропало у барыни, и найти ему вещь.

— Что у твоей барыни пропало, я знаю лучше тебя, — ответил крестьянин. — А ты — невежа неотесанный, коли не знаешь, что прежде должен поклониться пророку.

И выгнал его вон. Только после того, как слуга вежливо постучал в дверь и поклонился, наш пророк принял его. Да и объявил:

— Высокородной пани должно быть известно, что пророк к таким господам пешком не ходит. Коли она желает меня видеть, пусть пришлет за мной карету.

Барыня послала, и пророк прибыл в замок, гордо восседавая в карете и держа перед собой открытый календарь. Он потребовал, чтобы ему отвели отдельную горницу и дали неделю времени, в течение которой кормили бы его самыми тонкими блюдами и поили самым лучшим вином, пока он не вычитает, где находится перстень. Барыня согласилась: она и так была главной в доме, а тут еще пан уехал на неделю. Наш пророк ел, как паук, наливался вином, как бочка, и спал эту неделю за семерых! Но жене его дома за печкой не больно сладко было: и холодно и голодно. Нужда кого хочешь расшевелит, расшевелила и ее. Пошарила она, нет ли чего поесть, потом, хоть и в одной рубашке, вышла из дому и пустилась прямо к замку, за мужем. А тому парню, который за пророком ходил, больно хотелось хоть чем-нибудь ему насолить: он ее и впустил. Что же пророку было делать? Стал он ее ласково уговаривать, чтобы она молчала, говорил, что тут она досыта наестся, что кушаний подадут без счета на стол.

— Вот уж первый идет! — сказал он, увидя на лестнице лакея, несущего первое блюдо.

Тот услышал эти слова и задрожал, потому что он был один из похитивших перстень и подумал, что пророк не иначе, как о нем говорит.

Когда появился другой лакей со вторым блюдом, пророк опять воскликнул:

— Милая женушка, вот и второй!

И этот тоже задрожал от страха. Наконец появился третий лакей с третьим блюдом. Пророк опять:

— Ну, не говорил ли я тебе, что явится и третий!

Третий лакей не успел даже блюдо на стол поставить, — упал перед пророком на колени:

— Ах, что уж тут скрывать, коли вам все известно! Да, это мы трое украли перстень. Что было делать, коли он так плохо лежал? Мы просим вас только об одном: устройте как-нибудь так, чтобы нас не выдать. Понятно, не задаром. Уж мы наскребем сотенку-другую гульденов. А пани и тому будет рада, что перстень нашелся до возвращения пана.

— Да, я сразу подумал про вас, — провещал наш пророк важно, на манер священника. — Но совсем ясно это стало мне только сейчас, когда вы нам ужин подавать стали, и я, вас же жалеючи, заговорил об этом и заставил в своем грехе признаться, потому что завтра уж было бы поздно. Беда стряслась бы. Да и стряжется, коли не сделаете, как я говорю: деньги сейчас принесите сюда, а утром дайте проглотить перстень самому большому индюку на дворе. Об остальном я уж сам позабочусь.

Деньги были тотчас принесены. Теперь оставалось только ждать, что будет утром. Но наш пророк спал спокойно.

А утром все чуть не разладилось из-за того, что барыня долго не позволяла резать самого красивого индюка: как это мог он схватить ее перстень?

— Да уж в другом месте нигде его не найдете и никак до него иначе не доберетесь, — говорил пророк. — Знаки врат не станут!

Наконец она согласилась скрепя сердце. И вот золотой перстень оказался у индюка в зобе. Барыня тотчас отсчитала пророку сто гульденов, чтобы он только скорей уходил, пока пан не вернулся.

— Ухожу, ухожу, — сказал пророк. — Только как же быть? Мне ведь стыдно идти среди белого дня с этой вот, которая пришла сюда вечером в одной рваной рубашке.

Тогда барыня приказала отдать жене крестьянина самое красивое свое платье, и пророк гордо зашагал со своей гордой супругой к воротам замка.

Но тут навстречу им пан. Остановил их и спрашивает, что это такое. Кто эта особа, раздетая в лучшее платье барыни? Скрывать было невозможно. все само вышло наружу.

— Ну, коли ты такой пророк, испытаю тебя и я! — сказал пан, когда ему все рассказали.

И устроил большой пир. Хозяева замка пригласили других господ в гости: индюка все равно уж зарезали! На стол подали двенадцать кушаний в открытых мисках, а тринадцатое в закрытой. Это было кушанье, которое пан с собой привез, и в этом году его еще ни разу не подавали. Пророк должен был отгадать, что это такое. Но он не знал.

— Отгадывай скорей! — стал торопить его пан.

Тот видит, что попал в переделку, и тяжело вздохнул:

— Эх, Рак, Рак! Плохо твое дело!

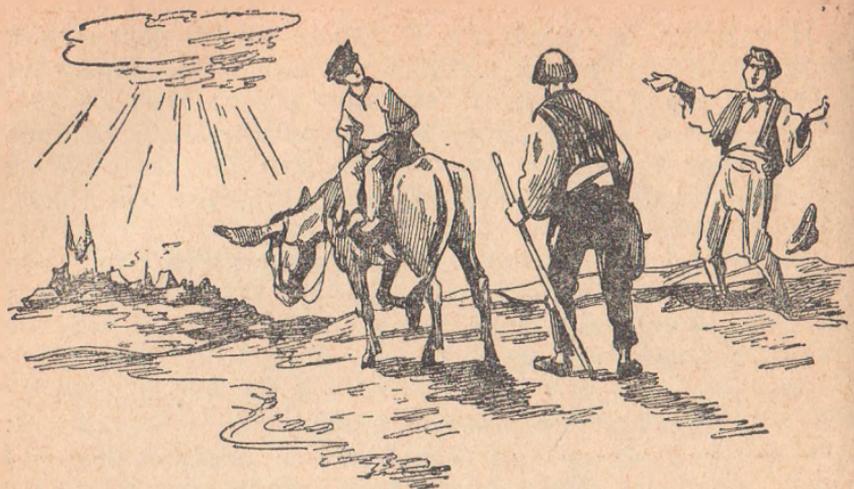
Это фамилия его была такая — Рак.

А пан в ответ:

— Молодчина! Ну, просто молодчина!

И открыл миску: там был большой морской рак, вареный докрасна. Все просто глаза раскрыли от удивленья, — не знаю, на красного ли рака, или на мудрость пророка. Известно только, что каждый из панов пожертвовал пророку по сто гульденов, и его велели отвезти со всем добром домой, потому что мудрости пешком ходить не пристало.

Теперь уж было у него на что завести хозяйство. Только с женой пришлось ему еще не раз выдержать потасовку, хоть она и получила новую юбку, да притом уж не узкую. Но в конце концов он передал ей частицу своего ума, и они стали жить более дружно. А как он это сделал? Хороший пророк и человек опытный знает, что для этого требуется.

НА ВСЕХ НЕ УГОДИШЬ

То, о чем мы расскажем, случилось очень давно в одной маленькой деревушке возле Татр, откуда видно и Герлаховку, где так хорошо полотно белят. Лет пятьдесят тому назад поехал хожельский мельник на ярмарку в Сobotы купить себе кой-чего для дома: мельница его была далеко от деревни, возле леса; потому что в деревне нет такого ручья, который мог бы мельничное колесо вертеть; там только из родничка маленький ручеек на восток, к «швабам» бежит: ручеек тот, вместе с другими водами, доходит до Черного моря. А из другого родника ручей бежит лугами на запад, к Сторожа́м, от Сторожей к Попрадову паду, а оттуда до самого Ледяного моря на севере.

Мельник взял с собой сына, лет тринадцати — четырнадцати мальчика, и посадил его на осла. Мальчик ехал впереди; осел был старый и медленно переставлял под ним ноги, а мельник, тоже уж старый мужик, потихоньку шел сзади, опираясь на палку.

Так вышли они на большую дорогу. И попался им навстречу какой-то шутник. Увидал он, как они еле-еле шагают, и кричит:

— Славное дело! Осел с мальчишкой впереди, а старик сзади плетется...

Мельник ничего не ответил, но, когда насмешник скрылся, прошел вперед и повел осла за собой. Только сделали они несколько шагов, — навстречу им сильно подвыпивший крестьянин. Хлопнул себя по бедрам, заржал:

— Ха-ха-ха! Вот так комедия! Один осел другого ведет. Этого молодца надо долой с осла: пускай бежит, а сидеть старик должен. Счастливый вам путь, господа, тому и другому!

И повалился возле дороги, да и остался там лежать. А мельник с сыном продолжали свой путь. Потом мельник сказал:

— Слезай, сынок! Я что-то устал.

И сел на осла; так они почти до самого города добрались.

Только стали спускаться под гору, догнали их женщины, которые тоже на ярмарку шли. Одна пожалела мальчика бедненького за то, что ему приходится пешком идти, другая — осла, что он должен мельника на себе тащить, так что колени подгибаются. Мельнику крепко досталось. Мельник все терпел, только головой качал, но скоро слез с осла и повел его порожняком за собой.

Потом встретился им гусар, который сильно шпорил коня.

— Ну, таких дураков — дьявол вас возьми совсем — я в жизни не видал: иметь осла и пешком идти. Уж не знаю, то ли тебя, усатого, то ли обоих вас за ослов считать?

Ругнулся еще раза два — да и след простыл.

— Сядем вместе на осла, сынок, ни черта ведь с ним не делается.

Посадил мельник парнишку впереди и сам на осла вскарабкался. Осел теперь еле ноги волочил, а с ярмарки уже целая толпа народу возвращалась. Вся долина смехом огласилась, когда люди увидели, как наши всадники гарцуют.

— Далеко ли путь держите? — спросил один из встречающих

— Видно, из Иерусалима в Эммаус перебираетесь? — крикнул другой.

— Не скорей ли будет пешком? — заметил третий.

— Так у вас осел на дороге сдохнет. Коли хотите, чтоб он жив остался, сами его на руки возьмите, — издевался четвертый.

И прошли, не слушая, что бормочет себе под нос мельник. Вдруг у осла ноги подкосились.

— Ей-ей, тятя, сейчас он сдохнет, — сказал паренек. — Давай слезем, чтобы нам хоть как-нибудь без беды в город попасть. А то ярмарка кончится, пока мы дотащимся.

В конце концов осел лег, и они уже никак не могли его с места сдвинуть.

— Видно, в самом деле придется нам его, как тот говорил, себе на плечи взвалить, чтобы хоть до города добраться; а там он отойдет.

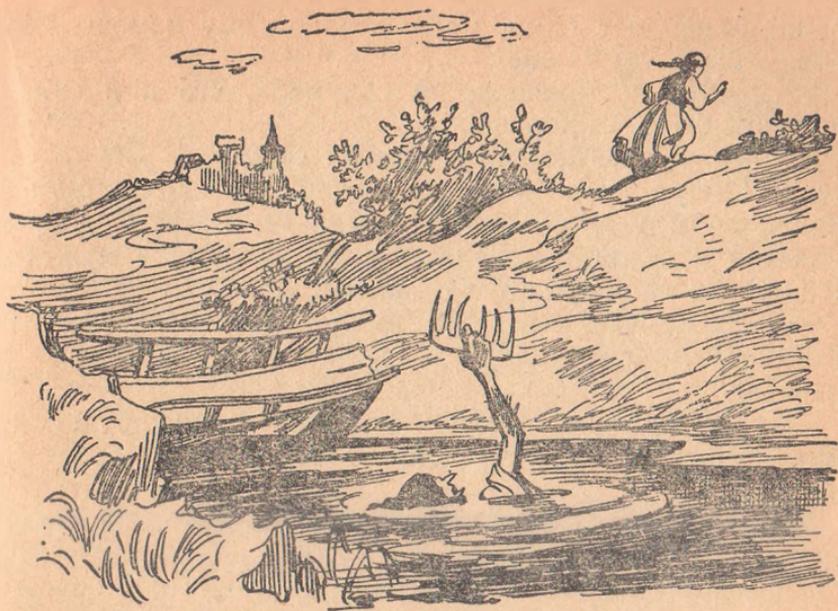
— Не беда, дотащим!

Парень вынул из сумки веревку, связал осла ноги, продел дубину, и взяли они его на плечи. Упарились оба, но тащили, пока ноги двигались.

Как раз шли из Попрадова туда же на ярмарку вербовщики в армию. Увидев мельника и мальчика с ослом на плечах, вербовщики обступили их и дернули плясовую. Сбежалось множество народа, и загремел такой смех, что струны чуть не полопались.

— Таких дураков, как вы, мне еще встречать не приходилось, — объявил капрал. — Да я бы лучше его вон туда в воду бросил, чем так тащить. Все равно он у вас до вечера не протянет.

Не выдержал мельник, мигнул парню. Кинули они осла в воду — в ту лужу, которая из Попрада на дорогу выступала, потому что под мостом ей мало места было. И пошли в город купить, что нужно. А осел очнулся, отдохнул, напился воды, попасса на травке и совсем ожил. Вернувшись из города, отец с сыном положили на него мешок с покупками, и он как ни в чем не бывало донес тот мешок до дому. Но уж ни отец, ни сын больше на осла не садились.

ДАЙ БОГ ТЕБЕ СЧАСТЬЯ, МОСТИК!

У одного вдовца была дочь. Она часто ходила в соседний дом то попрясть, то для какой другой работы, как у девчат водится. Там, у соседей, у нее подружка была, дочь вдовы. И не обращала девушка никакого внимания на разговоры о том, будто мать этой подружки — колдунья. А та всегда была с ней ласкова, будто с родной дочерью. Сладких ли лепешек напечет, другое ли что в доме у них заведется, всегда она обеих девушек этим поровну наделяла. И наша девица так ее любила, словно та ей родной матерью была.

Раз пришла дочь вдовца на посиделки: сели обе девицы за прялку и начали прясть. Баба-яга, как будто невзначай, подмигнула им и промолвила:

— Как бы хорошо было вам, детки, в одном доме жить да всегда вот так вместе сидеть! Будто две сестрицы! Ты бы, милая, отцу шепнула: что он все один да

один? Живи я с вами, могла бы по дому помочь. Вам обоим было бы лучше.

Девушка промолчала, но подумала, что и в самом деле это было бы хорошо.

А вернувшись домой, и говорит отцу:

— Отчего ты не женишься, отец? Тебе была бы помощь, да и у меня, сироты, была бы мать. С доброй мачехой я жила бы душа в душу. Возьми замуж соседку; она со мной всегда такая ласковая.

— Ах, дочка, — ответил отец. — О нашей соседке толкуют, что она колдунья. Ну, разве такая годится в мачехи?

— Да ты уж только женись. А она будет ко мне ласковой. Мало ли чего не толкуют! Все это неправда.

И уговаривала отца до тех пор, пока тот не посватался. Но что же вышло? Не успели свадьбу сыграть, стала мачеха донимать падчерицу, да так, что и описать невозможно. Всякую работу заставляла ее делать, отдыху не давала с утра до вечера. И не кормила, как следует: в один горшок с собакой кое-каких объедков ей кинет, да лепешек из золы напечет; а вместо платьев обноски ей отдавала, которых ее родная дочь уж носить не могла. Родную-то дочку она, понятно, не обижала! Та у нее всегда нарядная, как пава, ходила — с карманами, полными сдобных булок и всякой сладкой снеди. Но дочь была такая же злая, как мать. Приходила к падчерице и, глядя, как та трудится, начинала скалить зубы, сытая, нарядная:

— Посмотри, какое у меня красивое платье! А на тебе одни лохмотья. Видишь, какие я ем вкусные лепешки? Думаешь, дам? И не подумаю!

Ну, могла ли бедная падчерица этого ждать от своей недавней милой подружки?

После таких речей она всегда горько плакала; сердце у нее просто разрывалось от обиды. Шла к колодцу и там исходила слезами.

Как-то раз увидел отец, что она там плачет.

— Видишь, дочка, — сказал он. — Ведь я был прав, когда говорил, что она не будет тебе доброй мачехой. Но теперь ничего не поделаешь. Уж терпи, пока сам господь-бог этого не изменит.

— Да, ты был прав, отец. Я сама виновата, что ни о чем не догадывалась, — ответила дочь. — Но сама и поправлю дело. Пойду искать по свету какой-нибудь работы.

— Ну, что ж, ступай, коли думаешь, что так лучше будет, — ответил отец.

Стала она в путь-дорогу собираться. Попросила мачеху, чтобы та ее снарядила, как полагается. Мачеха обозлилась: как же ее снаряжать? Чего ей еще не хватает? Разве она плохо одета? Или у нее нет рук, чтобы заработать, что нужно? Так и не дала ей ничего, кроме того тряпья, которое на ней было, да несколько лепешек из золы напекла. И девица пошла, куда глаза глядят.

Шла она, шла и пришла к реке. А через реку мостик переброшен.

— Дай бог тебе счастья, мостик! — поздоровалась пугница.

— Дай бог счастья и тебе, девица! — ласково ответил мостик. — Куда ты идешь, куда?

— Иду службу искать.

— Ах, переверни меня, переверни на другой бок, — попросил мостик. — Уж много лет все ходят только по этому боку, и никто не догадается перевернуть меня на другой. Переверни; я тебе отслужу.

Девица перевернула мостик и пошла дальше. Шла, шла и встретила вшивую собачонку.

— Дай бог тебе счастья, собачка! — поздоровалась девушка.

— Дай бог счастья и тебе, девица! — ласково ответил песик. — Куда ты идешь, куда?

— Иду службу искать.

— Обери с меня вошек, — попросила собачка. — Сколько уж народу мимо прошло, а никто надо мной не сжалился. Я тебе отслужу.

Девица хорошенько ее обчистила и пошла дальше. Долго ли, коротко ли, подошла она к старой груше.

— Дай бог тебе счастья, грушенька! — поздоровалась она с деревом.

— Дай бог счастья и тебе, девица! Куда идешь, куда?

— Иду службу искать.

— Ах, стряси с меня груши, стряси. Мне уж их держать не под силу, а никто не срывает... Я тебе отслужу.

Путница хорошенько потрясла и всю грушу и каждую ветку на ней, так что дереву гораздо легче стало. Потом пошла дальше. Шла-шла и видит: на зеленом лужку бычок пасется.

— Дай бог тебе счастья, бычок!

— Дай бог счастья и тебе, девица! Куда идешь, куда?

— Иду службу искать.

— Выведи меня отсюда! Сколько уж лет я тут пасусь, а никто за мной не приходит. Я тебе отслужу, — попросил бычок.

Вывела она бычка с этого луга и пошла скорей дальше. Шла-шла, видит: печь, а в печи неугасимый огонь горит.

— Дай бог тебе счастья, печка!

— Дай бог счастья и тебе, девица! Куда идешь?

— Иду службу искать.

— Ах, выгребни из меня огонь. Сколько уж лет он меня жжет, а никто его не выгребет. Я тебе отслужу.

К печи была прислонена кочерга. Взяла ее путница, выгребла огонь из печи и — скорей дальше: столько ей в дороге дел переделать пришлось, что большая задержка вышла.

* * *

А дальше путь шел густыми лесами. Шла она, шла теми густыми лесами, старыми дорогами. Кругом — ни души. Вот, наконец, видит: маленький лесок. И в том леску одинокая избушка. Вошла она в избушку: и там — никого, только какая-то старуха.

А была та старуха сама Баба-яга.

— Дай бог тебе счастья, хозяйка! — поздоровалась девица.

— Дай бог счастья и тебе, девица! Куда же это ты одна бредешь, куда?

— Иду службу искать. А что, если б я к тебе попросилась, ты меня не взяла бы?

— Что ж, возьму. И ничего тебе делать не надо, кроме как эти вот одиннадцать комнат подметать... Только вон в ту, двенадцатую, никогда не заглядывай!

— Как скажешь, так и буду делать, — ответила девица и, только с дороги немножко отдохнула, сейчас же за работу принялась.

Подметала она, подметала изо дня в день одиннадцать комнат, но войти в двенадцатую ей и в голову не приходило. А все-таки больно чудно казалось, отчего это туда даже заглянуть нельзя! Думала она, гадала, что бы там такое могло быть, но так и не догадалась. Потом стала думать, как бы ей разузнать об этом. И в конце концов решила хоть одним глазком посмотреть, что там такое.

Вот раз Баба-яга пошла куда-то в костел. Наша девица только того и ждала. Когда решила, что Баба-яга уж где-нибудь в костеле и устроилась там удобно, кинула она метлу в угол, потихоньку подкралась к дверям и приоткрыла их так, чтоб одним только глазком внутрь заглянуть. Видит, посреди комнаты три большие кадки стоят.

— Что же может быть в этих кадках? — спросила она себя.

Отворила дверь побольше и увидела: в одной червонцы, в другой серебро, в третьей золото. Больше ей уж там нечего было делать, но — словно кто ей шепнул, — подбежала она к золоту, окунулась в него вся и позолотилась.

— Хоть память, — говорит, — останется.

Она решила, что брать ничего не надо. И бросилась бежать, что есть духу!

Худо ли, хорошо ли, только вернулась Баба-яга из костела домой. Видит, комнаты не подметены, двери в двенадцатую распахнуты, по всему полу золото разлито. Поняла она, что случилось. Схватила железные гребешки, села верхом на мялку для льна и — айда за девицей!

Уж совсем ее возле печи догнала, да печка пропустила беглянку, а сама, как только Баба-яга примчалась, взяла да развалилась и весь огонь на старуху выкинула. Огонь жаркий был! Мялка у Бабы-яги дотла сгорела, сама она от жары без памяти упала, и всю ее опалило. А наша позолоченная девица далеко убежала.

Пришлось Бабе-яге дальше на своих на двоих бежать. Возле бычка опять она девицу догонять стала, да кричит ей противным голосом:

— Ах ты, такая-сякая! Погоди, вот я с тебя всю позолоту этим гребешком сдеру.

Но бычок пропустил девицу, а на Бабу-ягу, рога наставив, кинулся. И загнал ее бог знает в какую даль.

Пробежала наша девица часть пути. Возле груши Баба-яга опять за ней по пятам гнаться стала. Но дерево взяло и свалилось на Бабу-ягу, да чуть-чуть ее не задавило.

Когда Баба-яга вылезла из-под груши, девица была уже возле собачки.

— Ах, милый песик, помоги мне! — взмолилась она, потому что Баба-яга опять уж ее настигала. Собачка была теперь крепкая, проворная. Она выскочила навстречу Бабе-яге, изорвала на ней одежду и искусала ее.

Девица что есть мочи побежала дальше.

Оглянулась, только когда мостик перебежала. Теперь, слава богу, она была за рекой. Глядит, а Баба-яга уж на мостик взошла. Но только взошла, мостик под ней нарочно перевернулся, и Баба-яга бултых в воду по самые уши! Стала она тонуть, а все кричит вслед убегающей:

— погоди же ты, обезьяна негодная! Только до тебя доберусь, всю кожу сдеру. Видишь эти гребешки?

Но напрасны были все ее проклятья и угрозы: перебраться через реку она побоялась.

Наша золотая девица уже подходила к дому. Подходит и слышит — на отцовском дворе петух запел:

Кукареку!
Миновала реку!
Наша княжна
Скоро прийти должна.
Позади звон,
Впереди трезвон!

Но золотая девица не пошла в дом: мачехи побоялась. А пошла она к колодцу, где прежде плакала. Пришла и села возле него. Увидела ее там мачехина дочка, побежала скорей к матери:

— Мама, мама! Та-то ведь со службы уж вернулась, и кабы ты видела! Вся в золоте!

— Что ты врешь?

— Верно говорю: у колодца сидит.

Побежала мать к колодцу. И, хитрая такая, притворилась ласковой, стала звать падчерицу в дом. А все ради того, чтобы разузнать, где та была и как бы дочке

тоже озолотиться. Только падчерица вошла в комнату, все кругом так и засияло. Тут мачеха стала еще приветливей, осматривает ее со всех сторон и превозносит до небес, а свою дочь ну бранить и ругать:

— Вот видишь, видишь! Кто по свету походит, тот всегда чего-нибудь раздобудет. А ты только и знаешь дома торчать. Шла бы, красавица, в люди, чтобы из тебя что-нибудь вышло!

— Что ж, — отвечала дочь. — И пойду. Почему бы мне не пойти? Только пусть расскажет, куда идти-то.

Падчерица подробно рассказала ей, куда. А мачеха собрала родную дочь в дорогу, да не так, как падчерицу собирала. Напекла ей сдобных булок, велела одеться во все новое и пошла далеко провожать. Да еще батожок сама несла. А та шагала гордо, идя поступать на службу, за которую ее должны озолотить.

Шагала она, шагала и подошла к мостику. Но не стала с ним здороваться и ничего ему не сказала. А когда мостик попросил перевернуть его другим боком, потому что с этого уж очень его потоптали, она ответила:

— Больно нужно мне с тобой возиться!

Пришла к тому месту, где собачка лежала. Попросила собачка ее почистить и обещала отслужить. Но белоручка ответила, что до такой вшивой дряни не дотронется. На грушу и не взглянула. Бычка, только завидела, подальше обошла. Пришла к печи. Печь и на этот раз жарким огнем горела. Стала она просить девицу, чтобы та, ради бога, не дала ей сгореть: я, мол, тебе отслужу. Но девица притворилась глухонемой. Наконец пришла в лесок, к той самой избушке. Вошла в дом, видит: Баба-яга за столом сидит.

— Дай бог счастья, хозяйка! — поздоровалась.

— Дай бог и тебе счастья, девица! — ответила Баба-яга. — Куда путь держишь?

— К тебе пришла. Возьми меня на службу.

— Отчего ж не взять? Будешь у меня одиннадцать комнат подметать. Только вон в ту, двенадцатую, смотри, не заглядывай, а не то тебе не сдобровать.

— Ладно, ладно, хозяйка. Уж как-нибудь сделаю.

И с этими словами расположилась, как дома.

Подметала она, подметала одиннадцать комнат и все никак не могла дожждаться, когда же Баба-яга из дому уйдет. Вот раз та пошла в костел. Мачехина дочь —

шмыг! — прямо в двенадцатую комнату. Как увидела золото, бросилась к кадке и вся, как есть, в него окунулась, чтобы можно было и из волос и из платья потом его выжать. Да вся мокрая давай бог ноги!

Вернулась Баба-яга, видит: золото по всем комнатам разлито и разбрызгано.

— Ну, погоди же, негодная! — закричала. — Покажу я тебе, как в запретную комнату входить!

Схватила гребешки, на ноги железные сапоги надела, в которых — что ни шаг, то миля позади остается.

Прибежала девица к печи, — печь весь огонь на нее и выкинула, так что добрая половина золота растопилась. Добежала до бычка, а он стал ее бодать и становиться ей поперек дороги. Догнала тут ее Баба-яга и содрала с нее все золото гребешками. Потом отпустила, а золото собрала. Пока собирала, девица успела до груши добежать. Груша повалилась на нее и придавила ее ветвями, так что она выбраться из-под нее не могла. Баба-яга опять ее настигла и содрала с нее почти всю одежду. Но не легче девице стало, когда она ее отпустила: выбежала на дорогу собачка и давай ее кусать. Тут опять примчалась Баба-яга и стала ее скрести; последние лохмотья содрала. Когда же мачехина дочь, наконец, на мостик взбежала, тот под ней перевернулся, и она очутилась в воде. А Баба-яга еще и в воде поскребла ее — на смех.

Горько плача, вылезла мачехина дочь из воды и, вся ободранная, поплелась дальше, еле ноги волооча. Как к дому стала подходить, петух запел у них на насесте:

Кукареку!
Миновала реку!
Наша княжна
Скоро прийти должна.
Мокрая, грязная,
Неряха безобразная!

К матери идти она побоялась. Пошла к колодцу и там стала причитать:

— Ах, я бедная, несчастная! Вот что выслужила, вот в какую беду попала! Как мне теперь людям на глаза показаться?

Мать услышала ее голос, но о несчастье она и не думала. Прибежала радостная.

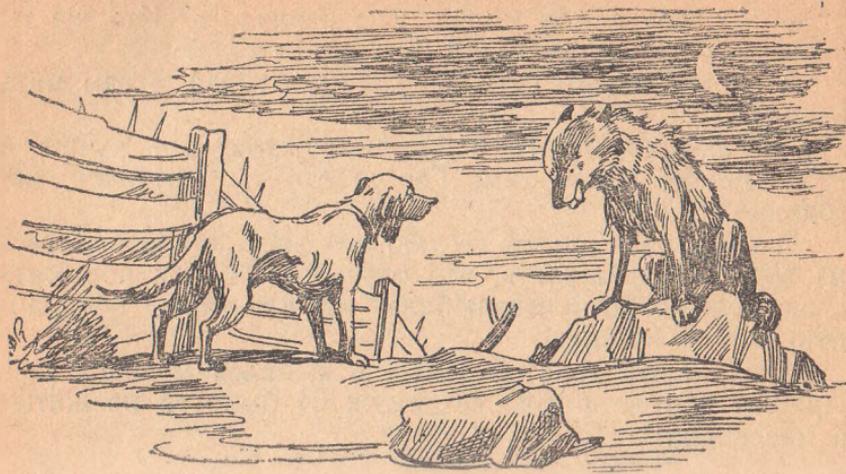
— Ах, дочка моя милая, уже вернулась? Что же ты прячешься? Ну, показывай, что выслужила?

А на той ничего нет: вся как есть голая, в чем мать родила.

— Так-таки ничего и не выслужила? Да лучше б тебя громом убило там! Где ж это ты шаталась, негодница?

И принялась ругать ее так, что люди стали выбегать из ворот — спрашивать, что случилось. С тех пор мать свою родную дочь невлюбила: ну, кто такую ободранную замуж возьмет?

А на нашей золотой девушке женился молодой пан. Пришел к отцу и взял ее замуж. И было ей не житье, а масленица!

СТАРЫЙ БОДРИК И ВОЛК

У одного пастуха была собака по имени Бодрик. Много лет подряд и днем и ночью стерег Бодрик овец хозяина, да так хорошо, что волки подойти к загону не смели. Но что ж делать, коли Бодрик состарился, охромел и все зубы потерял?

— Старая собака только на свалку годна, — решил пастух. — Зачем кормить дряхлого пса, от которого никакой пользы?

Достал он себе молодую собачку, приласкал ее и пустил в загон.

Лежит старый Бодрик голодный на мусорной куче и горюет, что с ним так поступили. Настала ночь. Молодая собака вошла в шалаш и легла на постланном войлоке. А старый Бодрик спал чутким сном. И на этот раз он заметил волка. Хотел через плетень перепрыгнуть, да не мог: ноги ослабли, либо слишком голоден был. Печально улегся он, подумав: «Коли я ни на что не годен, пусть меня волк съест».

И не стал лаять.

Утром пришел пастух овец доить, а одной не хватает. И подумал он: «Эх, кабы старый Бодрик стерег, не унес бы волк овцы!»

Подозвал он старого Бодрика, приласкал его и накормил хорошенько. А старый Бодрик так и закружился около его ног, так и запрыгал от радости. Вечером не лег он ни на мусорной куче, ни в шалаше, а стал ходить вокруг загона: он знал, что куда волк раз приходил, туда опять придет. И волк на самом деле пришел, не ожидая опасности. Но на этот раз ему пришлось иметь дело с Бодриком.

— Чего тебе здесь надо? — спросил волка верный пес.

— Чего надо? Овцу надо! — ответил волк.

— Не дам, мерзавец! — зарычал Бодрик.

— А ты дай, мы ее с тобой разделим. Ведь хозяин тебя не кормит.

— У меня с волком один дележ: не допускать волчий грабеж! — возразил старый Бодрик. — Вчера хозяин не накормил меня, я был голоден и слаб; оттого-то тебе нетрудно было овцу утащить. Зато сегодня он хорошо меня накормил, я опять сил набрался и не дам тебе овцы.

— Ну коли не дашь, будем с тобой на поединке драться. Знаешь, что это такое? — рассердился волк.

— Что ж, коли тебе охота на поединке драться пришла, я готов. Вот только отстою на карауле у загона и сейчас же прибегу в лес. Там и подеремся, — ответил Бодрик.

Волк, зарывав, побежал в лес помощь скликать; он решил на этот раз со старым Бодриком покончить. Отыскал медведя с лисой и уговорился, что они ему помогут.

Бодрик хорошо знал волчий обычай. Он пошел в лес не один, а взял с собой супоросую свинью и старого кота. Это были давнишние его боевые товарищи. И сам-то он прихрамывал на одну ногу, да и они были уж не молоды. Но это были испытанные, верные друзья.

При виде их троих медведь с лисой страшно перепугались.

— Смотрите, братцы, — сказал медведь, — смотрите, как тот, передний, все время нагибается. Верно, камни собирает, хочет побить нас.

Собака просто хромала, а медведь подумал, что она каждый раз, как наклонится, так камень поднимет.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула лиса. — А другой-то так и рубит саблей на обе стороны.

Кот обмахивался хвостом, а лиса подумала, что это сабля сверкает.

Когда же до них донеслось хрюканье свиньи, они по голосу узнали, что она супоросая, а в таком положении свинья шутить не любит. Да и им самим было не до шуток: медведь забрался на дерево, а лиса спряталась в кусты.

Вошли приятели в лес, кот весело замурлыкал:

— Мур-мур-мур!

А лисе послышалось: «Вор, вор, вор!» Она подумала, что это он про нее. Не стала она дожидаться, когда он на нее бросится, выскочила из кустов и убежала.

Супоросая свинья захрюкала под тем деревом, на котором медведь сидел:

— Хрю-хрю-хрю!

А медведю послышалось: «Сдеру, сдеру, сдеру!» «Видно, она знает, что я наверху сижу, — подумал он, — и хочет корни подрывать, чтобы стащить меня отсюда». Она и в самом деле принялась упорно рыться своим рылом в корнях. Он не стал мешкать, соскочил с дерева, да и был таков.

Волк, видя, что он остался один, тоже удрал и был доволен уж тем, что шкуру целой унес.

А старый Бодрик залился лаем на весь лес. Он радовался, что товарищи помогли ему и прогнали хищников далеко-далеко. После этого ему жилось у хозяина хорошо до самой смерти.

ЗА ЗОЛОТЫМ ЯБЛОЧКОМ

В одной деревне, на самом краю, жила вдова, и были у этой вдовы три дочери. Раз пришел вечером в ту деревню нищий и стал ходить из дома в дом — ночевать просится. Только больно уж был он оборванный, никто его пускать не хотел. Под конец подошел он к тому крайнему дому.

— Пустите переночевать, матушка! — просит.

— Куда же я вас пущу? — отвечает вдова. — Мы ведь сами в этой лачуге еле умещаемся.

— Да мне только ночь переспать. Я хоть где-нибудь на лавке лягу.

Ну, она его и впустила. Перед сном постелила ему на лавке возле печи, и он проспал там до самого утра, пока не выспался.

Утром он первый проснулся. Поднялся с лавки, поблагодарил за ночлег и пошел. Старшая дочь по обычаю вышла за дверь проводить его и поглядела ему вслед, когда он по двору шел. А он вынул из сумки золотое

яблочко, и оно весело покатилося за ним со двора на улицу, с улицы в поле, с поля в лес.

Старшая — всюду за яблочком; хочет его схватить или хоть узнать: на что, мол, оно нищему? Да только яблочко всюду за стариком спешит, словно откуда-то сверху катится, и никак его не ухватишь. И вот остановились они среди леса на широком лугу перед замком. Тут нищий яблоко поднял.

— Дальше, — говорит, — некуда идти. Наконец-то ты моя.

И с этими словами повел ее в замок. Там он скинул нищенские лохмотья и превратился в здорового детину. Показал он девушке двенадцать комнат и говорит ей:

— Ты будешь эти двенадцать комнат подметать и обед мне готовить, когда я на охоту ходить буду. Только вон в ту, тринадцатую, не заглядывай. А если сделаешь это, я тебя убью. Теперь гляди: вот тебе ключи. Если будешь меня слушаться, — станешь мне женой, и нам обоим хорошо будет.

Хорошо либо худо — еще неизвестно. На другой день утром собрался черт будто на охоту и опять подробно указал, что ей делать. И прибавил:

— Вот тебе человечья голова. Приготовь ее мне на ужин: в меду свари.

Сказал и ушел.

Только тут девушка поняла, где она и что вокруг происходит. Но что ей было делать? Принялась она за работу. На широком лугу перед замком был колодезь, и она прежде всего пошла по воду. Стала черпать, глядит: прилетели три белых голубка и сели на сруб.

— Брызни на нас, — говорят, — этой воды немножко и дай нам попить. Мы тебе пригодимся.

— А ну вас! — огрызнулась она. — Я должна своему хозяину ужин готовить. Есть мне время с вами возиться.

Взяла ведро и ушла в дом. А голубки печально в другую сторону улетели.

Пришла она в дом, положила голову в горшок: пускай, мол, там варится. Но ей самой тошно стало.

— Кто ж это, — говорит, — такую гадость ест, хоть бы даже и с медом?

Потом подмела все комнаты — от первой до последней: комнаты были одна другой краше, полны золота и всяких драгоценностей.

«Что же может быть в тринадцатой, — подумала девушка, — коли в этих такая красота?»

И чем ближе она к тринадцатой комнате подходила, тем больше разбирало ее любопытство. Вот, подметая двенадцатую комнату, взяла она ключ от тринадцатой и отворила ее. Вошла и от изумления и страха чуть без памяти не упала. Чем дальше глядит, тем сильнее у нее колени подламываются. По стенам на гвоздях мертвые тела развешаны. А у дверей две бочки стоят. Но в комнате было темно, и девушка не разобрала, что в них такое.

«Верно, это и есть тот мед, в котором варить нужно», — подумала она и опустила палец в первую бочку. А в той бочке мертвая вода была. Только девушка палец намочила, он у нее и отвалился. От страха и боли она выдернула руку, заперла за собой дверь и убежала через все двенадцать комнат на кухню. Там кровь кое-как остановила и руку перевязала.

— Ах, боже мой, что мне теперь делать? — воскликнула. — Ведь он узнает, что я в тринадцатую комнату входила, и убьет меня. Как бы мне это утаить?

Тут она, как могла, следы крови на полу смыла и полотенцем вытерла. Потом поймала и зарезала цыпленка, чтобы сказать, будто порезалась при этом. И стала в страхе хозяина дожидаться.

Только увидела, что он идет, затряслась как осиновый лист. Вошел он, спрашивает:

— Ну как? Ужинать мне приготовила?

— Приготовила.

— А что у тебя с пальцем?

— Ах, ничего, — отвечает она. — Я только подумала: ну, зачем тебе такую гадость — голову эту есть. Дай, думаю, лучше цыпленка приготовлю. Да и порезалась.

— Ну да, — говорит. — Порезалась ты нечаянно. Но зачем ты входила в тринадцатую комнату? Теперь, раз ты меня не послушалась, я тебя к другим отведу.

Схватил он ее, утащил в ту комнату, убил и на гвоздь повесил.

Потом наелся и пошел за второй девицей. Поднялся из ложины, ходит по деревне от одного дома к другому,

переночевать просится. Но опять никто его не пустил, а вдова в страхе на замок от него заперлась. Но он подошел к окну.

— Хозяйка, — говорит, — смилуйтесь хоть вы: нигде меня ночевать не пускают.

— Что вы, что вы! Нам самим ночевать негде! — воскликнула вдова. — У нас в комнате так тесно!

— Да я и в сенях переночую, только бы под крышей. Пустите, пожалуйста!

Пожалели они его, пустили в сени. Но только наступил вечер, стал нищий дрожать; стонет и зубами стучит так, что ни мать, ни дочери заснуть не могут. И говорит средняя дочь:

— Ах, мама, давай уж пустим его в горницу. Я из-за него глаз сомкнуть не могу.

Позвали они его внутрь и положили возле печи на лавку.

Рано утром, еще до свету, слез нищий с лавки и пошел во свояси. Средняя сестра шмыг за ним — дверь затворить. А он и выпусти золотое яблочко из кармана. Она — за яблочком, хочет его схватить: из сеней на двор, со двора на улицу, с улицы в поле, с поля в лес, пока не пришла к тому проклятому месту, где он жил. Тут она вела себя не лучше старшей сестры, на другой же день была убита и повешена на гвоздь рядом с нею.

После этого в третий раз пошел нищий наверх, в деревню. Только завидели его издалека мать с дочерью, поскорей в хате заперлись, чтобы он до них добраться не мог. А он у них опять под окном встал и стучится.

— Ах, — говорит, — вы меня хоть от стенки не прогоняйте. Я тут под окошечком пристроюсь и мешать вам не буду.

Пожалели они его, оставили под стенкой. Вечером опять стал нищий дрожать от холода: охает, стонет и зубами стучит так, что они в горнице глаз сомкнуть не могут.

— Мама, — сказала младшая дочь, — уж давай пустим его внутрь, а то он у нас до утра замерзнет, и мы тут с ним беды себе наживем.

— Да, так с ним не заснешь. Впусти его. Только смотри: утром, когда он уходит станет, ни одним глазком не смей на него глядеть!

Утром, когда нищий уходил, мать сама за ним дверь заперла. Но младшая дочь выглянула одним глазком: видит — золотое яблочко по пятам у него побежало; выскочила за дверь и прямо за ним.

Она решила разузнать, где ее сестры и что с ними случилось, и не столько глядела на золотое яблочко, сколько все вокруг озиралась, так что хорошо заметила, какой дорогой они шли из деревни в поле и в горы, пока не забрели в какую-то глушь и не попали в его замок.

Тут он превратился в здорovenного детину.

— Ты моя, — говорит. — Никуда отсюда не уйдешь. Но не бойся, тебе тут хорошо будет. Только слушайся меня.

Потом показал ей все двенадцать комнат и объяснил, что она должна делать:

— Будешь эти комнаты подметать; только в ту, тринадцатую, даже через замочную скважину не заглядывай.

Стал он собираться — на охоту, мол, иду! — кинул ей человечью голову и говорит:

— Приготовишь мне ее на ужин, в меду сварив. Сделаешь все, как я говорю, — будешь моей невестой.

И ушел.

Стала она думать-гадать, что же из всего этого получится.

— Ну, — говорит, — сперва поставлю воду на огонь, чтобы она хорошенько закипела.

И пошла за водой к колодцу. Прилетели к ней три золотых голубка и сели на сруб.

— Брызни на нас своей водой, — говорят, — и дай нам напиться. Мы тебе пригодимся.

Она тотчас к ним повернулась и три раза той водой на них брызнула, а потом каждого взяла и клюв ему в ведро окунула. Они захлопали крылышками и говорят ей:

— Ну, девица, мы тебе службу сослужим, ты нас не бойся. Если бы твои сестры так же с нами поступили, как ты, мы бы и им помогли. Но их уже нет в живых. Ты смотри, коли хочешь живою быть и цела остаться, в тринадцатую комнату сегодня не заглядывай. А завтра утром опять приходи сюда за водой.

И голубки улетели.

Она взяла ведро с водой, — голову вариться поставила.

Потом все комнаты хорошенько подмела, но в тринадцатую и заглядывать не стала. Вечером пришел хозяин, будто с охоты. Видит, всюду чисто, подметено, крови ни следа. И ужин на столе.

— Ну, ладно! — говорит. — Будешь теперь моей невестой.

А между тем всю вареную голову сгрыз.

На другой день утром, уходя, велел он ей, чтобы она опять все так сделала, как вчера, и чтобы к его приходу приготовила для него и для себя хорошее угощение; теперь они будут уже вместе ужинать. Только он ушел, она побежала к колодцу за водой. Прилетели к ней три золотых голубя и заворковали:

— Брызни на нас водой и дай нам попить. Мы тебе пригодимся.

Она сейчас же к ним повернулась и три раза на них водой плеснула, а потом каждого в руки взяла и клювик ему в ведро окунула. Они захлопали крылышками и опять, как вчера, промолвили:

— Ну, коли ты об нас так позаботилась, мы теперь тебе все расскажем.

И рассказали ей, что она должна сделать, чтобы отсюда освободиться, а потом весело улетели.

Пошла наша девица за ключами и отперла тринадцатую комнату. Там стояли у дверей две бочки, полные водой. Она обмакнула палец в первую, с мертвой водой, и он у нее тотчас отвалился. Она его сейчас же в другую обмакнула, и он у нее сразу опять прирос: в другой бочке живая вода была. Сняла она своих сестер с гвоздей, окропила их сперва мертвой водой, потом живой — и они сразу ожили. Взяли они три ларца и наполнили их платьями, полотном, серебром и золотом — всем, что там было. Взяла она и мазь, которую в тринадцатой комнате на окне нашла, да еще травку. Травку ту себе оставила, а мазью натерла сестер, заперла их в те ларцы, отворила им окно, и они полетели домой. А она опять затопила печь, замесила из пряничного теста куклу с себя ростом и испекла ее в печи. Потом наставила на огонь горшков, будто в них разные кушанья варятся, а куклу посадила возле печи и дала ей большую ложку в руки, будто она кушанья мешает. Потом побежала к третьему ларцу, чтобы, той мазью натеревшись, в окно улететь. Только в это время черт уж по двору шел.

И побежал он прямо на кухню узнать, хороший ли ужин она ему приготовила. Увидел пряничную куклу возле печки, подумал: «Это жена» — и подбежал к ней, чтобы поцеловать. Стал он ее целовать, — видит, что сладко. Ему понравилось, и он всю ее съел. А для девицы это было счастье: иначе она не успела бы приготовиться. Пока черт после пряничной куклы пальцы себе облизывал, девица натерлась мазью, затворилась в ларец и в окно улетела. Черт скоро догадался, что случилось. Он страшно рассердился, что девица так его обманула, зарычал, принялся бегать по всему замку, все в нем вверх дном перевернул. Наконец взревел:

— Погоди, от меня не уйдешь!

Пошел он нарядным парнем к той вдовице и, словно совсем другой, начал к ней подлизываться; говорит, будто пришел какую-нибудь из ее дочерей в жены просить; только где, мол, они?

— Ах, — отвечает вдова. — Так и так, мои дочки за золотыми яблоками побежали.

А они в чулане спрятались, потому что хорошо знали, что будет.

Черт отвечает:

— Правда? Ну, они ведь могут еще прийти. Так я у вас побуду.

— Что ж, побудьте, — промолвила вдова.

Сварила она ему галушек, усадила за стол, принялась угощать. Только он в аппетит вошел, взяла гу травинку, что младшая дочь с собой принесла, и потерла у него над головой — черт сразу весь дектем растекся.

Так мать и дочери от него освободились и стали жить припеваючи.

КАК ЯЙЦО СТРАНСТВОВАТЬ ПУСТИЛОСЬ

Бак яйцо странствовать пустилось? Да сделало так, как все делают: покатилося кувырком, куда было легче катиться и где ему не попадался никто сильней его. Дело-то было давным-давно, так что уж не спрашивайте, как могло оно быть. Довольно того, что осталась об этом сказка.

Так вот, давным-давно пустилось яйцо странствовать и встретило рака.

— Ты куда идешь? — спросило оно его.

— А ты куда? — спросил он.

— Я странствую.

— Я тоже. Пойдем вместе.

Стало их двое, и они почувствовали себя смелее.

Шли они, шли, встретили утку.

— Ты куда идешь? — спрашивает яйцо.

— А вы куда? — спросила она.

— Мы странствуем. Идем с нами, нас будет трое.

Утка пошла. И стало их трое. Втроем еще лучше. Шли они, шли, встретили индюка.

— Ты куда? — спрашивает яйцо.

— А вы куда? — спросил он.

— Мы странствуем. Иди к нам в товарищи.

Индюк пошел. Стало их четверо.

Шли-шли, встретили коня.

— Ты куда? — спрашивает яйцо.

— А вы куда? — спросил конь.

— Мы странствуем. Пойдем с нами, будешь пятый.

Конь пошел. Стало их столько, сколько пальцев на руке.

Шли-шли, встретили вола.

— Ты куда идешь? — спрашивает яйцо.

— А вы куда? — спросил вол.

— Мы странствуем. Пойдем с нами: артелью оно верней.

Вол пошел. Стало их теперь уже шестеро.

Шли они, шли дружной артелью, встретили петуха.

— Ты куда идешь? — спрашивает яйцо.

— А вы куда? — спросил петух.

— Мы странствуем. Пойдем с нами, нас будет семеро.

Ладно. Пошли дальше семеро дружных товарищей.

Странствовали они, странствовали и зашли раз в темный бор. Застала их там ночь, и не знали они, куда идти; а голод так и сосет! Где найти приют? Куда податься? Было над чем умом пораскинуть! Но у яйца ума на всех хватало. Посылает оно петуха на высокую сосну. Петух сразу увидал оттуда далеко-далеко в темном лесу огонек. Увидал и радостно закукарекал.

— Ну, лети скорей в ту сторону, на огонь, — сказало яйцо. — Показывай нам дорогу, а мы пойдем за тобой. И пусть там хоть все черти собрались, а придется им нас накормить и приютить на ночь!

Петух полетел в ту сторону, и все пошли за ним, будто для них там было приготовлено угощение.

И пришли они к избушке, в которой огонек горел. Яйцо велело коню постучать в дверь. Тот постучал, — вышла оттуда старуха.

— Что вам надо? Чего вы здесь не видали? Уходите скорей подобру-поздорову, а то мои молодцы придут — в кашу вас всех перемелют.

— Ну, перемелют ли, нет ли, об этом ты не беспокойся, а лучше нам, семерым товарищам, поесть дай, — возразило яйцо.

— Чтоб вас всех нелегкая унесла! Стану я всяких бродяг да проходимцев кормить. Нет у меня для вас ничего! — закричала старуха.

Тогда яйцо велело волу поднять ее на рога и в лес отнести. Вол исполнил приказание, скинул ее там в яму и вернулся обратно.

Вошли приятели в горницу и видят: стоит стол на семь приборов, весь кушаньями уставлен. Потому что жили там семеро разбойников, и старуха им как раз хороший ужин приготовила. А разбойники уж приближались с шумом и гамом, так что весь лес гудел.

Как быть? Хорошая голова из любой беды выручит. Яйцо сразу сообразило, что надо сделать. Оно приказало петуху взлететь на насест, волу встать в сених, коню — в горнице за дверью, индюку сесть на печь, утке — под лавку, раку забраться в ведро, а само спряталось в горячие угли. Огонь они погасили.

Подходят разбойники к дому, а света не видно.

— Что такое? Заспалась старуха, что ли? — стали они толковать.

— Сейчас посмотрю, в чем дело, — сказал атаман. — Вы пока здесь подождите, чтобы награбленное добро в кучу не сваливать.

И вошел в дом. Только вступил в сени, вол поднял его на рога и кинул через открытую дверь в горницу. Там конь из-за двери ударил его копытом.

— Что за черт! Ну погоди, дай только огонь зажгу! — воскликнул атаман и кинулся к углям, чтобы огня добыть. Раскопал золу и стал огонь раздувать, а тлеющие угли к яйцу припеклись. Фук! Яйцо лопнуло, обдав все лицо и глаза атаману горячим пеплом. Он, как ужаленный, кинулся к ведру, чтобы в нем лицо и глаза себе обмыть, но только руку туда опустил воды зачерпнуть, как ему клешнями пальцы защемило. Атаман дернул рукой, опрокинул ведро и поднял страшный шум. Утка захлопала крыльями и закричала:

— Так-так-так!

Индюк загремел на печи лопатами, закивал головой и забормотал:

— Бл-бл-бл-бл!

Конь только тут ударил атамана по-настоящему — задними копытами в спину — и вышиб его в сени.

Там вол опять поднял его на рога и выкинул из дома на двор. А петух на насесте во все горло орал:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!

Избитый до полусмерти, атаман сам не свой прибежал к товарищам.

— Ну, какая там чертовщина стряслась? — спрашивают они его.

Отдышался он и говорит:

— Дело скверное, ей-богу! Хотел я подкрасться к ним на цыпочках, а они сами втокнули меня к себе в горницу. Я хотел огонь засветить, чтобы хоть увидеть, кто там такой. Вдруг — фук! Прямо в лицо мне стрелок из печи выстрелил, так что я чуть глаз не лишился. Опустил руку в ведро глаза промыть, а там портной с ножницами: чуть все пальцы мне не откромсал! А между лавками ткач кросна расставил, да как треснет меня челноком по голове и говорит:

— Так, так, так его!

А на печи пекарь схватил лопату и грозитя:

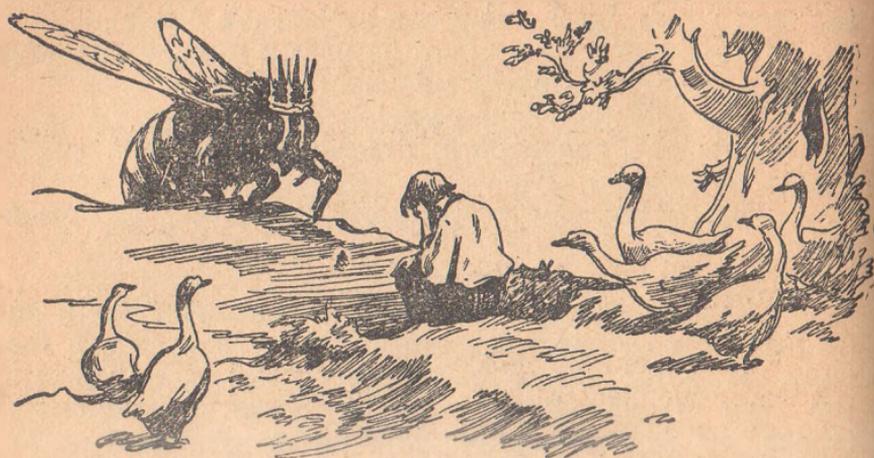
— Больно будет, больно будет!

А из-за двери выскочил сапожник, ударил меня еще раз колодкой и вышиб в сени. Тут негодяй мужик поднял меня на железные вилы и выкинул на двор. Счастье мое, что я не дал ему вскинуть меня наверх, а то совсем пропал бы. Там, словно у готовой виселицы, ждал меня палач и кричал:

— Жду его тут, наверху! Жду его тут, наверху!

Разбойники не стали дожидаться, когда все эти мастера выскочат на них из избы, а давай бог ноги! И все награбленное добро кинули.

Наши приятели — семеро мастеров — уселись за накрытый стол и принялись уписывать угощенье. Поели, попили, погуляли всласть. Потом каждый пошел своей дорогой, и я не знаю, соберутся ли они когда-нибудь снова такой дружной компанией, какой пировали тогда.

ГУСИНЫЙ ПАСТУХ

У одной матери было двое сыновей. Когда старшему исполнилось двенадцать лет, матушка сказала ему: — Сын мой милый, родной! Пора тебе в мир идти, какой ни на есть работы искать. Ваша матушка кормить вас двоих уже больше не может.

Простился старший сын с матерью и братом и пошел счастья искать.

Когда младший подрост, матушка и ему сказала:

— Ну, сын мой милый, ступай и ты себе счастья искать. Я больше кормить тебя не могу.

Испекла она ему на дорогу три лепешки, а он горько заплакал, простился с матерью и пошел далеко-далеко — через горы, через леса — счастья искать.

Долго он так шел. Уж и лепешки все вышли. Идет, и ничего у него нет. Только коренья по дороге вырывает да ими и питается.

Как-то раз сильно он проголодался. Сел, во все стороны глядит, озирается. Ничего не видно. Вдруг видит:

прямо перед ним что-то большое, чуть не с хату. А это был такой большой муравей. Кинулся он к тому муравью и кричит:

— Муравей, муравей, я тебя съем!

А муравей отвечает:

— Ах, не ешь меня, Янко, не ешь. Я тебе и днем и ночью служить буду!

Янко покачал головой и говорит:

— Ну, коли ты так просишь, — ладно, живи. Только скажи, как мне из этого леса выйти?

Муравей указал ему тропинку и объяснил, куда идти.

Юноша опять долго шел. Идет-идет — кругом ни птички, ни воробышка, только лес густой, куда даже божье солнышко пробиться не могло.

Вдруг видит он что-то большое, чуть не с хату. А это была такая большая пчела.

Он как закричит на нее:

— Пчела, я тебя съем!

А пчела ему в ответ:

— Ах, не ешь меня, Янко, не ешь. Я тебе и днем и ночью служить буду!

Долго не хотел Янко отпускать ее, но она так его просила, что он, наконец, согласился:

— Ладно, не стану. Только ты мне поесть дай, а то я больно голоден.

Но у пчелы ничего не было. Она ему только тропинку указала, по которой можно скорей из лесу выйти. Янко вытер слезы и пошел дальше.

Идет-идет он по горам, по долам — нигде ни птички, ни воробышка. Вдруг что-то на дереве застрекотало. Поглядел он, — там сорока в гнезде птенцов своих кормит. Обрадовался Янко, влез на дерево и крикнул:

— Сорока, я тебя съем!

— Ах, не ешь меня, Янко, не ешь! Я тебе и днем и ночью служить буду.

Но Янко ничего и слышать не хочет, одно твердит:

— Съем тебя, съем тебя, съем тебя!

А сорока кричит:

— Не ешь меня, Янко, не ешь. Я тебе отслужу.

Покачал он, покачал головой и говорит:

— Ну, так ты мне хоть птенцов своих отдай. У меня от голода в голове мутится.

Сорока опять просит:

— Ах, не ешь их, Янко, отпусти бедняжек! Ведь они маленькие, а ты уж скоро из лесу выйдешь, и там тебе все дадут, чего ни попросишь.

Уступил он, не тронул сороки и пошел куда глаза глядят по горам, по лесам, пока перед ним не открылся чудный, прекрасный вид.

Увидел он большой город. Вошел в тот город и — прямо к королю: стал его просить, чтобы тот ему какую ни на есть службу дал. А король в ответ:

— Ладно, сын мой. У меня много гусей. Будешь их пасти, а то одному пастуху с ними не управиться.

И взялся Янко гусей пасти. Но как же он удивился, когда увидал, что гусей пасет его брат. Тот встретил Янка неласково: не понравилось ему, что младший вместе с ним гусей пасти будет. Так на него рассердился, что решил его погубить.

Вот собрался раз король на прогулку. Вдруг видит: в углу сеней старший гусиный пастух стоит.

— Чего тебе надо, мошенник? — спросил его король.

А тот в ответ:

— Мой брат сказал, что если вы ему свою младшую дочь отдадите, он в одну ночь весь хлеб, какой у вас посеян, сожнет, свяжет и на гумно уберет. Я вам об этом сказать пришел.

Король велел позвать Янка и говорит ему:

— Правда ли, сын мой, будто ты сказал, что весь мой хлеб в одну ночь сожнешь, свяжешь и уберешь, если я за тебя свою младшую дочь отдам?

— Что вы! Слыханное ли дело! Я ничего такого не говорил.

— Ну, говорил или не говорил, а должен сделать.

С королем шутки плохи. Вышел бедный Янко из города, сел возле гумна и заплакал. Плакал он, плакал, так что сердечко чуть не разорвалось. Уж темнеть стало, а он все горюет. Вдруг, откуда ни возьмись, появился тот большой муравей и спрашивает:

— Что с тобой, Янко? О чем ты так горько плачешь?

Янко в ответ:

— Как же мне не плакать? Мой брат на меня королю налгал, будто я сказал, что ежели король за меня свою

дочь отдаст, я весь его хлеб в одну ночь сожну, свяжу и на гумно уберу.

А муравей и говорит:

— Не печалься, ложись спать, я сам все сделаю.

И Янко скоро уснул.

А муравей затрубил в серебряную трубу (он был королем всех муравьев, какие есть на свете), и стали тут муравьи со всего света собираться: кто с серпом, кто со свяслем, кто с колышками для вязанья снопов, кто запряженных в телегу коней погоняет. И принялись все за работу: одни жнут, другие снопы вяжут, третьи сжатый хлеб на гумно возят. В несколько часов все было сделано.

Утро уж наступило, а Янко еще спал. Выглянул король из окошка, поглядел в поле, видит: весь хлеб на гумнах, а что туда не вошло, то возле в стогах стоит. Оделся он поскорей, побежал в поле и только диву дался, как это Янко еще заснуть успел. Стал он его трясти за плечо и говорит:

— Вставай, сын мой!

Проснулся Янко, а король ему:

— Молодец!

Похлопал его по плечу, поднес ему бокал вина да большой каравай хлеба и опять послал гусей пасти.

Через несколько дней снова собрался король на прогулку и видит: опять в сенях, в углу, старший гусиный пастух стоит.

— Чего тебе надо, мошенник? — спросил король.

— Да вот мой брат говорит, что коли вы за него свою младшую дочь отдадите, он в одну ночь дворец выстроит еще лучше, чем ваш, и что вокруг того дворца такие деревья будут расти, которые всегда в цвету, и на них круглый год птички петь будут. Я и пришел сказать вам об этом.

Король послал за Янком и велел ему дворец строить.

Вышел Янко в сад и до самого вечера там проплакал. Прилетела к нему пчела и спрашивает:

— Ты что плачешь, Янко?

— Ах, как же мне не плакать, милая пчелка, когда мой брат нагнал на меня королю, будто если король за меня младшую дочь свою выдаст, я в одну ночь такой дворец выстрою, которому во всей стране равного нет.

— Ничего не бойся, сынок, — отвечала пчелка. — Ложись спать, я все устрою.

Сказала и затрубила в золотую трубу (она была королевой всех пчел на свете), и собрались все пчелы со всего белого света: одни принялись замазку месить, другие камни носят, третьи стены выводят, четвертые кровлю настилают, — работа так и кипит. Выстроили дворец, изнутри и снаружи всякие украшения лепить стали. А когда все было готово, опять разлетелись по белу свету.

Утром встал король, выглянул в окошко — только диву дался! Стоит в саду прекрасный новехонький дворец, будто из яичка вылупился; балкон прямо против королевского замка, а вокруг деревья все в цвету, и на них птички весело распевают — просто чудо! Обрадовался король, надел туфли на ноги и к дворцу побежал. А Янко еще не просыпался. Стал король трясти его и говорит:

— Молодец ты!

Похлопал его по плечу, поднес ему бокал вина да большой каравай хлеба и опять послал гусей пасти.

Через несколько дней снова собрался король на прогулку. Смотрит, опять в углу, в сених, старший гусиный пастух стоит. Спросил его король:

— Ну, мошенник, чего тебе надо?

— Да мой брат говорит, что коли вы за него свою младшую дочь отдадите, у них в ту же ночь ребенок родится, который до утра и ходить и говорить научится.

Послал король за Янком и рассказал ему, что брат пре него говорит.

Стал Янко оправдываться. Но никто не мог подать ему в этом деле ни совета, ни помощи, потому что король приказал, чтобы так и было!

Как наступил вечер, Янка с молодой прекрасной королевной в новом дворце спать уложили. Когда королевна заснула, Янко вылез из постели, подошел к окну и горько заплакал. Вдруг в окошко что-то застучало. Янко открыл окно, — видит: сорока. И спрашивает его та сорока:

— Что ты плачешь, сынок?

— Ах, как же мне не плакать, когда брат мой нагнал на меня, что, мол, если король выдаст за меня свою младшую дочь, у нас с ней в ту же ночь ребенок родится, который до утра ходить и говорить научится.

— Не беда, сынок! — ответила сорока. — Ложись спокойно спать, а окно пусть останется приотворено.

Янко так и сделал.

Утром, чуть рассвело, молодые в новом дворце еще спали, а король с королевой уж на ногах! Только отворили они дверь своего замка, навстречу им весело выбежал славный, хорошенький мальчик, поцеловал им руки и воскликнул:

— Дедушка и бабушка, с добрым утром!

Старичок и старушка очень обрадовались такому хорошенькому внуку. Они вошли во дворец, где молодые спали обнявшись, разбудили их и дали им свое благословение. Сыграли тут прекрасную свадьбу, и Янко после смерти своего тестя стал королем над всеми его владениями.

МЕДВЕДЬ И КОМАР

Встретились раз медведь с комаром. Медведь и говорит:

— Ты, комар, садишься на всякие живые создания и насасываешься крови досыта. Скажи мне, чья кровь самая сладкая?

А комар в ответ:

— Самая сладкая кровь — человеческая.

Ладно. Собрался медведь за человеческой кровью. Встречает он мальчика:

— Стой! Ты человек или нет?

— Я буду человеком, — ответил тот и гордо вытянулся, словно хотел тут же сравняться ростом со взрослыми.

— Ну, тянись, тянись, — проворчал медведь. — Какой мне прок от того, что еще только будет?

Пошел дальше, встретил нищего старика.

— Стой! Ты человек или нет?

— Я был человеком, — прошамкал старик и согнулся, чтобы не так в глаза бросаться.

— Ну, гнись, гнись, — проворчал медведь. — Какой мне прок от того, что было?

Шел-шел, встретил гусара.

— Стой! Ты кто?

— Человек, и с головой на плечах, — прогремел гусар и пришпорил коня.

Медведь за ним по пятам — все ближе и ближе. Вдруг гусар обернулся, выставил прямо на медведя палаш да нырнул его так, что кровь захлестала. Медведь видит: шутки плохи! — и наутек. Гусар не поленился, скинул ружье с плеча и выстрелил вдогонку.

Опять сошлись медведь с комаром.

— Ты, комар, может и прав, что человеческая кровь самая сладкая. Только мне она не по вкусу.

— Что так? — засмеялся комар.

— Да потому, что с человеком шутки плохи. Я только побежал за ним, а он как выпустит против меня язык, да такой длинный, что за целую сажень меня достал, и такой острый, что вонзил мне его до самой кости. Я уж решил в покое его оставить, а он обернулся, плюнул мне вслед и — трах! — послал сверкающую молнию да угодил мне прямо в бок, так что я чуть не помер от боли. До сих пор под кожей свербит.

Юркий комар затрясся от смеха над неповоротливым медведем, — чуть не лопнул. Впрочем, этого не могло случиться: ведь он не жирный, хоть и сосет кровь всех живых созданий.

ГЛУНАЯ ЖЕНА

У одного человека была глупая жена. Спрашивает она его как-то раз:

— Скажи, муженек, для чего тебе та мука, что наверху на чердаке лежит? А в кладовой зачем столько свинины и сала?

— Для того, женушка, — ответил ей муж, — что, когда понадобится, ты ту муку замесишь; а свинина и сало дожидаются капусты.

— А что у тебя в том старом горшке, под постелью?

— Там тыквенные семечки. Как пойдет мимо гончар, мы их обменяем на новый горшок.

А там деньги были. Но муж, зная, что у жены его не все дома, не хотел говорить ей об этом.

Утром муж пошел на работу и велел жене вычистить и пересушить одежду, все в порядок привести, а он вечером домой придет.

— Все сделаю, муженек, не беспокойся, — ответила жена.

Не успел муж уйти, как мимо избы проехал гончар с полным возом горшков. Увидала его хозяйка, вытащила из-под постели старый горшок, — будто бы с тыквенными семечками, — выбежала за ворота и кричит:

— Эй, хозяин, хозяин! Давайте с вами меняться.

— А на что меняться желаете? — спросил гончар.

— Да на тыквенные семечки. Мой муж давно уж для вас их приготовил, чтобы вы нам за них новый горшок дали.

Увидел гончар, что это не тыквенные семечки, а деньги, — сразу понял, какая перед ним покупательница. Похвалил семечки — подходящие, мол, и тыквы из них хорошие будут, — потом быстро сложил полвоза горшков ей на землю; а та от радости сама не своя. Забрал он деньги и уехал, а она насадила горшки на кольца плетня один возле другого. Только одному, самому маленькому, свободного кола не хватило. Стала она горшкам толковать:

— Подвиньтесь, подвиньтесь... Ведь вы видите, — маленькому места нет!

Но горшки не захотели подвинуться. Взяла она палку и ну их колотить! Только черепки во все стороны летят. Перебила горшки, а маленький на кол надела и стала любоваться, как она его ладно, хорошо устроила.

Потом пошла на кухню, вынула мясо из печи, захватила сало, отнесла все на огород и положила на капустные гряды. Прошло немного времени, прибежали собаки, сожрали и мясо и сало. Рассердилась на них глупая женщина, взяла дубинку и выгнала проклятых из огорода. А свою собаку схватила за уши, оттащила в погреб и привязала к затычине в бочке.

— В наказанье посиди, — говорит, — в холодке на привязи.

Но не успела она это сказать, как собака выдернула затычку и — была такова. А как же вино? Вино так и хлынуло из бочки. После этого глупая женщина побежала на чердак, где мука хранилась, перетаскала ее вниз и всю как есть замесила.

Покончив и с этим делом, она вспомнила, что надо еще мужу одежду вычистить. Пошла в чулан, вытащила оттуда все кафтаны, брюки, куртки, шапки, армяки.

шубы. Намочила, намылила все это и поставила кипятить. Положила сверху золы, налила воды в котел и прокипятила. Потом все хорошенько выполоскала, выжала и повесила на плетень сушиться.

Вот приходит домой муж. Она ему навстречу выбежала, — стала хвалиться, что за день все сделала и в порядок привела. У мужа просто волосы на голове дыбом встали, когда он все это слушал, а потом и своими глазами увидал. Что делать? Убить ее? Выгнать из дома? У него прямо руки опустились.

— Ах, жена, жена, чтоб тебе пусто было! Экая ты дура, — промолвил он сердито и стал втолковывать ей, каких бед она натворила.

— Ну, да теперь что об этом говорить, — прибавил он, немного успокоившись. — Надо скорей бежать вдогонку за этим гончаром, чтобы он заплатил нам за все. Ты ступай налево, а я побегу направо. Коли ты его прежде увидишь, крикни меня; коли я, то позову тебя.

Побежали. Через минуту жена закричала:

— Эй, эй, муженек! Беги скорей сюда. Я его поймала, негодяя.

Муж опрометью к ней. Прибежал и видит: у жены в руках огородное пугало.

— Ах ты, господи! С такой дурой женой просто спятить можно! Ну что мне, грешному, с ней сделать?

Но пока он так убивался, кое-что пришло ему в голову.

— Милая женушка! — заговорил он ласковым голосом, словно ни о чем другом не думал, как только о ее счастье. — Милая моя женушка! Ты слышала, что будет война с турками? Ведь мне придется с тобой проститься и взять ружье в руки.

— Ах ты, горе какое, золотой муженек мой! Неужто в самом деле? — ответила она, задрожав как осина.

— Конечно, в самом деле. А ты испугалась бы, встретив турка?

— Понятно, испугалась бы, будь он неладен!

— Ну не бойся. Я тебя спрячу так, что он тебя не найдет.

— Ах, спрячь меня, спрячь меня, муженек милый, золотой! — стала она просить его, сложив руки в мольбе.

Взял он ее за руку и повел в лес. Выкопал в лесу яму и зарыл ее туда по самую шею, — одна голова над

землей торчит. А он ещё навалил ей на голову мха, набрал листьев да ими кругом обложил и сверху засыпал. Потом велел ей сидеть молча, не шевелиться и пошел домой.

Торчит бедная, словно пень в лесу, но сидит молча. Наступила ночь, а она не шелохнется и словно воды в рот набрала, — думает, так и должно быть. Вдруг слышит голоса. Смотрит, огонек мигает, да все ближе и ближе. Это разбойники прямо с разбоя возвращались. Подошли к ней, остановились.

— Ну, пришли, — сказал атаман. — Здесь мы можем пересчитать и разделить деньги. Поставьте свечу сюда, на пень.

А пень-то этот была голова женщины.

Высыпали разбойники деньги на траву, стали считать, сколько каждому приходится. Вдруг слышат, кто-то рядом стонет: «Ох-ох-ох!»

Напал на них страх, погасили они свечу, всё бросили и разбежались в разные стороны, каждый напрямик в чащу. Стонала-то закопанная: свеча на голове у нее догорела и стала ей голову жечь, она и застонала от боли. А разбойники подумали, что либо на них сейчас бог весть какое чудище из-под земли выскочит, либо они уже со всех сторон окружены. Здорово перетрусили, — потому, дело известное, совесть-то у всех у них нечиста...

А муж дома покоя не знал. Никак заснуть не мог, все думал: что жена там, в лесу, делает? Стало ему ее жалко. Вскочил он, как ужаленный, с постели и на рассвете был уже в лесу. Увидала она мужа и говорит ему радостно:

— Гляди, муженек, я тебе больше денег достала, чем гончару отдала.

При виде целой груды золотых монет муж забыл все, что было между ним и женой, выкопал ее из земли и отвел домой.

Накупили они опять муки, вина, свинины, сала; купили новой одежды и новый дом. Ну, а завелись деньги, — так и жена поумнела: разве богатые глупыми бывают?

ТРИ ПРАЧКИ

Жили-были три бедные прачки. Не было у бедняжек ничего, кроме того, что сами своими руками заработают. Жили они далеко за городом, в маленьком домике, со своими тремя мужьями. Мужья их ходили в город дрова колоть, а сами они на речке людям белье стирали; так с грехом пополам и перебивались.

Вот раз ждут они вечером мужей домой из города, а те все не идут. Да так и не пришли. И найти их бедные не могли, — как ни искали, кого только ни расспрашивали. Стало бедным прачкам без мужей еще труднее жить. Кто им теперь дрова в лесу нарубит? Все самим приходилось делать: и нарубить, и принести.

Купили они раз мерку ржи — хотели хлеба себе испечь. Намесили теста в квашне, все приготовили, — только печь затапливай. А огня-то нет!

Пошла старшая в город огня добывать, а младшие обе крепко ей наказали скорей возвращаться, потому — больно есть хочется: целый день ничего не ели, а уже

солнце садится. Стали они ее ждать. Ждали дотемна, а ее все нет. Видно, заблудилась, потому что жили они в лесу. Хотели они обе пойти на розыски, да нельзя дом бросить. И пошла средняя, а самая младшая осталась тесто месить, чтобы к их приходу все готово было. Перемесила она тесто, посидела, отдохнула, а тех все нет. Стали страх и голод ее мучить; что делать — не знает. Подумала и сама собралась пропавших искать. На дороге испекла себе из поскребышков три хлебца прямо на уголечках, что еще горячие были. «Найду их обеих, — думает, — вместе съедем».

Пошла она старой знакомой тропинкой в город и, хоть ночь темная была, ни разу с дороги не сбилась. Вдруг видит: узкая ложбина вниз с горы. «Не пройти ли мне этой ложбиной? — подумала. — Ведь так, пожалуй, ближе будет».

И свернула туда. Шла она, шла, бежала, бежала, а ложбине все конца не видно. И когда уж далеко зашла, поняла она, что заблудилась. Только хотела назад вернуться, вдруг видит: вверх по ложбине, навстречу ей, светлый всадник едет и собачка бежит. Подошла она к нему, спрашивает, куда дорога ведет. Очень понравился ей этот светлый худой всадник; не могла она на него надивиться. Такими же светлыми и худыми были и конь его и собачка, что впереди бежала.

— Дай вам бог счастья, молодой господин, — обратилась пугница к всаднику. — Не скажете ли, как мне до города добраться? Ах, какие же вы худые, — и вы сами, и конь ваш, и собачка! Может, покушаете? Вот у меня поскребышек.

Вынула она один хлебец из сумки и протянула им. Собачка раскусила его на три одинаковые части и одну дала хозяину, другую коню, а третью сама съела.

— Спасибо, что нас накормила, — сказал всадник. — Дорогу мы тебе указать не можем. Но ступай все по этой ложбине. Встретишь еще одного всадника; только тот потемней будет, потому что от меня свет получает. Может, он тебе дорогу укажет. А мне надо скорей дальше.

Пошла она дальше, а от всадника такое сияние идет, что в ложбине и темной ночью все как есть видно, — с дороги не собьешься, в лесу не заблудишься. И только она всадника из виду потеряла, — глядит, навстречу ей другой светлый всадник, и впереди опять собачка бежит.

— Дай вам бог счастья, молодой господин! Может, укажете мне дорогу: как из этого леса поскорей выйти? Я уже давно тут брожу, все никак не выберусь. Нате вот, покушайте поскребышка, — вы такой худой.

И протянула ему хлебец. Собачка схватила хлебец, раскусила на три части и поделила между ними троими.

— Спасибо, что нас накормила! — сказал всадник. — Но дорогу мы тебе указать не можем, потому что сами не знаем. Мы должны за тем передним всадником всегда ездить, из виду его не теряя, чтобы часть света от него всегда на нас падала. А ты ступай дальше по этой ложбине. Встретишь еще одного — черного всадника. Он тебе скажет, что делать.

От этого всадника свет шел уже слабее; скоро путница совсем потеряла его из виду и шагала в черной тьме. Вдруг навстречу ей третий, совсем черный, всадник. Она отдала ему третий хлебец и спросила, куда ей идти.

Черный всадник остановил коня и собачку.

— Ступай, — говорит, — по этой ложбине; только смотри, не сбейся с дороги и не заблудись в лесу. И придешь ты к одному дому. Посреди двора, увидишь, дрова в костер сложены, и на нем фонарь горит. Ты в дом не ходи, а иди в конюшню. Там в сенях недоуздок висит. Сними его, только тихонько, чтобы дыханья твоего не было слышно. А то разбудишь коня, что в конюшне стоит, и он за тобой кинется. Как возьмешь недоуздок, ступай в дом, — через две горницы в третью. Там все будет светиться. Но ты хоть страшное увидишь, не пугайся, а иди смело вперед. Войдешь в третью горницу, — там старый колдун, за столом сидя, спит. Накинь ему на шею недоуздок, и что он ни станет делать, ты не обращай внимания, а тащи его за недоуздок прямо во двор, к костру, зажги тот костер свечой из фонаря и наверх положи колдуна. Пусть он сгорит. Не выпускай его, что бы он ни делал, как бы ни изворачивался, во что бы ни превращался. Коли все это исполнишь — освободишь и нас и себя, а коли нет — пропадешь так же, как пропали твои подруги, которые тоже так вот заблудились. Первый всадник, которого ты встретила, служит тому колдуну вместо солнца, второй — вместо месяца, а я — вместо ночи. Ты нас накормила, и мы не будем домой спешить, подольше на дороге задержимся: пока мы ездим, колдун не проснется.

У тебя довольно времени; только не мешкай и делай все осторожно, как я тебе сказал.

Теперь узнала путница, где она, как ей быть и что делать. Собралась она с духом и пошла вперед, в темноту. Сама не знала, где идет, куда придет, но в конце концов очутилась на дворе колдуна, возле дров. Видит, в фонаре свеча горит, и в той горнице, где колдун спит, окошко светится. Прокралась она потихоньку в конюшню, сняла, ватаив дыханье, со стены недоуздок и пошла в дом. Отворила дверь, — видит, на кухне всякая посуда, какая хочешь; только все из человеческих костей вырезано: миски из черепов человеческих, ложки — из рук, а из ног — песты да скалки, из туловищ — корыта. При виде всего этого она страшно испугалась, но скоро опомнилась, отворила другую дверь и вошла в горницу. Горница была полна железных клеток с людьми, которых колдун откармливал. Среди них были и ее подружки: они тоже сюда пришли, но ничего не могли дать худым всадникам, и те им не подали никакого совета, а колдун проснулся и посадил их в клетку. Теперь все спали.

Она, не дыша, потихоньку отворила дверь в третью горницу, где колдун сидел. Старик проснулся и стал было вставать из-за стола. Но она быстро накинула ему на голову недоуздок и потащила на двор к костру. Колдун начал менять обличья: превращался во всяких чудовищ, змей, жаб, ящериц, птиц, медведей, лисиц, волков и бог знает во что еще. Но она не стала обращать на это внимания, а подвела его к дровам, вскинула наверх и зажгла костер свечой из фонаря. В одно мгновение дрова затрещали, колдун сгорел, а огонь и пепел исчезли.

Где был двор, оказалась целая страна, а где дом — целый город. Пришло множество народу, и все стали благодарить свою избавительницу за то, что она сняла с них заклятье. Три всадника оказались мужьями трех прачек: ее мужем был черный всадник, рассказавший, что ей делать. Они стали здоровыми, полными людьми, а худыми были оттого, что колдун кормил их раскаленными угольями.

Как собрались все вместе, пошли у них тут радость да веселье. И до сих пор живут они да радуются, коли не померли.

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Собрались раз медведь с лисой на бал — поплясать, позабавиться. Но в перерыве между танцами произошла драка. Лиса успела скрыться, а медведя молодежь так крепко поколотила, что он оттуда еле выбрался. Лиса вывалялась в кострике, подошла к медведю и стала жаловаться, будто ее так избили, что у нее по всему телу кости торчат. Медведь, весь избитый, пожалел лису, посадил ее себе на спину и понес через лес. Вошел он с ней в лес, а лиса и говорит:

— Битый небитого несет!

Услыхал медведь, что лиса эту насмешку без конца твердит, рассердился, скинул ее на землю и хотел хорошенько проучить. Но лиса была проворней: она убежала в нору под деревом и стала оттуда над медведем смеяться. Тот еще больше рассердился, выбрал большую корягу с закорючиной и стал той корягой лису из норы вытаскивать. Зацепил ее за ногу, а она и говорит:

— Хватал ногу, схватил корень!

Медведь отпустил ногу лисы и стал в другом месте норы корягой водить. Зацепил корень, а лиса говорит:

— Хватал корень, схватил ногу!

Напрасно провозившись у лисицыной норы, медведь кинул корягу, дотащился до своего логова и залег там, чтобы обиду пережить, а на бал с лисой уж больше не ходил.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Пастух Янко и прекрасная змейка	5
Двенадцать месяцев	16
Безрукая девушка	24
Народная молва о Яношике	32
Заколдованный лес	37
Три брата	48
Женская мудрость	57
Златорогий олень	64
Как волк сапоги себе заказал	69
Злая мачеха	76
Егорка-дурачок	80
Ручная мельница	89
Веселая скрипка	100
О заколдованном дворянине	102
Олененок	110
Грязнуха вечный — житель запечный	117
Лесник Янко и три собаки	123

Пророк	132
На всех не угодишь	138
Дай бог тебе счастья, мостик!	141
Старый Бодрик и волк :	150
За золотым яблочком	153
Как яйцо странствовать пустилось :	160
Гусиный пастух	164
Медведь и комар	170
Глупая жена	172
Три прачки	176
Медведь и лиса	180

2 р. 25 к.

ГОСЛИТИЗДАТ
1955